

СЕРИЯ «НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ»

**ДИСКУРС И СТИЛЬ:
теоретические и прикладные аспекты**

Коллективная монография

Под редакцией Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной,
Н.В. Смирновой

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2014

УДК
ББК

Д??

Издание осуществлено в рамках
научно-исследовательской программы
Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *М.Ю. Казак*;
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Цветова*;

Д?? Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 272 с.

ISBN 978-5-(ФЛИНТА)

ISBN (Наука)

Коллективная монография посвящена актуальной проблеме лингвистики — соотношению понятий *стиль* и *дискурс*. Ведущие ученые России, Австрии, Польши, Белоруссии, Литвы, Украины ставят острые дискуссионные проблемы: что есть *стиль* и что есть *дискурс*? возможна ли таксономия дискурсов и совпадает ли она с таксономией функциональных стилей литературного языка? каково будущее стилистики и дискурсологии — конкуренция или конвергенция? Сама постановка этих дискуссионных тем очень важна для развития теории современной лингвистики, объединяющей традиционную стилистику и относительно новые дискурсологию и коммуникативистику. Теоретические проблемы изучаются на примерах различных типов дискурсов. Особенностью данной монографии является ее дискуссионный характер: в ней не делаются заключительные выводы, напротив, в ней ставятся острые проблемы, которые предлагаются научной общественности для дальнейшего обсуждения.

Для специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических и журналистских специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК
ББК

ISBN (ФЛИНТА)
ISBN (Наука)

© Колл. монография под ред.
Солганика Г.Я., Клушиной Н.И.,
Смирновой Н.В., 2014
© Издательство «ФЛИНТА», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5

СТИЛЬ И СТИЛИСТИКА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гайда С. Философия стиля 9

Баженова Е.А. Дискурс—текст—стиль в ракурсе функциональной стилистики 18

Воронцова Т.А. Границы стилистики и стиля в современной научной парадигме 27

ДИСКУРС В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Кожемакин Е.А. Дискурсные исследования в России и на Западе: опыт сопоставительного исследования 35

Кашкин В.Б. Дискурс: пределы точности 46

Чернейко Л.О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? 52

Мальшичева Е.Г. Лингвокогнитивный анализ дискурса: базовые понятия, термины, методики и аспекты исследования 72

Безуглая Л.Р. Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу 81

Селезнева Л.В. Направления и подходы в теории дискурса 94

ДИСКУРС И СТИЛЬ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ?

Тошович Б. Стиль и дискурс: сходства и различия 105

Хазагеров Г.Г. Две возможности дискурсивной стилистики 116

Бжозовская Д. Стиль и дискурс 128

Орлова О.В. Стиль vs дискурс 154

Негрыйшев А.А. Дискурс-анализ и стилистика текста: точки пересечения в методологии исследования (на материале новостного медиадискурса) 169

Клушина Н.И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики 177

МЕДИАСТИЛИСТИКА

<i>Солганик Г.Я.</i> О стиле современных газет	185
<i>Ивченко В.И.</i> Публицистический стиль, текст и дискурс	197
<i>Коньков В.И.</i> Разновидности русской речи в СМИ и категория стиля	207
<i>Карасик В.И.</i> Коммуникативная тональность медиадискурса	218

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

<i>Лассан Э.Р.</i> Существует ли риторика научного дискурса?	233
<i>Демьянков В.З.</i> Зигзаги дискурса и гармонизация текста	241
<i>Граудина Л.К.</i> Стилистические и семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка	248
<i>Чепкина Э.В., Терновская Д.Н.</i> Дискурсивные практики конструирования персонажей в рекламе модных брендов в журнале Vogue	258
Сведения об авторах	265

ОТ РЕДАКТОРОВ

Коллективная монография открывает новую серию — **«Научные дискуссии»**. Современная лингвистика бурно развивается, испытывая на себе сильное влияние различных концепций — философских, психологических, культурологических, социологических и др. Сегодня говорят о коммуникативном, антропологическом, синергетическом, дискурсивном поворотах в лингвистике. На стыках наук рождаются интересные идеи, формулируются парадоксальные гипотезы, развивающие гуманитарное знание. Новые повороты неизбежно провоцируют столкновение мнений, несогласность научных позиций — но и желание понять. Цель данной монографии — не решение поставленных задач и не формулирование окончательных выводов, а, напротив, постановка вопросов, заострение проблем, инициирование дискуссии.

Это первая в современной отечественной стилистике коллективная монография дискуссионного характера, преимущества которой нам видятся именно в многоголосии научных позиций и в открытости, незавершенности научного поиска, предпринятого в данном издании. В коллективной монографии мы выносим на дискуссию актуальную проблему современной лингвистики — соотношение понятий **дискурс и стиль** во всей сложности и неоднозначности их взаимодействия.

В современной науке эти два термина практически не различаются. Между тем они являются центральными категориями различных научных дисциплин — *дискурсологии* и *стилистики*. Поэтому представляется важным определить сущность этих терминов, очертить границы стилистики и дискурсологии, сформулировать их задачи, обозначить методологию, наметить перспективы развития.

Ведущие ученые из разных стран (России, Австрии, Польши, Литвы, Белоруссии и Украины) в этом коллективном труде представляют свое видение проблемы «дискурса и стиля». Ряд ученых являются видными представителями стилистики, по словам Ст. Гайды, ее «патриотами», другие — авторитетными специалистами в области коммуникативистики и дискурсологии. Тем не менее их оригинальные научные концепции, собранные вместе, позволяют обозначить общие «горячие точки» научной дискуссии:

- Что есть стиль и что есть дискурс?
- Дискурс и стиль — эквивалентные, облигаторные или оппозитивные категории?
- Совпадают ли таксономия функциональных стилей и таксономия дискурсов?
- Возможна ли единая таксономия дискурсов?
- Будущее стилистики и дискурсологии: конвергенция или дальнейшая дифференциация?
- Стилистика дискурса или дискурсивно-стилистический метод: необходимо ли объединять методики различных дисциплин?
- Возможна ли стилистика без дискурса и дискурс без стилистики?

Отдельное внимание уделяется важнейшему направлению стилистики и дискурсологии — медиастилистике, основой которой являются медиатексты. В этом разделе представлены теоретические взгляды и практические наблюдения авторитетнейших в России и Белоруссии исследователей языка массмедиа.

Анализу отдельных типов дискурсов посвящен заключительный раздел монографии, в котором видные зарубежные и отечественные лингвисты, рассматривая дискурсивные практики, поднимают важнейшие теоретические вопросы: о незыблемости дискурсивных практик или возможности их творческого преобразования, о презумпции «творческого начала и индивидуальности» (Э. Лассан) даже при жестком диктате дискурса.

Мы предлагаем нашим читателям уникальную возможность услышать свободную дискуссию, которую можно будет продолжить на форуме сайта Стилистической комиссии Международного комитета славистов (URL: <http://stylistic-mks.com>).

СТИЛЬ И СТИЛИСТИКА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- **Что есть стиль?**
 - **Традиции функциональной стилистики**
 - **Границы функциональных стилей**
 - **Отношение стилистики к дискурсологии**
 - **Будущее стилистики**
-
-

Философия стиля

1. Познавательный контекст современной стилистики

1.1. Занятие какой-либо научной дисциплиной включает в себе не только познавательную деятельность, направленную на определенный объект, но и выработку представления о ней, т.е. создание рационально сконструированных миров, а также рефлексии над этими познавательными процессами. Стилистика относится к тем (суб)дисциплинам, которым данная рефлексия всегда была присуща, возможно, даже в большей степени, чем многим другим областям лингвистики. Этому сегодня способствует интеллектуальная атмосфера (ср. нем. *Zeitgeist*) — общая, общенаучная и лингвистическая обстановка нашего времени. Современное кризисное состояние мира нередко определяется как рефлексивная модернизация [Besk и др. 2009]. Подобным образом подчеркивается возрастающая субъективность и способ самоутверждения в каждой сфере общественной жизни (в том числе и в науке). Основанная на сети познавательно-коммуникативных структур рефлексивность ведет к высвобождению субъективности из детерминирующих структур традиции. Это также способствует усилению стилевой и стилистической рефлексивности.

На формирование интеллектуальной атмосферы как комплекса взглядов, определяющих поведение человека, оказывают влияние изменения в культуре в целом и в отдельных ее сферах. В науке ставится под сомнение идеал современной науки с ее ценностями и нормами, «изменяя» правде и рациональности и отходя от изображения познания абсолютного, объективного и отстраненного по отношению к реальному миру. Традиционные в научном мышлении дуализирующие противопоставления типа объект—субъект, объективизм—субъективизм, центр—периферия и т.п. смягчаются, сглаживаются или же, в наиболее крайних проявлениях, элементы, прежде доминирующие, заменяются на свою противоположность, ср. реляционизм (*vs* эссенциализм), релятивизм

(vs универсализм), холизм (vs редукционизм), контекстуализм (vs аконтекстуализм) и т.д.

1.2. Среди научных революций XX в., которые принципиально влияют на современный и будущий образ мира, а также его видение (в частности, революции квантовая, биомолекулярная, компьютерная, связанная с познанием ума), в том числе на стилистическую рефлексивность, стоит обратить внимание на так называемый *языковой поворот* (англ. *linguistic turn*). Этот термин относится к гетерогенному и интердисциплинарному комплексу взглядов, которые в сжатой форме можно выразить в виде тезиса: язык играет ключевую роль в организации и конструировании социально-культурного мира [Rasiński 2009]. Чтобы в полной мере понять этот поворот, лучше всего обратиться к диаде: мир (объект) — познание (субъект), расширенной до триады: мир—познание—язык.

В картезианской философии оба члена оппозиции объект—субъект были полностью независимы, а познание сводилось к отражению в уме субъекта реального мира (объект → субъект). Эту концепцию поставил под сомнение «коперниковским переворотом» И. Кант, признавая в познании за субъектом не только роль пассивную, но и активную (объект ↔ субъект). Как Декарт, так и Кант не посвятили языку большого внимания, считая его пассивным отражением вещи или мышления. Критики концепции Канта, начиная с Г.И. Гердера и В. Гумбольдта, преобразовали диаду в триаду, вводя язык в качестве активного ее члена (объект ↔ язык ↔ субъект).

С языковым поворотом, таким образом, связана постановка языка между объектом и субъектом и признание за ним активной роли (конструктивизм) в конструировании социально-культурного мира и мышления (познания). Использование языка служит не только средством выражения мысли и коммуникации, но и является также актом деятельности, имеет характер перформативный и перлокутивный. Люди воздействуют друг на друга посредством языковых интеракций. В этих интеракциях рождается социальная действительность, непрерывно регулируемая ими, а существовавшие до данного времени содержание и формы культуры сталкиваются с новыми, в том числе и творческими (свободная воля), действиями участников общественной жизни.

2. Стилистическая традиция и лингвистика

В истории проявления интереса к языку можно выделить несколько направлений, которые необязательно выступают совершенно раздельно. Одно из них сосредоточилось на языке как системе знаков, занимаясь его строением. Оно наиболее выразительно проявилось в XIX—XX вв. (сравнительно-историческое языкознание, структурализм Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева), стараясь создать лингвистику как автономную дисциплину. Другое концентрируется на функционировании языка, который является объектом неавтономным, поскольку представляет собой продукт старших познавательных и коммуникативных систем и функционирует в социальном и культурном контексте. Оно раскрывает лингвистику для других дисциплин. Поэтому можно говорить об интердисциплинарности, или даже о полидисциплинарности (существовании многих наук о языке), или же трансдисциплинарности (транснауке, старающейся преодолеть аспектность отдельных дисциплин и трактовать феномен языка в совокупности).

Третье направление занимается генезисом и историей языка, а также отдельных языков (история языка). Четвертое и пятое направления объединяет то, что они адресованы не академической аудитории. Четвертое отвечает на конкретный заказ клиентов науки (прикладная лингвистика). А зарождающееся с недавнего времени последнее направление (связанное с усиливающейся общесоциальной рефлексивностью и обобществлением науки) представлено «общественной» лингвистикой. Ее нельзя отождествлять с традиционной популяризацией, когда общественность является пассивным потребителем. Речь идет об активной и неоднородной общественности, включающейся в языковые дебаты.

Стилистика относится к тем субдисциплинам лингвистики, объектом интереса которой в первую очередь является функционирующий язык. История ее основных понятий — «стиль» и «стилистика» — указывает на особую чувствительность к интеллектуальной атмосфере, в частности на зависимость от лингвистических парадигм. Этим объясняется смысловой полиморфизм терминов *стиль* и *стилистика*. Его невозможно свести до нескольких независимых, не противоречащих друг другу и в то же время четко сформулированных значений. Скорее, можно говорить о многих

более или менее выкристаллизованных концепциях стиля на фоне определенных познавательных контекстов, отмечая также их неполноту и недостаточную определенность, соизмеримость или отсутствие соотносительности и т.д. Ограничусь в данном случае исключительно тем, что укажу на главные типы и тенденции развития.

Термин *стиль* появился в античной риторике (термин *стилистика* только в первой половине XIX в.). Она не предложила законченной концепции стиля. В конечном итоге доминирующим стало элокутивное понимание стиля как способа использования языка, сводимого к языковым средствам (описываемым при помощи категорий риторики), служащих для выражения определенного содержания. Стилистический характер имели также интегрирующие категории, такие, как концепция трех стилей (высокий — средний — низкий) или типов речи (текстов). К элокутивной концепции стиля обратится лингвистическая стилистика XIX в. и XX в., в частности стилистика Ш. Балли и функциональная стилистика. Однако категории риторики она заменит на лингвистические категории.

Новое — холистическое/целостное (ср. нем. *Ganzheit* и *Gestalt*) — понимание стиля внес в научно-философский оборот романтико-просветительский перелом в Германии (в частности, И.И. Винкельман и И. Гете). Данная ориентация сильнее проявилась в литературоведческой стилистике. Стиль здесь включает в себе все то, из чего складывается произведение, выходя таким образом за границы языкового стиля. Целое произведения соотносено с его связностью, мировосприятием, пристальным вниманием к смыслу, общественной значимостью и т.д. Первоначально стиль трактовался как неразложимое целое (в частности, ввиду отсутствия соответствующего аналитико-операционного аппарата — категории, предлагаемые лингвистикой, считались недостаточными), как целостное выражение души художника в произведении. В период между 1-й и 2-й мировыми войнами традиция *Ganzheit* приходит в столкновение с российским формализмом и пражской школой, вводящей термин *структура* в применении к литературному произведению. В то же время Р. Ингарден выдвигает теорию, в которой постулируется, что художественное произведение — это

целостность, состоящая из гетерогенных слоев (звукового, смыслового и изображаемого мира).

Хлопоты со стилем в период после 1-й мировой войны не стали меньшими, имея на то свое онтологическое и эпистемологическое объяснение. Сложность языковой действительности (неавтономность языка) и ее динамическая изменчивость во времени и социокультурном пространстве вызывают немалые затруднения в ее познании. В данной ситуации и проявляется обоснованный в известной степени релятивизм, хотя и сдерживаемый доминирующим до 70-х годов структурализмом. Выдвигаемые в языкознании концепции стиля отличаются постановкой на первый план разных его свойств, выбираемых из дуализирующих оппозиций (напр., типичность vs неповторимость, необходимость vs свобода выбора, норма vs отклонения от нормы), и концентрацией внимания на них (познавательный редукционизм). В славянских странах представлена прежде всего стилистика ресурсов и функциональная стилистика.

Семидесятые годы XX в. ознаменовались настоящим взрывом исследований, посвященных функционированию языка, и закатом структурализма. Языковой поворот, заметный в общественных и гуманитарных науках, в том числе и в языкознании, привел к появлению многих новых исследовательских полей. Могло бы показаться, что для стилистики наступило золотое время. Между тем термины *стиль* и *стилистика* если и не ушли совсем из научного обихода, то функционируют скорее на его периферии. Появляющееся в 50-е годы XX в. убеждение, что стиль — это иллюзия, миф, нечто эфемерное, понятие, не определяемое строгими логическими операциями, приводило к мысли, что самое лучшее — отказаться от этой категории, устранив ее из науки («смерть стиля»). И поскольку стилистика является лингвистической дисциплиной неконкретного, неточного объекта, она также заслуживает удаления («смерть стилистики»).

Знаменательно, что открепчиванию от стиля в лингвистике сопутствует его интуитивное утверждение в обиходном употреблении, руководствующемся здравым смыслом, его широкое проявление во многих общественных и гуманитарных дисциплинах. То, что лингвистика до сих пор не справилась со стилем, не может служить аргументом для устранения этого понятия. Релятивизм гума-

нитарного познания обосновывает необходимость возврата к нему. Стилль представлял собой в прошлом и является в настоящем изменяющимся конструктом познания. Современное мышление о стиле инспирировано многими комплексами взглядов. К ним относятся традиции риторики, стилистика Ш. Балли и функциональная стилистика, неоидеалистическая стилистика, психо-, социо- и прагмалингвистика, лингвистика текста и дискурсология, когнитивистика, социология, теория систем и теория сложности и т.д.

3. В направлении к интегративной теории стиля

Чему учит нас выявляемое концептуальное богатство стилистической традиции? Оно имеет свое онтично-эпистемное обоснование. Сложность и многомерность языковой действительности объясняет множественность концепций, «распятых» между редукционизмом и комплексностью подхода. Познавательный редукционизм — ценой адекватности — дает простой и ясный образ объекта. Чаще всего он признает, что некоторые атрибуты объекта представляют собой целое, в то время как остальные — это только вторичные эманации. Абсолютизация отличных от себя свойств выявляет разнородность, мнимую противоречивость концепции.

Концепции, нацеленные на комплексность, пытаются охватить многомерность целостно воспринимаемого объекта двумя способами, либо «склеивая» разноаспектные понятия в более или менее связанное целое (простая интеграция), либо выискивая решения «сверху» (сложная интеграция). Основная сложность в построении комплексных концепций заключается в том, что языковая действительность — это сущность неиерархизированная, и ее измерения одинаково онтично первичны, равноценны, как и взаимонередуцируемы и нераздельно связаны. Она не является ни простой суммой, ни простой системой (с иерархическими, причинными, интерактивными и т.п. отношениями). В связи с этим необходимо искать новые решения, в частности, обращаясь к науке о сложности, теории систем, теории сетей, теории хаоса и т.п.

Трансдисциплинарная наука о сложности в своей основе имеет общую теорию систем, которая противостоит редукционистскому методу исследования действительности, заключающемуся в расчленении ее на фрагменты и объяснении целого через описание

этих фрагментов. Однако не все объекты можно разложить на более мелкие части без утраты существенных знаний о функционировании целого. Не всегда целое является набором частей. Когда система преодолевает определенный порог сложности, на высших ее уровнях появляются свойства, характерные для этого уровня (явление эмергенции). Редукционизм, сводящий систему к собранию составных элементов, ведет к утрате эмергентных свойств. Такими высокосложными системами (систеомами) являются организмы, экосистемы, общества, культура, приспособленные к гомеостазу (саморегуляции).

В последние годы развивается теория сетей. Она концентрирует внимание не столько на тождестве узлов, сколько на архитектуре связей и интеракций. Такие сети проявляются в природе, в технике, в обществе и культуре. В настоящее время возникла сеть сетей — Интернет. Он является одновременно и инструментом, и объектом исследований, являясь примером сети, находящейся под доминированием нескольких узлов. Для описания динамики сетевых процессов применяются математические модели, использующие знания о так называемых фазовых переходах, т.е. явлениях, происходящих в критические моменты, когда внезапно меняются свойства системы — упорядоченность переходит в состояние хаоса и наоборот.

Могут ли понятия систеомы, эмергенции, сети, хаоса и т.д. пригодиться для описания и интерпретации явлений стиля? Они указывают на определенную исследовательскую перспективу с отходом от одностороннего видения познания мира как объективного, абсолютного и автономного. Должным образом оценивается релятивность бытия и способы его существования (динамическая система связей и интеракции), историчность (событийность, процессуальность и контекстуальность), а также рефлексивность (роль сознания как детерминанта явлений и процессов). Происходит переход от восприятия мира как саморегулирующейся системы объективизированного бытия к восприятию мира событийно-процессуального, концептуализированного через познающие субъекты. Одновременно после периода отказа от «больших нарративов» происходит возврат к большим теориям, возрождаются взгляды в духе холизма. Все это составляет небезразличный для стилистики фон, показывая ей направление принимаемых в настоящее время и в будущем исследовательских программ.

Историю человеческой мысли и научного мышления можно рассматривать или обращаясь к поворотным моментам (перевороты, революции, скачки), или же выискивая непрерывность в развитии. Точно так же в истории стилистического мышления можно обнаружить проявления упорядоченных процессов развития или же дисгармонии. В настоящее время, похоже, преобладает ориентация на интеграцию, с почтением относящейся к познавательным достижениям прошлого, старающейся использовать то, что приносит вся современная наука. К основным положениям сегодняшней интеграционной теории стиля следовало бы отнести следующие [Гайда 2012, Witosz 2009]:

1. Стиль связан с человеческой деятельностью и продуктами этой деятельности, в том числе с коммуникативно-языковой деятельностью и текстами. Эта деятельность по своей природе носит общественный характер и совершается в определенном интерактивном контексте и социально-культурной ситуации.

2. Люди вносят в это (взаимо)действие самих себя, свое Я, в котором субъект-объект (исполняющий требования, вытекающие из общепринятых законов) объединяется с субъектом-субъектом (индивидуальным творцом). В большинстве этих действий рутинное поведение преобладает над креативным.

3. Центром и основой коммуникативного поведения людей являются тексты.

4. Стиль являет собой «гуманитарную структуру текста», интегрируя все его измерения и атрибуты.

Со времени зарождения понятия «стиль» он связан с текстом, и его понимание зависит от эволюции понятия текст. Лингвистика долго не замечала текст, считая предложение предельной языковой единицей, определяющей область лингвистических интересов. Именно поэтому лингвистическая стилистика была сведена до стилистики ресурсов и их однородных собраний (ср. стилевые пласты), а также до языков/стилей (ср. функциональные стили). Только становление науки о тексте (от грамматики текста через очередные повороты: коммуникативно-прагматический, когнитивный, дискурсивный, культурологический и сравнительно быстрый переход от текста полностью закрытого к тексту с почти полностью размытыми в поле текстуальности/дискурсивности (ср. понятие дискурса) границами изменило ситуацию. Текст/дискурс

рассматривается как трехмерное целое, определяемое через отношение к объекту, субъектам и знакам [van Dijk 1997].

Восприятие текстов не только как единичных явлений, коммуникативных ситуаций между коммуникантами в определенном контексте, но и как составных элементов и репрезентантов организованной общественной коммуникативной практики позволило к списку семи прототипных характеристик (категорий) текста, указанных де Бограндом и Дресслером (1990), т.е. когезии, когерентности, интенциональности, акцептабельности, информативности, ситуативности и интертекстуальности, добавить отношение к образцам, т.е. признать в качестве фундаментальных текстовых категорий категории жанра и стиля. Стиль, таким образом, представляет собой наиглавнейшую организационно-интегрирующую основу текста (дискурса).

Литература

- Гайда С. Интегрирующая стилистика // Лингвистика речи. Медиа-стилистика. — М., 2012. — С. 93–105.
- De Beaugrande R.-A., Dressler W.A. Wstęp do lingwistyki tekstu. — Warszawa, 1990.
- Beck U., Giddens A., Lash S. Modernizacja refleksyjna. — Warszawa, 2009.
- Van Dijk T.A. (ed.) Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: Multidisciplinary Introduction. — London, 1997.
- Gajda S. Styl jako humanistyczna struktura tekstu // Z polskich studiów slawistycznych. — Warszawa, 1983.
- Rasiński L. (red.) Język, dyskurs, społeczeństwo. Zwrot lingwistyczny w filozofii społecznej. — Warszawa, 2009.
- Witosz B. Dyskurs i stylistyka. — Katowice, 2009.

Дискурс—текст—стиль в ракурсе функциональной стилистики

Признавая значительный вклад теории дискурса и дискурсивного анализа в исследование такого сложного феномена, как текст, мы тем не менее хотели бы напомнить, что многие из положений, разработанных в рамках этого направления, были сформулированы, и более того, успешно реализованы в функциональной стилистике, основные положения которой были провозглашены М.Н. Кожиной в работах 60—70-х годов XX в.

Действительно, термин «дискурс» стал обозначать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990: 137], лишь начиная с 90-х годов, в то время как необходимость «выхода» за пределы языковой системы в широкий социокультурный контекст при анализе речевого произведения постулируется уже в шестидесятые годы как *методологическое основание* функциональной стилистики, отличающее ее от традиционной стилистики (стилистики ресурсов). См.: «Речь, точнее стиль речи, как явление, обусловленное экстралингвистическим и теснейшим образом с ним связанное, необходимо изучать под углом зрения этого внелингвистического, не боясь нарушить “чистоту” лингвистического в стилистике речи, ибо только это экстралингвистическое дает возможность выявить и действительно лингвистическую специфику» [Кожина 1968: 198].

Этого важнейшего принципа функциональная стилистика последовательно придерживалась на протяжении всей своей полувековой истории: и когда анализировались преимущественно дотекстовые единицы, и тем более, когда центральным объектом исследования стал текст, причем «текст (речь) в его собственной

природе, а не как материал для извлечения и построения модели системы языка» [Кожина 1985: 6].

Изучение текста «в его собственной природе» предполагает принципиальную многоаспектность анализа, т.е. применение комплексного метода исследования, в рамках которого собственно лингвистическая и стилистическая онтология текста рассматривается как производная от широкого круга экстралингвистических факторов — социальных и культурных условий его функционирования. Пожалуй, можно утверждать, что *де-факто* предметом исследования в функциональной стилистике был и остается именно дискурс, дискурсивная деятельность, зафиксированная («опредмеченная») в тексте и понимаемая как речемыслительная деятельность, которая осуществляется средствами языка и протекает в основных сферах жизнедеятельности человека — науке, искусстве, политике, праве, религии, а также в сфере быта. В каждой из этих сфер речевой деятельности формируются особые принципы отбора и комбинации языковых средств, и результат действия этих принципов «запечатлевается в тексте» (М.Н. Кожина), создавая особый, своеобразный характер его речевой организации, который осознается нами как функциональный стиль текста. Таким образом, стиль — это «одно из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности, обусловленных в той или иной сфере и ситуации общения определенной совокупностью экстралингвистических стилиеобразующих факторов» [Кожина 2003: 511]. В этом базовом определении стиля, на наш взгляд, содержится ключ к пониманию отношений между дискурсом, текстом и стилем в интерпретации функциональной стилистики. Несколько упрощая эти отношения, можно сказать, что дискурс, в рамках которого порождается речевое произведение (текст), соотносится с экстралингвистическими факторами коммуникации, определяющими типологическое своеобразие поверхностно-речевой стороны текста, т.е. его стиль.

Важно отметить, что функционально-стилистика методология предполагает исследование *целых* текстов в единстве поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон (т.е. во взаимодействии линейного и глубинного «планов» текста)

с учетом детерминированности смысловой структуры произведения стилиобразующими экстралингвистическими факторами. М.Н. Кожина неоднократно подчеркивала, что целый текст «нельзя осмысливать (и изучать) вне его смысловой, содержательной стороны, невозможно (просто недопустимо) не учитывать целого ряда его коммуникативных параметров: замысла, концепции, цели общения, фонда знаний коммуникантов, субъекта речи, адресата и др., а на поверхностном уровне — текстовой организации, композиции, принципов и приемов развертывания текста, обусловливаемых указанными и другими экстралингвистическими факторами» [Кожина 1995: 37]. Как видим, в качестве «коммуникативных параметров» текста М.Н. Кожина называет явления, которые сегодня принято относить к дискурсивным (замысел, концепция, цель общения, фонд знаний коммуникантов, субъект речи, адресат). Это еще одно подтверждение неразрывной связи *дискурса, текста и стиля*, которая всегда осознавалась и учитывалась в функциональной стилистике, хотя дискурсивные признаки речи получали научное определение в традиционном термине «экстралингвистические факторы».

В современной лингвистике утвердилось неоспоримое мнение, что дискурс и текст соотносятся друг с другом как общее и частное, что «дискурс — более широкое понятие, чем текст» [Кибрик 1997: 307], являющийся «детищем дискурса» (Е.С. Кубрякова) и представляющий собой результат процесса письменной речи, завершённое произведение, рождённое в ходе дискурса и имеющее, наравне с дискурсом, свои коммуникативные векторы. С этой позицией нельзя не согласиться. Отсюда можно полагать, что к исследованию и текста, и дискурса применимы общие подходы. В связи с этим мы считаем обоснованной точку зрения Т.В. Дроздовой, подчеркивающей, что «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Дроздова 2003: 66], что у этих двух понятий, наряду с противоположными свойствами, есть также ряд сходных характеристик, позволяющих применять отдельные положения дискурсивного анализа к анализу текста, и в частности те из них, которые требуют выхода за пределы самого этого письменного произведения [там же].

Вопросу о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики специально посвящена одна из последних научных статей М.Н. Кожиной [Кожина 2004]. Не отождествляя эти направления современной лингвистики, автор в то же время подчеркивает, что «они очень близки между собой» [там же: 29], поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [там же. Разрядка автора. — Е.Б.]. Помимо этого, сходство дискурсивной теории (в ее французском варианте) с отечественной теорией функциональной стилистики М.Н. Кожина видит в общих параметральных признаках ключевого понятия каждой из теорий. Стремясь не исказить существа излагаемой позиции, намеренно приведем развернутую цитату:

«Общие параметральные признаки ключевого понятия (дискурса и функционального стиля):

— **динамизм**, процесс *использования* языка, когнитивно-речевая деятельность;

— детерминация изучаемого объекта экстралингвистическими факторами, условиями производства речи (высказывания);

— принцип системности при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая специфику дискурса и функционального стиля;

— историзм как дискурса, так и функционального стиля;

— тексты (письменные и устные) как результат речевой (дискурсивной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования;

— междисциплинарный метод анализа» [там же: 25—26. Везде выделено автором. — Е.Б.].

Приведенное авторитетное мнение позволяет констатировать высокую степень близости методологических принципов дискурсивного и функционально-стилистического анализа, что, на наш взгляд, является основанием для их объединения и утверждения *дискурсивно-стилистической* парадигмы при исследовании текста.

В качестве иллюстрации сказанного приведем некоторые выводы дискурсивно-стилистической интерпретации научного текста.

Итак, применительно к научной коммуникации *дискурсивная* составляющая анализа текста требует учитывать экстралингвистический фон создания научного труда, прежде всего структуру познавательной деятельности ученого и результата этой деятельности — научного знания, а кроме того, структуру речевого акта в научной сфере общения с присущими ему признаками взаимодействия коммуникантов. *Функционально-стилистическая* составляющая анализа ориентирована на выявление способов вербального представления ментальных смыслов на линейном уровне текста с учетом его прагматической направленности, а также определение языковых и текстовых единиц, специализирующихся на вербализации интеллектуальной информации и формирующих речевую системность научного стиля.

В общем плане изучение текста в рамках дискурсивно-стилистического подхода связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативно-познавательные процессы в их широком экстралингвистическом (дискурсивном) контексте отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику. При этом *смысловую структуру* текста мы рассматриваем в единстве формально-языковой и содержательной сторон, т.е. как многомерную иерархическую организацию произведения, подчиненную авторскому замыслу, обусловленную комплексом экстралингвистических факторов, отражающую типовое содержание определенной сферы общения и деятельности, формирующую стилевую специфику данной разновидности текста и выраженную в его поверхностной стороне. Подчеркнем, что адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием речевого произведения.

Так, среди экстралингвистических факторов, оказывающих систематическое влияние на процесс текстообразования в научной сфере и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии *эпистемической ситуации* (ЭС). Под

последней понимается совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов, оказывающих закономерное влияние на формирование научной речи, реализованных в тексте и определяющих его стилевую специфику (подробнее см.: [Баженова 2001]).

В дискурсивной деятельности ученого содержание ЭС представлено целостно — в виде научно осмысленного образа действительности. В тексте же это содержание «переоформляется», подчиняясь законам речепорождения, прежде всего закону линейности речи. В силу этого для каждого аспекта ЭС выбирается свой способ языковой номинации — лексический (посредством слова или словосочетания), пропозициональный (посредством предложения) или сверхфразовый (посредством относительно самостоятельного текста). Функциональная и семантическая общность рассредоточенных по пространству произведения языковых номинаций разного уровня позволяет объединить их в специфические единицы научного текста — субтексты, выражающие разноаспектное содержание ЭС. В академических жанрах научной речи дискурс ученого (т.е. его коммуникативно-познавательная деятельность) получает реализацию в следующих субтекстах (СТ): *СТ нового знания, СТ старого знания, методологическом СТ, СТ оценки, СТ авторизации, СТ адресации* и др.

Представляется, что именно субтексты определяют смысловую многомерность и композиционную членимость произведения, эксплицируют развитие нового знания и обеспечивают его доведение до адресата. Комплекс типовых субтекстов обуславливает относительное единство и стандартность построения научных произведений при их вариативности в определенных пределах. Взаимодействуя друг с другом, субтексты формируют особое качество текста, которое мы называем *политекстуальность* (более подробно см.: [Баженова 2001]). На наш взгляд, понятие политекстуальности позволяет объяснить, как соотносится содержание «предтекстовой» дискурсивной деятельности автора с содержанием научного текста и его смысловой структурой, что, в свою очередь, способ-

ствует более глубокому пониманию стилистико-речевого устройства научного произведения.

Интеграция субтекстов в единую политекстуальную систему обуславливает возможность существования таких, казалось бы, взаимоисключающих свойств текста, как монолитность и членимость. Монолитность текста выражает стремление автора объективировать результат проведенного исследования и целостно представить полученное научное знание. Членимость текста обеспечивает сегментацию знания посредством актуализации его отдельных аспектов. Политекстуальная структура произведения позволяет автору разграничивать старое и новое знание, активизировать фоновые знания читателя, акцентировать внимание на этапах и способах решения проблемы, «включать» в работу механизм оценки, управлять процессом восприятия текста и др.

На линейном уровне текста субтексты получают выражение посредством разноуровневых единиц, функционально специализирующихся на передаче научного содержания и отвечающих исторически сложившимся нормам научного стиля. Такими единицами могут быть:

- относительно самостоятельные тексты (напр., аннотация, предисловие, заключение, список литературы и др.);
- отдельные текстовые фрагменты (напр.: «Введение проблемы», «История вопроса», «Экспликация гипотезы», «Аргументация», «Описание эксперимента», «Выводы» и др.);
- дотекстовые единицы, которые хотя и рассредоточены по пространству всего произведения, но могут рассматриваться в их совокупности именно как единый субтекст на основе близости семантики и выполняемых функций.

Например, субтекст *адресации*, направленный на активизацию коммуникативно-познавательной деятельности читателя в процессе усвоения им научного содержания, представлен следующими стереотипными единицами: *подведем итог сказанному, сформулируем вывод, как указывалось выше, как следует из вышеизложенного, далее речь пойдет о, оставим в стороне вопрос, еще раз вернемся к вопросу* и др. Субтекст *авторизации*, объединяющий в себе совокупность средств выражения авторского «Я» и субъективного отношения ученого к содержанию исследования, эксплицируется такими единицами, как *насколько можно судить по нашему опыту,*

предложим свой вариант определения, мы допускаем возможность, не подлежит никакому сомнению, мы убеждены, совершенно очевидно, не удивительно, если можно так выразиться, строго говоря, в первом приближении будем называть и др.

Как видим, субтекст — единица двуплановая, по существу дискурсивно-стилистическая. С одной стороны, он является способом речевой проекции на целый текст содержания дискурсивной деятельности ученого и имеет определенную целеустановку в рамках авторского замысла. С другой стороны, субтекст выступает типовой структурно-смысловой единицей текста, получающей множество стилистико-языковых способов выражения. Подобно всякому знаку, субтекст обобщает, и это обобщающее свойство проявляется в его относительной устойчивости в рамках композиционно-смысловой структуры произведения. Так, названные выше субтексты используются в научных трудах всех отраслей знания и характеризуются достаточно однотипным функционированием, что позволяет считать их стилистическими маркерами научного текста, отличающими его от текстов других речевых разновидностей.

Таким образом, дискурсивно-стилистический подход к изучению текста, опирающийся на комплементарные принципы дискурсивного анализа и функциональной стилистики, позволяет выявить закономерности текстообразования в определенной коммуникативной сфере, а также объяснить стилистическое разнообразие текстов с учетом глубинных факторов их порождения.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 136—137.
- Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.
- Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). — Астрахань, 2003.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления в современной американской лингвистике. — М., 1997. — С. 300—320.
- Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1968.

- Кожина М.Н. Актуальные проблемы стилистики текста в аспекте современной теории языка // Теоретические проблемы стилистики текста. — Казань, 1985. — С. 5—7.
- Кожина М.Н. Целый текст как объект стилистики текста // *Stylistika* — IV. — 1995. — С. 33—54.
- Кожина М.Н. Стилль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2003. — С. 507—513.
- Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст—Дискурс—Стилль. — СПб., 2004. — С. 9—33.

Т.А. Воронцова
(Челябинский государственный университет)

Границы стилистики и стилиа в современной научной парадигме

Как известно, фактически до конца XX в. основное внимание в русистике уделялось изучению системы языка и его структурной организации. Стилистика была едва ли не единственной лингвистической дисциплиной, непосредственно ориентированной на коммуникативную функцию языка. В связи с этим в сферу стилистики включался весь круг проблем, связанных с речевой коммуникацией. В соответствии с данной ситуацией формировался понятийный и терминологический аппарат этой лингвистической отрасли. В результате мы имеем, с одной стороны, стилистику языка (стилистика ресурсов + функциональная стилистика) как целостную сложившуюся область лингвистики, с другой — стилистику речи, которая трактуется российскими лингвистами далеко не однозначно [Гальперин 1980].

Становление в русистике антропоцентрической научной парадигмы обусловило активное развитие лингвистических направлений, связанных с проблемами коммуникации. В изучение функционирования языка в процессе общения включились коммуникативистика, дискурсология, риторика и др. Такая ситуация неизбежно порождает определенный терминологический хаос и вынуждает ученых «договариваться о терминах». Как отмечает Н.И. Клушина, «...доминирование термина дискурс — яркий показатель смены научной парадигмы в современной лингвистике: от системного подхода к изучению языка (когда язык рассматривается как система систем) к коммуникативному исследованию лингвистических феноменов» [Клушина 2011: 26].

Дискуссия о статусе стилиа и дискурса — это дискуссия о «сферах влияния» лингвистических отраслей в условиях изменившейся парадигмы.

Термин *дискурс* в современной лингвистике имеет множество определений и трактуется по-разному (обзор различных трактовок

данного термина может занять не одну страницу). Однако если посмотреть на область применения данного термина в исследованиях современных российских лингвистов, то дискурс в самом общем смысле можно определить как совокупность коммуникативных актов и/или текстов, объединенных одним или несколькими экстралингвистическими факторами. Такими внешними условиями может быть сфера общения (педагогический дискурс, бытовой дискурс); способ общения (письменный дискурс / устный дискурс); форма общения (диалогический / монологический дискурс), время общения (дискурс периода перестройки) и т.д. Поскольку факторы, влияющие на процесс речевой коммуникации, многочисленны и разнообразны, вряд ли можно говорить о замкнутой типологии дискурса.

В отличие от дискурса критерии выделения функциональных стилей в традиционной стилистике определены достаточно четко. Этот комплекс экстралингвистических и интерлингвистических факторов делает систему функциональных стилей относительно закрытой. Один из таких критериев — сфера коммуникации. Формирование функциональных стилей в их традиционном понимании связано с социально значимыми сферами коммуникации, т.е. с теми сферами общения, в которые так или иначе вовлекаются **все носители языка**. Эти сферы коммуникации соответствуют актуальным для всех членов социума формам общественного сознания и видам общественной деятельности. «Функциональный стиль в языке — это то, что продиктовано приложимостью речи не просто к “определенным”, а к **типовым, универсальным по своему характеру обстоятельствам общения** и коммуникативным ролям, обращено к тем сферам жизни, которые касаются **всех**» (выделено нами. — *Т.В.*) [Векшин 2002]). Это один из факторов, который делает функциональный стиль, по выражению В.В. Виноградова, «общественно осознаваемым» [Виноградов 1981: 19].

Очевидно, что данному критерию отвечает не каждая сфера общения. Именно поэтому активизация новых сфер коммуникации далеко не всегда означает появление новых функциональных стилей. Так, на современном этапе вряд ли можно говорить о появлении рекламного [Медведева, 2003, Мутовина 2001, Шишлянникова 2002, Имшинецкая 2007] или церковно-религиозного стиля [Крылова 2000, Крысин 1996 и др.]. Хотя религия и является

формой общественного сознания, выделить на ее основе социально значимую сферу коммуникации и соответствующий ей функциональный стиль весьма проблематично. Во-первых, это связано с экстралингвистическими факторами: наряду с религиозной существует атеистическая форма общественного сознания, и их соотношение для современного российского общества не определено. Кроме того, носителями русского языка является значительное количество представителей различных конфессий, внутри которых коммуникация осуществляется в различных формах и на разных языках. Во-вторых, значительная часть коммуникации в религиозной сфере, если речь идет о православии, происходит либо на церковнославянском языке, который нельзя рассматривать как разновидность современного русского литературного языка, либо с активным использованием его элементов. Не случайно один из ведущих исследователей языка православной сферы И.В. Бугаева приходит к выводу, что «описывать речь верующих с позиции функциональной стилистики недостаточно, необходимо найти другие подходы и принципы, так как особенности такой речи проявляются в разных жанрах всех функциональных стилей (официально-делового, научного, газетно-публицистического, разговорного языка и в художественной литературе)...» [Бугаева 2010: 12].

Еще более проблематично считать социально значимой сферой коммуникации область функционирования рекламы. К тому же если рассматривать функциональный стиль как исторически сложившуюся и общественно осознанную подсистему литературного языка [Виноградов 1981], то очевидно, что формирование функционального стиля — процесс длительный и перманентный. В связи с этим можно вспомнить о том, что и реклама, и церковно-религиозная речь отсутствовали в коммуникативном пространстве «советского» периода, т.е. почти в течение века. Из этого следует, что актуальность той или иной сферы коммуникации для носителей языка не может служить решающим критерием для выделения новых функциональных стилей.

Другой актуальной проблемой современной стилистики является определение границ функционального стиля. Под воздействием экстралингвистических факторов происходят изменения языковых параметров в текстах отдельных функциональных сти-

лей. Это выражается прежде всего в активном проникновении в публицистическую сферу элементов разговорного стиля, в появлении экспрессивно-эмоциональных языковых средств в текстах официально-делового и научного стиля. При этом имеет место и противоположная тенденция: в разговорной речи увеличивается доля книжных элементов — научных терминов (например, экономических), средств официально-делового и публицистического стиля. Можно ли в данном случае говорить об изменении границ функциональных стилей, в частности о расширении их периферийной зоны? Ответ на этот вопрос, как это ни парадоксально, лежит в сфере коммуникативно-дискурсивного, а не стилистического анализа. Дело в том, что массовое появление «инородных» языковых средств в текстах того или иного функционального стиля может быть обусловлено разными прагматическими факторами. Так, например, активное проникновение разговорных (и не только!) элементов в книжные стили, которое мы наблюдаем в современной речевой практике, начиная с конца XX в., носит в основном не функционально-стилистический, а культурологический характер и обусловлено снижением уровня речевой и языковой культуры: зачастую адресанты данных текстов элементарно не владеют языковым арсеналом соответствующего функционального стиля и выражаются «по-простому». Приведет ли такая ситуация к изменению границ функционального стиля, покажет время. В определенном смысле функциональный стиль формируется дискурсом: изменение экстралингвистических параметров применительно к социально значимой сфере коммуникации вполне может повлечь за собой сдвиги в подсистеме языка.

Прагматический фактор является определяющим и в тех случаях, когда носитель языка употребляет «чужой» для данной сферы общения языковой элемент для решения частной коммуникативной задачи. Например, употребление книжной лексики в разговорной речи может быть обусловлено претензией адресанта на «образованность», т.е. использоваться говорящим как способ самопрезентации (вспомним «канцелярит», о котором писал К.И. Чуковский применительно к советской эпохе). В современной разговорной речи элементы официально-делового, научного и публицистического стиля чаще употребляются как средство

языковой игры, т.е. являются стилистически маркированными и для говорящего, и для слушающего. Широкое распространение в речевой практике данных явлений создает иллюзию расширения границ функционального стиля. Однако до тех пор, пока употребление иноstileвых средств носит вполне осознанный характер и направлено на решение конкретных прагматических задач говорящего, эти языковые средства следует рассматривать в рамках дискурса, а не в рамках функционального стиля.

Данные примеры лишний раз подтверждают, что появление коммуникативистики как самостоятельного лингвистического направления не нарушает границы стилистики и стиля в их классическом понимании, а, напротив, делает их более определенными. Сочетание стилистического и коммуникативно-дискурсивного подходов к исследованию языковых реалий позволяет увидеть, какие языковые явления в современной речевой практике уже приобрели устойчивый системный характер, а какие пока следует отнести к ситуативно-речевым.

Литература

- Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2010.
- Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1980. — Вып. 9. — С. 5—34.
- Векшин Г.В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. — М., 2002. — С. 35—67.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. — М., 1981.
- Имшинецкая И.А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2007.
- Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж, 2011. — Вып. 9. — С. 25—33.
- Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. — С. 100—117.
- Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русско-

го литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. — М., 1996. — С. 135—138.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. — М., 2003.

Мутовина М.А. Англоязычная научно-техническая реклама: стилистико-прагматический анализ. — Братск, 2001.

Шишлянникова А.М. О месте рекламного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка // Коммуникации в современном мире: мат-лы всероссийской науч.-практич. конф. — Воронеж, 2002. — С. 111—114.

ДИСКУРС В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

- **Что есть дискурс?**
 - **Таксономия дискурсов**
 - **Дискурсные исследования в России**
 - **Дискурс—текст—стиль**
-
-

*Е.А. Кожемякин
(Белгородский государственный
национальный исследовательский университет)*

Дискурсные исследования в России и на Западе: опыт сопоставительного исследования

Мы сегодня наблюдаем процессы активной институционализации дискурс-анализа в России, его признания в качестве методологии, позволяющей решить целый ряд исследовательских задач, связанных с процессами смыслообразования, языковой репрезентации действительности, особенностей контекстуально опосредованного познания, живой речи в коммуникативных микроконтекстах и т.п. Но в то же время отсутствие сколь бы то ни было прочных традиций дискурс-аналитических исследований и, в общем, не достаточно освоенная в России конструктивистская и постструктуралистская парадигмы, в рамках которых развивается дискурс-анализ, заставляют сформулировать гипотезу о неполном соответствии содержательно-концептуальной стороны дискурс-аналитических исследований в нашей стране и за рубежом, в частности в Европе, являющейся «импортером» этой методологии в нашу страну.

Мы поставили задачу оценить общее состояние дискурс-аналитических исследований в нашей стране сегодня и сопоставить его с актуальным содержанием дискурс-анализа за рубежом. В качестве «индикаторов» развития этого научно-исследовательского направления мы выбрали научные публикации, в которых представлены результаты дискурсных исследований. Определение частотных, статистически повторяющихся признаков этих публикаций (метод контент-анализа) позволит составить *общую* картину исследовательского дискурс-аналитического поля.

Контент-аналитическими задачами явились: определение основного спектра теоретических референций в работах по дискурс-анализу; выявление наиболее частотных тематических обращений; определение характера дисциплинарно-академической принадлежности исследователей, занимающихся дискурс-анализом.

Если требование репрезентативности выборки зарубежных публикаций в целом выполнимо, поскольку они локализованы

преимущественно в специализированных журналах (например, *Discourse and Communication*; *Discourse and Society*; *Discourse studies*; *Discourse, Context and Media*; *Communication and Languages*), то в отношении репрезентативного отбора российского материала возникают определенные сложности. В силу того что результаты дискурс-аналитических исследований, проведенных отечественными авторами, репрезентированы в совершенно различных журналах, сборниках статей, материалах конференций, а также монографиях, сборниках трудов и учебных материалах, их отбор осуществлялся несистематизированно. Проблема состоит в том, что в России, за очень редким исключением, отсутствуют специализированные периодические издания, посвященные обсуждению результатов дискурсных исследований.

Тем не менее мы отобрали около 300 текстов, в которых обсуждается дискурсная проблематика или содержатся результаты проведенного российскими учеными дискурс-анализа, опубликованные на русском и иностранных языках в российских научных периодических изданиях и издательствах¹. Помимо научных статей были изучены монографии и учебные пособия по дискурс-аналитической тематике, вышедшие за последние пять лет, среди которых работы И.Т. Касавина, Т.Ф. Плехановой, К.Ф. Седова, Н.Д. Павловой, В.Б. Кашкина, И.В. Анненковой, Е.В. Сидорова, В.И. Тюпа, Н.Ф. Алифиренко и многих других.

В качестве одного из основных критериев отбора материалов явилось упоминание в них о дискурс-анализе как ведущем методе исследования или же присутствие понятия «дискурс» в формулировке предмета работы. В этом отношении нам было важно определить ключевые характеристики текстов, «позиционирующих» себя как дискурс-аналитические. При этом мы полностью отдаем себе отчет в том, что результаты подобных исследований могут

быть представлены в текстах, не содержащих в названии или формулировке научно-исследовательского аппарата понятия «дискурс», или в которых не четко обозначены соответствующие подход или метод исследования. Эти тексты не попали в выборку.

Аналогичным образом были отобраны иноязычные тексты — около 350 наименований научных изданий (статьи в вышеупомянутых журналах и монографии таких авторов, как Тен ван Дейк, Норман Фэрклаф, Рут Водак, Джонотан Поттер, Зигфрид Ягер, Пол Чилтон и других ведущих представителей современного дискурс-анализа) включают «ключевые слова» «discourse», «discursive», «discourse analysis», «discourse approach», характеризующие предмет и методологию исследования.

Технически поиск и отбор материала производился как в результате непосредственного ознакомления с источником, так и с помощью поисковых систем e-library.ru, intelros.ru, scholar.google.com и sciencedirect.com, а также с помощью внутрисайтовых поисковых инструментов на страницах изданий.

В качестве единиц анализа выступили *теоретические референции*, формирующие концептуальную основу работы (упоминания исследователей, работ и научных школ в качестве теоретической основы исследования), *предметная область исследования* (тематика и эмпирический предмет исследования) и *дисциплинарно-академическая принадлежность исследователей* (область наук или прикладных исследований, выступающая в качестве сферы профессиональной деятельности автора или обозначаемая им в качестве характеризующей вид его деятельности).

Теоретические референции

В дискурс-аналитических работах действует строгое общенаучное правило теоретическо-методологической идентификации собственного исследования: обозначение «места» исследования в широком предметно-тематическом и концептуальном поле дискурс-анализа, а также его «роль» в этом поле (подтверждение и обоснование, уточнение или критика уже существующих теорий, гипотез или корпусов эмпирических данных). В связи с этим мы обратили внимание на структуру библиографических отсылок и авторских упоминаний (теоретических референций), используемых в работах по дискурс-анализу.

¹ Одними из наиболее частых источников такого рода текстов явились: электронные научные журналы «Современный дискурс-анализ» и «Мир лингвистики и коммуникации», альманахи «Язык. Текст. Дискурс» и «Дискурс-Пи», журналы «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Языкознание», «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки», «Вопросы психолингвистики», «Критика и семиотика», «Политическая лингвистика», «Юрислингвистика», «Эпистемология и философия науки», «Полис».

Эта структура отражает своего рода «иерархию авторитетных авторов», обращение к работам которых является «общим местом». Труды этих авторов формируют теоретическую основу современного дискурс-анализа. Укажем на *основные* отличия в этой «иерархии» в зарубежных и отечественных дискурс-аналитических исследованиях (табл. 1).

Таблица 1

Теоретические референции в работах по дискурс-анализу

Автор, на которого ссылаются исследователи	Количество работ, содержащих ссылку (ссылки) на труды автора (в % от выборки)	
	В отечественных работах	В зарубежных работах
1	2	3
Владимир Ильич Карасик	46	0
Юрий Сергеевич Степанов	43	0
Елена Самуиловна Кубрякова	42	0
Тен ван Дейк (Teun A. Van Dijk)	41	52
Юрген Хабермас (Jurgen Habermas)	36	5
Мишель Фуко (Michel Foucault)	34	10
Михаил Михайлович Бахтин (Mikhail Bakhtin)	33	12
Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu)	21	7
Эмиль Бенвенист (Emile Benveniste)	18,5	1,5
Патрик Серио (Patrick Seriot)	17	8
Ролан Барт (Roland Barthes)	14	1,8
Норман Фэрклаф (Norman Fairclough)	12	34,5
Рут Водак (Ruth Wodak)	11	28,5
Жак Деррида (Jacques Derrida)	10,7	2,5
Джонатан Поттер (Jonathan Potter)	9	22,5
Джордж Лакофф (George Lakoff)	9	12

Таблица 1 (окончание)

1	2	3
Ирвинг Гофман (Erwing Goffman)	7	22
Герберт Маркузе (Herbert Marcuse)	7	0,8
Маргарет Уэзерелл (Margaret Wetherell)	6	17
Пол Чилтон (Paul Chilton)	5	10
Харви Сакс (Harvey Sacks)	4	33
Майкл Холлидей (Michael Halliday)	3	18
Роберт Ходж и Гюнтер Креппс (Robert Hodge and Gunther Kress)	2	51
Дерек Эдвардс (Derek Edwards)	2	20
Тео ван Левен (Teo van Leeuwen)	1,5	14
Джон Синклер (John Sinclair)	1,2	6
Пол Бейкер (Paul Baker)	1	14
Майкл Биллиг (Michael Billig)	1	14
Зигмунд Ягер (Sigmund Jager)	0,9	9
Гиллиан Браун и Джордж Юл (Gillian Brown and George Yule)	0,5	12
Мартин Райзигль (Martin Reisigl)	0,5	10
Джеффри Лич (Geoffrey Leech)	0,3	9
Грег Майерс (Greg Myers)	0,2	8
Тони МакЭнери (Tony McEneri)	0	4
Герлинда Маутнер (Gerlinde Mautner)	0	3

В работах российских исследователей несравненно большая часть ссылок на источники представлена обращениями к работам отечественных авторов (в табл. 1. представлены наиболее часто цитируемые в отечественных работах). В подавляющем большинстве они не представлены в списке ссылок в зарубежных публикациях по вопросам дискурс-анализа: зарубежные авторы ссылаются далеко не только на своих соотечественников, но все же преимущественно на англоязычные источники.

Стоит заметить, что отечественные авторы в большей степени ориентируются на достижения в области дискурс-анализа 20–40-летней давности, о чем свидетельствует наиболее часто упоминаемые в исследованиях работы. В то же время отметим, что в высшей степени значимые для западных дискурс-аналитиков работы, такие как «*Language as social semiotics*» (Halliday, 1978), «*Language as ideology*» (Kress & Hodge, 1979), «*Lectures on conversation*» (Sacks, 1992) и некоторые другие, практически не упоминаются в работах отечественных исследователей и, по всей видимости, не знакомы российской аудитории. Эти и многие другие работы по методологии дискурс-анализа и теории дискурса, считающиеся классическими в Европе, до сих пор не изданы на русском языке, равно как и работы российских исследователей — не изданы за рубежом.

В то же время известные широкой академической аудитории философские и семиотические работы по дискурсной проблематике Мишеля Фуко, Ролана Барта, Юргена Хабермаса и других авторов упоминаются более чем в трети всех русскоязычных работ по дискурс-анализу, причем независимо от профиля исследований — как в собственно философско-социальных исследованиях дискурсных феноменов, так и в прикладных исследованиях, например в области стилистики или психологии. Показательно, что упоминание работ этих же авторов в западных публикациях определяется исключительно философским, этическим или семиотическим характером исследования. В целом узкий профиль теоретических референций в зарубежных работах является очевидным в сравнении с более широким — в отечественных публикациях: работы, посвященные конкретному предмету анализа, сопровождаются чаще всего ссылками на достаточно узкоспециализированные источники, чаще всего не представленные в списках литературы **отечественных авторов**. В то же время характерным для российских работ является обращение представителей различных дисциплин, школ, направлений, а также авторов, занимающихся изучением достаточно разных предметов, к идентичным, общим источникам по дискурс-анализу.

Все это свидетельствует о том, что отечественные авторы в качестве теоретической базы своих исследований используют преимущественно русскоязычные работы — как отечественных авторов, так и переведенные на русский язык труды зарубежных ав-

торов (Т. ван Дейк, П. Серио, Ю. Хабермас, Р. Водак, Р. Барт и др.). Наблюдаются также различия в прагматике обращения к классическим, авторитетным источникам. Если упоминание этих работ в западных публикациях в основном связано с необходимостью развития теории, представленной в авторитетных работах, за счет новых эмпирических данных или в новом эмпирическом «поле», то отечественные авторы зачастую прибегают к ним с целью их внедрения в российский научный оборот. Отечественные публикации в этом случае часто являются реферативным пересказом содержания концепции или теории. Это также свидетельствует о том, что многие западные ключевые работы в области дискурс-анализа не известны российской аудитории и что существует очевидная необходимость в их популяризации в академической среде.

Очевидным является существенный разрыв в том, на каких авторов ссылаются (а значит, какие подходы и методы используют), а также какие проблемы и вопросы обсуждают западные и отечественные дискурс-аналитики.

Предметная область

Рассмотрим различия в предметной области публикаций по вопросам дискурс-анализа (табл. 2).

Таблица 2

Предметная область работ по дискурс-анализу

Предметная область	Количество работ (в % от выборки)	
	Отечественные работы	Зарубежные работы
1	2	3
Частные аспекты различных типов дискурса	21,3	10,4
— рекламный и маркетинговый дискурс	6,5	0,7
— образовательный дискурс	5	1,5
— экологический дискурс	2,5	0,7

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3
— юридический дискурс	2,1	1,2
— религиозный дискурс	1,9	1
— организационный дискурс	1,7	4
— бизнес-дискурс	1,6	1,3
Языковые и стилистические аспекты дискурса	18,6	4,6
Лингвокогнитивные аспекты дискурса (концепты, фреймы, образы)	17	1,2
Историко-теоретические аспекты дискурс-анализа (обзор концепций и теорий)	13,4	1,1
Методологические вопросы дискурс-анализа	8	10
Социальные аспекты дискурсных процессов:	7	39,9
— дискурсы «социального исключения»	0,6	4
— репрезентация и конструирование социального мира в медиадискурсе	1	7
— дискурсное взаимодействие на рабочем месте	0,2	3
— групповая категоризация и социальное взаимодействие	1,1	5,3
— конструирование социальной и этнической идентичности	2,1	8
— дискурсы социальной политики и социального патронажа	0,9	4,6
— дискурс расизма / антирасизма	0,8	3,9
— (пост)феминистский дискурс и гендерные вариации дискурсов	0,3	4,1
Институциональные аспекты дискурсных процессов:	6	9,8
— конструирование истории и коллективной памяти	0,8	3
— дискурсное производство норм и социальный контроль	0,6	1,6
— стратегии легитимации в политическом дискурсе	1,1	2,1

Таблица 2 (окончание)

1	2	3
— публичная речь политиков и критическая стилистика	2,9	2,6
— цензура и пропаганда	0,6	0,5
Культурные аспекты дискурсов:	5,9	6,5
— межкультурная коммуникация	4,8	2,5
— культурные вариации институциональных дискурсов	1,1	4
Психологические аспекты дискурса	1,6	0,5
Смыслообразование и коммуникативная интеракция в цифровую и мультимедийную эпоху	0,6	6
Микроуровень дискурса	0,6	10

Из табл. 2 мы можем наблюдать существенные несовпадения в «повестке дня» западных и отечественных дискурсных исследований. В то время как для российского дискурс-анализа характерен высокий интерес к языковым и лингвокогнитивным характеристикам дискурса (более трети всех публикаций; доля западных публикаций на эту тему невысока — около 6%), зарубежные исследователи обращают внимание преимущественно на социальные аспекты дискурсных практик (почти 40% публикаций).

Существенные различия наблюдаются в интенсивности обсуждения особенностей реализации дискурса на микроуровне (коммуникативные ходы, обмен репликами, невербальные действия, коммуникативные «микродействия») — эта проблематика крайне слабо представлена в отечественной литературе, но является одной из наиболее обсуждаемых в европейской науке. Не менее слабо представлены в российских исследованиях и другие актуальные для западных исследований вопросы: проблема дискурсных стратегий «социального исключения», медийного конструирования социального мира, конструирования идентичностей, гендерных, этнических и прочих отличий в дискурсных практиках и т.д.

В свою очередь, отечественные дискурс-аналитики, судя по рассмотренным публикациям, в большей степени, чем западные

коллеги, фокусируют свое внимание на проблемах рекламного, образовательного и религиозного дискурсов, вопросах межкультурной коммуникации и когнитивно-ментальных аспектах дискурса. Методология дискурс-анализа приблизительно в равной степени интересует как западных, так и отечественных исследователей, однако различия все же наблюдаются в сфере обсуждаемых подходов и методов исследования: если для российских публикаций очевиден акцент на лингвистической (преимущественно структуралистской и функционалистской) методологии, то для западных работ характерно обсуждение преимущественно конструктивистских и феноменологических подходов.

Дисциплинарно-академическая принадлежность авторов

И, наконец, обратим внимание на дисциплинарно-академическую принадлежность дискурс-аналитиков. Поскольку дискурс-анализ не является институционально самостоятельной областью научных исследований, важно выяснить, к какой научной области он отнесен в России и за рубежом. Судя по изученным публикациям, сферы научной работы авторов распределены следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Дисциплинарно-академическая принадлежность авторов

Научная сфера, к которой принадлежит автор	% от указавших академическую принадлежность	
	Отечественные авторы	Зарубежные авторы
Лингвистика, филология	51	46
Социология, social sciences	15	16
Коммуникативистика, media studies	13	22
Философия, ethic studies	7	4
Психология	6	2
Культурантропология / культурология	5	4
Политология	3	4
Экономика, менеджмент	0,5	2

Итак, исходя из данных, представленных в таблице, мы можем заключить, что дискурс-анализ представляет собой междисциплинарную область научных исследований, лежащую на пересечении многих социально-гуманитарных дисциплин. В России дискурс-анализ продолжает оставаться, скорее, лингвистической дисциплиной (чуть более половины авторов, указавших свою академическую принадлежность в публикациях, — это лингвисты и филологи), чем за рубежом (более половины авторов — представители нелингвистических наук).

В качестве вывода заключим, что дискурс-анализ, бесспорно, является одной из наиболее востребованных и динамично развивающихся областей научного знания. Однако и представление о нем, и его «повестка дня», а также его «академическое позиционирование» заметно отличаются в нашей стране и за рубежом. Причиной этого является отсутствие общей теоретической и методологической базы, что, в свою очередь, объясняется целым рядом причин — от недостатка переводной литературы и научных контактов между отечественными и зарубежными исследователями до наличия прочных национальных научно-исследовательских школ и традиций.

Помимо этого, формирование концептуальных дискурсно-аналитических подходов неразрывно связано со становлением академических образовательных программ, в рамках которых слушатели будут иметь возможность не только изучить историю формирования дискурсных теорий, но и приобрести эффективные навыки исследования дискурсов социального поля. Представляется, что принципы междисциплинарности, на основе которых строится современная теория дискурса, позволяют эффективным образом объединить разрозненные дисциплинарные подходы в философии, культурологии, антропологии, лингвистике, социологии и политологии для подготовки специалистов, способных работать в области комплексной проблематики современного социального поля. Такие программы на сегодняшний день существуют в интегрированной форме в некоторых университетах России, однако их дальнейшее становление и развитие во многом является делом будущего.

Дискурс: пределы точности

Monstradamus: *Мама. Когда я слышу
слово «дискурс», я хватаюсь за свой симулякр.*

В. Пелевин. «Шлем ужаса:
Креатифф о Тесее и Минотавре»

Точность научного термина во многом остается желаемым, но не до конца достижимым идеалом. Это тем более справедливо в отношении определения дискурса как аспекта коммуникативной деятельности и как объекта лингвистического изучения. Широта охвата термина *дискурс* и мультидисциплинарный характер дискурсивных исследований приводят к видимому эклектизму в концепциях, но все же в большинстве случаев авторы трактовок ориентируются на некий общий знаменатель, который определяется самим характером изучаемого явления.

Возникновение научного описания дискурса возводят к разным источникам. Исследования дискурса можно считать воплощением нереализованной «мечты» Ф. де Соссюра дополнить лингвистику языка лингвистикой речи, но при этом возникает нечеткость, связанная с языковой асимметрией: французский термин *discours* стал переводиться и как «речь», и как «дискурс». Реализацией идей Соссюра и обоснованием теоретического описания дискурса известен и Э. Бенвенист, выдвинувший идею двойного означивания: семиотического в языке и семантического в речи (дискурсе). Формальный подход, предложивший выход за пределы одного предложения, хотя и опиравшийся на последовательность морфем, был предложен и «дескриптивистом» З. Хэррисом. В то же время Хэррис отметил и вторую сторону анализа дискурса, актуальность которой стала более явной в наши дни: изучение связи культуры и языка, лингвистического и нелингвистического поведения [Harris 1952: 1–3]. Поведенческий, деятельностный момент языка, принимаемый многими современными дискурсоведами, возводится к идеям В. фон Гумбольдта, который особо подчеркивал энергийный

аспект, хотя и в антиномической увязке с эргоном. *Процесс vs. продукт*, впрочем, антиномия не столько эпистемологическая, сколько подсказанная самой «жизнью в языке».

Действительно, настолько ли неизбежен и непреодолим антагонизм продукта и процесса, «языка в себе» и «языка в социальной среде», системостроизма и антропоцентризма? Или эти оппозиции представляют собой лишь неизбежные тенденции развития лингвистической мысли, центростремительную и центробежную, только во взаимодействии способные дать более или менее адекватную картину языковой деятельности, языкового существования? Примечательно, что призыв «изучать язык в самом себе и для себя» (*an und für sich selbst*) высказывался как «прародителем» антропоцентризма Гумбольдтом [Humboldt 1908: 601], так и «основателем» структурализма Соссюром (*en elle-même et pour elle-même*) [Saussure 1916: 317]. Ни тот, ни другой не имели в виду создание абсолютно «автономной» лингвистики или «ортодоксального» структурализма, подразумевая лишь отграничение предмета науки о языке от других. Но как один, так и другой, в разной степени разумеется, сделали или собирались сделать шаги за пределы чистой лингвистики, поскольку этого требовала логика познания, ведь «язык в социальной среде» находится на самом деле в обычных, естественных условиях своего существования [Halliday 2003: 86–87].

Проблема определения границ как самого явления, так и дисциплины, изучающей дискурс, связана с междисциплинарным и междисциплинарным происхождением самого интереса к дискурсивной деятельности. Междисциплинарное происхождение анализа дискурса достаточно ярко проявилось и в отечественном языкознании, где дискурсивные исследования приобрели свою особую форму.

Определений дискурсу давалось много, известны, например, восемь определений, приведенных Патриком Серио в работе о французской школе анализа дискурса [Серио 1999: 26]. Подобные направления прослеживаются и в российских исследованиях, хотя сам Серио указывает на принципиальную разницу между западным (французским в первую очередь) дискурс-анализом и исследованиями дискурса, текста, жанров и т.п. в России, где в более естественной среде сохраняются бахтинские традиции. Подходы

различаются интерпретацией роли субъекта как активного участника и создателя дискурса и субъекта, находящегося под давлением дискурса общественного и властного. Последнее как раз специфично для французской и некоторых западных школ анализа дискурса, а их мнимая близость к Бахтину объясняется «каверзами» перевода и межкультурным недопониманием [Серио 2012: 11–12].

Исследования дискурса в России стали уже достаточно широким и популярным направлением языковедческих работ. Популярность зачастую принимает гипертрофированные формы, когда термин *дискурс* используется не совсем к месту даже лингвистами, не говоря уже о журналистах, которые восприняли этот термин как новую «изюминку» (*дискурс современности, шизоидный дискурс, дискурс славянофилов и западников, дискурс справедливости*, наконец, даже *дхарма дискурса* и т.п. примеры из медиа последних лет). Определение дискурса и основных задач его теоретического изучения часто выдает «темное прошлое» исследователя: отталкивается ли он от уже традиционной лингвистики текста, либо от психолингвистики и теории речевой деятельности, либо от стилистики или лексикологии и т.д. При этом нельзя сказать, что авторы определений не правы: теория дискурса говорит о связной речи, в том числе об устном речевом произведении и о письменном тексте, о процессе его порождения и понимания. Процесс порождения предполагает множественность выбора и факторы, влияющие на окончательный выбор средств; есть лексические единицы, дискурсивные слова и маркеры, чьей основной и едва ли не единственной функцией является организация самого дискурса и т.д. Это свидетельствует об интегративности самого понятия *дискурс* и об интегративном потенциале теории дискурса.

Нечеткость такого глобального понятия, как дискурс, смешение обыденного и научного его понимания отмечалась и классиком критического дискурс-анализа Теуном ван Дейком [van Dijk 1997: 1–2]. Тем не менее все определения дискурса так или иначе выделяют как минимум два его аспекта, которые, как представляется, вытекают из самой сущности изучаемого явления.

Во-первых, это «техническая» сторона дискурса: соединение слов в высказывания, а высказываний — в цепочки, единства, фрагменты, тексты и т.д., самым своим фактом соединения при-

водящее к появлению новых смыслов. Здесь уместно лишний раз вспомнить известный пример Ч. Филлмора про бассейн [The Handbook of Discourse Analysis 2003: 9–10]. Возможно, именно этим воплощением языка в речи (или, скорее, наоборот, выкристаллизовыванием языка из речи?) могла бы заниматься так и не написанная Соссюром лингвистика речи.

Во-вторых, дискурсивный эффект, возникающий в результате соединения высказываний, используется в каком-то контексте, в определенном времени и месте, дискурсантом с определенными социальными и индивидуальными характеристиками, для достижения определенных целей и т.п. Этот аспект выявляет своеобразие дискурсивных практик в различных сферах коммуникации (бытовой, производственной, религиозной, политической, академической и др.), а дискурсивные практики являются основой организации, категоризации, архивирования и интерпретации человеческого праксиса, поведения в целом.

Не исключено, что эта «двуликость» дискурса как явления намекает на своего рода «примирительный» потенциал *теории дискурса*, способной соединить (как это соединяется и в реальной жизни) структуру и смысл, форму и содержание, «системцентризм» с «антропоцентризмом» и даже гуманитарное знание с негуманитарным. Впрочем, данная антиномия, в принципе, должна быть признана эпистемологической фикцией последних двух столетий, поскольку все знание принадлежит человеку, создается им же и используется в его целях.

Учитывая междисциплинарный аспект, легче не определить дискурс, а отделить его от смежных понятий: *дискурс* это не диалог, не текст, не стиль, не устная речь. Основное терминологическое разведение связано с дифференциацией двух пар понятий: дискурс/речь и дискурс/текст [Кашкин 2010: 10–12]. Дискурс — не то же самое, что и речь (хотя французское происхождение этого слова дает возможность и такого понимания), также дискурс не равен устной речи или диалогу (хотя достаточно долго термин употреблялся именно в этом смысле). Элегантно и логично объединяет устную и письменную ипостаси А.А. Кибрик, говоря о двух модусах дискурса [Кибрик 1994: 126–127]. Текст, впрочем, также не просто текст, а «*текст, погруженный в жизнь*», как сказано в «лирической» части определения дискурса, данного Н.Д. Ару-

тьюновой [Арутюнова 1990: 136–137], или *«речь в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора»* [Демьянков 2005: 49]. Вероятно, чтение, понимание, интерпретация как деятельность также входят в сферу дискурса, читающий ведь пишет текст заново: *«всякий текст вечно пишется здесь и сейчас»* [Барт 1994: 387–388].

Следует признать, что любое определение дается кем-то в соответствии со своими задачами и исходными постулатами, поэтому принципиально возможно не «единственно точное» определение дискурса (оно невозможно, как и «единственно правильный» перевод или «единственно истинное слово»), а признание наличия самого этого явления, точнее целого класса, сферы явлений, которые выделяются в бескрайнем пространстве коммуникативной деятельности. Дискурс в любом случае воспринимается как «речедействие», как речь, сопряженная с деятельностью. Фундаментальный деятельностный характер дискурса позволяет говорить о таких его свойствах, как интеракциональность, диалогичность, включенность в социальную игру, на основе чего выделяемы различные сферы дискурсивных практик и жанры.

Нечеткость определения дискурса отражает не столько становление теории дискурса как отрасли, сколько диалектику развития науки о языке в целом. Дискурсивная реальность или дискурсивные истоки языка — это две стороны одной сущности, в поисках определения которой лингвистика может обрести состояние некоего консенсуса между «системоцентризмом» и «антропоцентризмом», само противопоставление которых, возможно, и оправдано логикой развития теории языка, но противоречит логике предмета.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 136–137.
Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.
Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / под ред. В.Н. Топорова. — М., 2005. — С. 34–55.
Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. — М., 2010.

- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126–139.
Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999. — С. 337–383.
Серио П. Почему Бахтин — не Пеше? Об одном большом недоразумении по поводу анализа дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 10. — 2012. — С. 8–21.
Discourse as Structure and Process / ed. by Teun A. van Dijk. — London, 1997.
Halliday M.A.K. On Language and Linguistics. — London, 2003.
The Handbook of Discourse Analysis / ed. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen & Heidi E. Hamilton. — London, 2003.
Harris Z.S. Discourse Analysis // Language. — 1952. — Vol. 28. — No. 1. — С. 1–30.
Humboldt W. von. Gesammelte Schriften. — Band VII. — 2te Halfte. — Berlin, 1908.
Saussure F. de. Cours de linguistique générale. — Paris, 1916.

Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология?

1.1. Термин ДИСКУРС нельзя назвать новым, но стоящая за термином реальность вызывает непрекращающиеся дискуссии. «История и теория вопроса», связанные с этим термином (источник заимствования, этимология, а также его многозначность, обусловленная отсутствием единой точки зрения на феномен-референт), подробно изложены как на сайтах Интернета (наиболее информативным представляется обзор работ по дискурсу А.А. Кибрика, П.Б. Паршина), так и в многочисленных статьях и монографиях, появившихся в отечественной лингвистике за последние 15 лет (напр.: [Макаров 2003], [Прохоров 2004], [Ревзина 2005]). Тем не менее означаемое термина продолжает затаившиеся поиски своего означаемого. Причина кроется и в особенностях термина как инструмента научного познания мира, и в особом состоянии умов научного сообщества, которое отражает состояние российского общества в целом.

1.2. Попытки переосмысления сущности социальной реальности привели исследователей к мысли о приоритете в ней таких действий, которые эту реальность и создают, — коммуникативных. Коммуникация (устная, письменная и устно-письменная, как в социальных сетях) действительно является основой реализации каких бы то ни было совместных инструментальных действий, невозможных при ее отсутствии. Совместные действия невозможны и при наличии коммуникации, но в отсутствии согласия коммуникантов относительно целей этих действий, т.е. согласованного проекта. В соответствии с концепцией Ю. Хабермаса, дологическая (предрассудочная) структура понимания явления может выступать в качестве базы научной рефлексии лишь тогда, когда прояснены нормативные основания, в которых эта рефлексия осуществляется [Хабермас 1993]. Современная отечественная

лингвистика, как можно заметить, не имеет таких необходимых предпосылок, чем отчасти и объясняется ситуация со многими неоднозначно понимаемыми терминами.

Представляется, что обязательным условием выработки некоторого общего взгляда на тот или иной интенциональный объект является стремление каждого не только сказать свое, но и услышать другого, т.е. стремление к кооперации в достижении интеллектуального согласия, обеспечивающего научному социуму необходимое ему центристское движение, что отвечает не только научной концепции языкового взаимопонимания, разработанной Ю. Хабермасом [Хабермас 2006], но и одному из основных векторов современной европейской философской мысли — этике ответственности [Канке 2000, Чернейко 2012]. На общую значимость может претендовать такое определение многозначного термина, которое могло бы найти поддержку у всех, кто им пользуется.

1.3. Что касается термина ДИСКУРС, то для обретения им определенного содержания, могущего удовлетворить если не всех, нуждающихся в термине, то многих, необходимо свободное аргументированное обсуждение, трибуной которого служат как тематические научные сборники, так и публичные обсуждения с привлечением широкого круга заинтересованных людей, а это не только специалисты в тех областях, которые этими терминами обслуживаются, но и политики, журналисты, писатели, прибегающие к этому термину в своей речи и имеющие долингвистические представления о стоящей за ним сущности.

Однако, как справедливо заметил десятилетие назад М.Л. Макаров, «сегодня можно констатировать отсутствие единой системы общепризнанных и общепринятых методик, правил и процедур сбора, представления и описания языкового и прежде всего — речевого материала» [Макаров 2003: 100], тогда как при переходе от изучения «языка в себе» к «языку в нас», а потом уже и исследованию «нас в языке» совершенно необходимо решение вопросов методологического характера [Макаров 2003: 242]. За прошедшее десятилетие ситуация в лингвистическом метаязыке качественно не изменилась: сколько лингвистических умов, столько и понима-

ний той неосязаемой сущности, которая скрывается за термином ДИСКУРС.

Третья глава монографии М.Л. Макарова посвящена ответу на сакраментальный вопрос «Что есть дискурс?», но частью ответа является комментарий к нему: «Само определение такой категории, как *дискурс*, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [Макаров 2003: 84–85]. С этим положением нельзя не согласиться, поскольку язык, являясь универсальной формой отображения и репрезентации мира, не доступен в своей целостности непосредственному наблюдению. Поэтому все концепции устройства языка как не данного в ощущениях феномена представляют собой гипотетические конструкции, отражающие определенную точку зрения исследователя и/или научного направления.

«Идеологическая ориентация» позволила автору монографии определить термин ДИСКУРС широко — как родовой по отношению к видовым РЕЧЬ и ТЕКСТ. Но «идеологическая ориентация» определяет функционирование в нашей коммуникативной среде и научных терминов, и всех субстантивов, в которых заключены экзистенциально значимые понятия. Многие из них являются социальными ориентирами в системе ценностей, выработанных культурой (для русскоязычной культуры это такие слова, как, например, ДУША, ГРЕХ, ДОЛГ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ), что является онтологической предпосылкой диалогичности (многоголосия, полифоничности) культуры вообще и специфики содержания языкового сознания носителей разных культур в частности.

2.1.1. Несмотря на то что термин ДИСКУРС давно и прочно утвердился в своих правах, нет единства мнения по поводу его означающего (этимологически оправданной представляется фонетическая форма — *дискурс*, а не *дискурс*), не говоря об означаемом (8 пониманий термина со ссылкой на П. Серио представлено в [Кронгауз 2001]). А все споры на тему «Есть дискурс» — «Нет дискурса» представляются неконструктивными, поскольку не известно, какая реальность имеется в виду: реальность бытия, существования вещей помимо сознания (онтология) или реаль-

ность познания вещей через инструменты-термины (эпистемология).

Одна из причин возражений многих лингвистов против этого термина кроется в отсутствии такого функционально-семантического обоснования его введения в терминосистему, которое позволило бы ему занять свое место в парадигме. Как известно, в разработанной терминосистеме за терминами стоят определенные сущности в их главных системно-структурных характеристиках, а сами термины соотносятся со строго определенными дефинициями, избыточными и достаточными для понимания места термина в терминосистеме. Но можно ли считать дефиницией определение термина ДИСКУРС через «коммуникативную ситуацию, включающую сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Моделирование 1987: 41]? Наверное, нет, поскольку трудно себе представить коммуникативную ситуацию, в которую не вовлечено сознание коммуникантов (в противном случае это абсурд или бред), еще труднее — ту, в которой не рождается текст (нормальный, бредовый или абсурдный).

В рамках рассматриваемой концепции дискурс понимается не как инструмент познания речи, теоретический конструкт, а как бытийствующая на равных правах с речью эмпирически воспринимаемая реальность, тогда как текст (что справедливо) попадает в разряд лингвистических инструментов: «То, что обычно понимается под термином “текст”, — это, скорее, артефакт лингвистической теории, нежели действительная сущность. “Текст вообще” есть гипотетический конструкт лингвистической теории» [Моделирование 1987: 46]. Получается, что текст как «лингвистический артефакт» принадлежит реальности эпистемологической, а дискурс бытийствует, является такой же эмпирической, доступной наблюдению реальности, как и речь, с чем трудно согласиться.

2.1.2. В этом же русле понимания дискурса как эмпирической реальности («материалом данной работы служат естественные дискурсивные данные» [Кибрик 2003]) строятся лингвистические исследования и в наши дни. В одном из ведущих лингвистических журналов дискурсу дается такое определение: «единство двух

сущностей, процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста» [Кибрик 2009: 4]. В этом понимании нет ничего нового по сравнению с тем, что уже было. Новое вырисовывается из рассуждений о дискурсе, из определения его статуса, а именно: «Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами и не фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкторы, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы» [Кибрик 2009: 3]. Общаемся мы действительно «не морфемами и не фонемами», о чем давно написали отечественные лингвисты (ср.: «А общаемся мы не посредством фонем и морфем — все подобные единицы возникают лишь в результате анатомирования предложений, посредством которых только и возможна деятельность общения» [Звегинцев 1996: 95]). И из работ А.М. Пешковского мы знаем, что не слова состоят из морфем, а морфемы выделяются в слова в результате их анализа. А что разговариваем мы по крайней мере прозой, а не дискурсами, говорит нам здравый смысл.

Обоснование дискурса как объекта лингвистического исследования и разработка «методологии его экспериментального анализа» [Федорова 2011], принимаемые и одобряемые рецензентами текста докторской диссертации, переводит лингвистическую проблему многозначности термина в философско-методологическую проблему соотношения бытия и познания, объектов эмпирических и объектов теоретических. Остается непонятным, зачем принявшим дискурс как объект исследования, да еще и экспериментального, дополнительные термины в виде расплывчатых «дискурсивные материалы» и «дискурсивные явления». И только убежденностью в том, что дискурс так же реален, как и речь, можно объяснить утвердительный ответ О.В. Федоровой на заданный вопрос, «был ли дискурс лингвистами открыт, как Америка Колумбом или химические элементы Менделеевым».

И интернет-ресурсы активно распространяют взгляд на дискурс как на «новую языковую единицу», на «субстанцию, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении», отмечая при этом, что ДИСКУРС — «термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно пред-

полагает изучение функционирования языка» [<http://www.moluch.ru/archive/26/2852/>], т.е. изучение речи, потому что только наблюдаемая речь является материальной, доступной наблюдению ипостасью языка. Не вступая в долгую полемику с популяризаторами идеи «бытийности» дискурса, его онтологичности, отмечу, что «динамичность дискурса» как базовый параметр, отличающий его в их концепции от речи, не годится в качестве дифференциального: если в диалоге (а это, как известно, наиболее естественная форма коммуникации, обмена «речами»-репликами) нет движения, он затухает. Как писал В.А. Звегинцев, «главная его (языка. — Л.Ч.) динамическая сила сосредоточена в речи» [Звегинцев 1996: 65]. И ставший популярным лингвистический афоризм Н.Д. Арутюновой «Дискурс — это речь, погруженная в жизнь» по сути своей ничего особого в дискурсе по сравнению с речью не выделяет: трудно представить себе речь, остающуюся на поверхности жизни, не «погруженную» в нее. Важнее, что в дискурсе жизнь погружена в речь, да не просто погружена, а опрокинута в нее, как небо в лужи.

2.1.3. В научной литературе существует и прямо противоположная «онтологической» точка зрения. Важное теоретическое положение французской школы анализа дискурса, как его формулирует П. Серио, состоит в том, что дискурс не является «первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией» [Серио 1999: 27]. Принимая безоговорочно точку зрения П. Серио, можно выдвинуть только один весомый аргумент: люди разговаривают (в норме — друг с другом), мы слышим их речь, понимаем ее или не понимаем, но даже в такой житейской квалификации услышанного, как бред или абсурд, присутствует интерпретация, характеристика речи в определенном аспекте. «Услышать дискурс», наверное, можно, но только при ироническом использовании термина (ср.: *Весь этот дискурс, который я от вас здесь услышал*. ТВ. Тем временем. 09.10.06).

2.2.1. Другой важной причиной неприятия термина ДИСКУРС многими лингвистами является либо его теоретическая неэффективность (понятие «дискурс» стало шире понятия «язык»,

«в связи с этим я избегаю использования этого термина в своих работах» [Левицкий 2009: 139]; по поводу дискурса и концепта «столько было сказано, а ведь ничего не сделано: не знаю ни одной старой и заслуженной проблемы, которую бы удалось решить, приняв и использовав эти понятия» [профессор В.А. Лукин. Из личной переписки]), либо необоснованность его применения. Действительно, этот термин потеснил, а в некоторых случаях даже вытеснил привычные термины ЯЗЫК, РЕЧЬ, СТИЛЬ (функциональный стиль), ТЕКСТ, и многочисленные попытки терминологизации понятия ДИСКУРС в современной лингвистике оставляют открытым вопрос о месте этого понятия в ряду традиционных ЯЗЫК, РЕЧЬ, СТИЛЬ.

Как уже было сказано, значением термина является дефиниция, которая определяется его местом в соответствующей термин-системе и раскрывает содержание понятия в дифференциальных признаках. И чем больше определений имеет термин в разных направлениях науки, тем важнее изучение его функционирования в научной речи, в его лексическом окружении — контекстах, в которых он употребляется. Термин любой науки, взятый в аспекте анализа его спонтанного употребления в текстах, в частности в окружении предикатов (глаголов и прилагательных), составляет самостоятельный объект изучения, позволяющий раскрыть глубинную, интуитивную базу той научной концепции, которой придерживаются исследователи, и скорректировать предлагаемые логические дефиниции. При изучении семантической специфики близких терминов особенно информативными являются те контексты, где их взаимозамена невозможна или проблематична, что и является тестом на их нетождественность.

В качестве иллюстрации сказанного проведем анализ выборки сочетаемости термина ДИСКУРС в тексте монографии «Массовая культура на рубеже XX–XXI вв: Человек и его дискурс» на соотношение его с терминами РЕЧЬ и ЯЗЫК в трех группах контекстов: А) *клишированность дискурса, статусно-ориентированный дискурс, преуменьшение как средство усиления напряжения в дискурсе, использование в публицистическом дискурсе фразеологических единиц, индивидуально неповторимые личностные дискурсы в коммуникативном пространстве языка, русский бытовой дискурс*; Б) *лексический состав публицистического дискурса, основные из-*

менения в русском дискурсе; В) *стиль публицистического дискурса, актуальность проблем человеческого дискурса*.

В контекстах группы А термином ДИСКУРС обозначена речь, поскольку все приведенные параметры (*клишированность, статусная ориентированность, напряжение, использование, бытовой/-ая*) являются вполне традиционными характеристиками речи. Что же касается словосочетания *личностный дискурс*, то оно в отличие от тавтологического *стиль дискурса* (публицистический стиль = публицистический дискурс) и избыточного *человеческий дискурс* (дискурса нет у животных) представляется нонсенсом, поскольку дискурс, как и язык, имперсонален, но в отличие от языка не универсален. И в «коммуникативном пространстве языка» дискурсов несравнимо меньше, чем личностей (а личностей меньше, чем говорящих).

2.2.2. Даже далекое от полноты описание сочетаемости трех рассматриваемых терминов (не только по приведенной монографии) выявляет определенную закономерность: есть зона индивидуальной сочетаемости каждого термина, высвечивающая их семантическую специфику, и зона пересечения сочетаемости. Так, все три термина свободно сочетаются с относительными прилагательными, обозначающими сферу профессиональной деятельности человека: *научный, политический, медицинский // язык, дискурс, речь*; с именем отправителя речи: *язык, дискурс, речь субъекта*; с пространственным предлогом *в*: *в языке, в дискурсе, в речи X-а*. Но каждый термин в этих одинаковых условиях контекста сохраняет свою семантическую индивидуальность. Например, *политический язык* как обслуживающая данную сферу деятельности виртуальная система знаков противостоит *политической речи* — совокупности всего сказанного и высказываемого в устной и письменной формах на определенном этапе жизни общества, а также *политическому дискурсу*, который есть не что иное, как определенная идеология (идеология власти), направляющая политическую речь тех, кто ей привержен.

Если в контекст, где все три термина возможны и при этом сохраняют свою семантическую самостоятельность (сильная позиция), ввести идею времени, термин ЯЗЫК оказывается семантически невозможным: *в ходе развертывания дискурса / речи / *языка*;

независимо от течения дискурса / речи / *языка. Невозможен он и во множестве других контекстов, где актуализируется идея не языка-кода (системы), а речевой деятельности (языка-процесса): *адекватный ответ на этот дискурс; каждый из участников дискурса имеет свой план поведения; фаза дискурса*. В контекстах *конкретный дискурс, упорядочивающий сознание и коннотация является неотъемлемой частью текста дискурса* невозможны ни термин ЯЗЫК, ни термин РЕЧЬ. При этом есть контексты, где все три термина находятся в отношениях свободного варьирования в позиции семантической нейтрализации: *дискурс субъекта приобретает характер бреда*.

Особые отношения связывают термины СТИЛЬ и ДИСКУРС. Так, термин ДИСКУРС сочетается со всеми тремя рассмотренными прилагательными *научный, политический, медицинский*, а СТИЛЬ — только с одним: *научный стиль (*медицинский стиль, *политический стиль)*; с прилагательным *публицистический* свободно сочетаются все четыре термина (ЯЗЫК, РЕЧЬ, СТИЛЬ, ДИСКУРС), а с сочетанием *официально-деловой*, тоже обозначающим один из функциональных стилей, термин ДИСКУРС не сочетается (**официально-деловой дискурс*). Более широкое привлечение контекстов употребления и их анализ позволяют сделать вывод, что в отличие от стиля, ориентированного главным образом на означающее текста, т.е. на принятые нормы отбора и комбинаторики единиц языка, а также на принципы построения речи в определенных сферах жизни социума, дискурс ориентирован на означаемое, на содержательную сторону речи.

2.3. Поскольку лингвистическому наблюдению доступна только речь, постольку именно она является эмпирической реальностью для лингвиста. Лингвистические инструменты служат одной цели — изучению речи и объяснению ее устройства, из чего и рождаются теории языка. Постигание абстрактной сущности в ее языковом воплощении (будь то слово СВОБОДА в его нетерминологическом или терминологическом значениях или термин ДИСКУРС) невозможно без определенной лингвистической методики, которая позволяет построить объект-модель для объяснения объекта-оригинала, для объяснения его языкового содержания. Вслед за А.Ф. Лосевым под моделью нами понимается «воплоче-

ние определенной структуры на том или ином материале, в том или ином субстрате» [Лосев 2004: 27], т.е. воплощение способа связи элементов языковой системы любого ее уровня, определяющего место каждого в ней (его парадигматическую форму и синтагматические функции).

Предлагаемая методика определения семантической специфики термина опирается не столько на приписываемые ему научные дефиниции в словарях, сколько на его сочетаемость в научной речи, а она, как показывают наблюдения, опирается на лексический фонд общеизвестного языка, поскольку сугубо «научных» глаголов и прилагательных мало, в чем легко убедиться, открыв любой отраслевой словарь. Методы реконструкции смысла слова (термина, а это в основной своей массе субстантивы) по его сочетаемости позволяют обнаружить такие глубинные пласты содержания (дологические представления об абстрактной сущности), которые, заключая в себе сложившиеся в культуре представления социума о семиотизированном объекте, направляют сочетаемость его имени. Результат лексикографической обработки лингвистических текстов, посвященных проблеме дискурса, в частности анализ его глагольно-адвербиальной сочетаемости, проливает свет на его семантическую специфику (подробно в [Чернейко 2009; 2011]). И нет у лингвиста никакой иной возможности «дойти до сути», докопаться до содержания слова, особенно слова абстрактной семантики, кроме изучения контекстов его употребления.

3.1.1. Без языка нет дискурса, но без дискурса как посредника между индивидуальным и всеобщим речь осуществиться не может. Говорящий, рассуждая о каком-либо явлении, берет слова из общего всем кода (языка), что, по словам Э. Бенвениста, позволяет каждому говорящему «как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296], в чем и проявляется субъективность («Я») в языке. Но выбор слов и их соединение в линейной последовательности, починаясь логике рациональности, подчиняются как мировоззрению и мироощущению говорящего, так и укоренившемуся в культуре способу осмысления того или иного явления и рассуждения о нем. В. Гумбольдт писал: «Даже люди одного направления ума, занимающиеся одинаковым делом, различаются

в своем понимании дела и в том, как они переживают на себе его влияние»; «индивидуальные особенности коренятся в изначальном духовном укладе» [Гумбольдт 1984: 165].

Духовный уклад конкретной личности, взятый в его отношении к речепорождению, может быть определен через совокупность инвариантных «пси-факторов», направляющих индивидуальную речь в конкретной ситуации, иными словами, речь каждого направляется не только философией жизни, но и психотипом личности, между которыми существует сложная связь. В сравнении с обыденным фактическим вопросом *Как жизнь, что хорошего?* вопрос *Что плохо?*, который задает всем при встрече меланхолический персонаж Кира Булычева, можно считать нетипичным, но психологически вполне мотивированным. Из сказанного следует, что первая составляющая дискурса — это ДИСКУРС СУБЪЕКТА.

3.1.2. В связи с определением данного понятия важны следующие положения концепции В. Гумбольдта, в которой, с одной стороны, подчеркивается свобода говорящего («каждую человеческую индивидуальность... можно считать особой позицией в видении мира» [Гумбольдт 1984: 80]; «индивидуальное миропонимание и мировосприятие заявляют о своих правах» [Там же: 170]), а с другой — относительность этой свободы: «Языковедение должно уметь опознавать и уважать проявления свободы, а также с не меньшим старанием должно отыскивать и ее границы» [Там же: 84]. Бесспорно, речь индивидуальна, в ней проявляется личность говорящего. Однако в бесконечной вариативности, «особости» позиций видения мира выделяются инварианты мировосприятия и миропонимания. Насколько «мир счастливого отличен от мира несчастного» [Витгенштейн 1994: 71], насколько «мир меланхолии» отличается от «мира мании» [Фуко 1997: 277], а «мир болезни» [Фуко 1998: 30] — от «мира здоровья», настолько различны и дискурсы этих миров («дискурс бреда» и «дискурс разума» — [Фуко 1997: 249]). Говоря о структуре «связной речи», «связанной с ситуацией» (а это и есть дискурс) [Звегинцев 1996: 99], В. А. Звегинцев пишет: «Снизу дискурс “детерминируется пропозиционным каркасом, а сверху — не названной еще содержательной надстройкой”, которая есть не что иное, как “возможный мир”, представляющий собою “особую сферу пони-

мания”, выступающую «в качестве формообразующей величины»» [Там же: 284–285].

3.2.1. Обоснование выделения понятия ДИСКУРС СУБЪЕКТА опирается прежде всего на концепцию известного представителя французской школы анализа дискурса П. Серио, предложившего обстоятельную аргументацию разграничения понятий ЯЗЫК—ДИСКУРС—РЕЧЬ в монографии 1985 г., посвященной анализу советского политического дискурса [Seriot 1985]. В разделе «Дискурс не есть речь» (*Le discours n'est pas la parole*) П. Серио пишет: «Высказывания подчинены правилам селекции, комбинации и оформления, подчинены они особого рода принуждениям, которые не являются проявлением свободного индивидуального творчества»² [Seriot 1985: 51]. При этом «порядок дискурса — это порядок *излагаемого*, того, что может и должно быть высказано» (*l'ordre de l'énonçable, de ce, qui «peut et doit être dit»* [Там же: 52]).

Разделяя точку зрения одного из основоположников французской школы анализа дискурса М. Пеше, логическую спецификацию понятия ДИСКУРС П. Серио видит в том, что оно лишает говорящего центральной роли для его включения в функционирование высказываний, текста. Условием такого включения являются «идеологические образования» (*des formations idéologiques* [Там же: 52]). Иными словами, дискурс субъекта как реалия речевой деятельности социума является принуждающей мировоззренческой³ силой индивидуального речетворчества, неким неписанным законом вербализации принимаемых личностью убеждений, посредником между индивидуальным (речью) и всеобщим (языком). Как отмечал М. Бахтин, «мировоззрение, направление, точка зрения, мнение всегда имеют словесное выражение» [Бахтин 1979: 274].

В концепции М. Фуко под термином ДИСКУРС понимается а) «совокупность высказываний постольку, поскольку они при-

² «Les énoncés sont soumis à des règles de sélection, combinaison et enchaînement, à des *contraintes* spécifiques qui ne sont pas uniquement du ressort de la pure créativité individuelle» (перевод мой. — Л.Ч.).

³ Говоря о тяготении русской простонародной речи к диминутивам, С. Аверинцев отмечал, что «за ними может стоять целое мировоззрение — “каратаевское” (люди тихие, маленькие)» [Аверинцев 1977: 176].

надлежат к одной и той же дискурсивной⁴ формации» [Фуко 1996: 117]; б) «совокупность анонимных исторических правил <...>, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Там же: 118]. Как совокупность всего высказанного дискурс представляет собой материальную субстанцию, но ничем не отличается от текста. Как совокупность неосознаваемых говорящими правил, позволяющих осуществиться высказыванию («сказаться» и быть понятым или хотя бы услышанным), дискурс является субстанцией идеальной, выявляемой в результате исследования речи, взятой в аспекте ее отношения к коллективному и индивидуальному сознанию, к мировоззрению, к тому, что применительно к так понимаемому дискурсу В.А. Звегинцев и назвал «возможным миром».

3.2.2. Вторая составляющая дискурса — это ДИСКУРС ОБЪЕКТА, аналогичный «бессубъектному дискурсу» в концепции О.Г. Ревзиной, в соответствии с которой «язык пользуется человеком»⁵, а не «человек пользуется языком» [Ревзина 1999: 26]. Дискурс субъекта и дискурс объекта состоят между собой в сложных отношениях [Чернейко 2007]. Ведущая роль в дискурсе потому принадлежит субъекту, что бессознательный или сознатель-

⁴ Французское прилагательное *discoursif*, —Ve имеет значение ‘рассудочный’ в противоположность интуитивному (*la connaissance, la methode — discursive*) и дается в словарях с пометой «специальное». Русский эквивалент этого прилагательного — ДИСКУРСИВНЫЙ — является компонентом аналитического термина русской философии ДИСКУРСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ, который появился в ней задолго до термина ДИСКУРС и не имеет к его лингвистическому пониманию прямого отношения. Поэтому семантически мотивированной формой производного прилагательного этого термина следует признать ДИСКУРСНЫЙ. Предлагаемая аргументация позволяет избежать смешения двух прилагательных, которое часто встречается в лингвистических текстах. Последовательно прилагательное ДИСКУРСНЫЙ употребляется в [Квадратура смысла 1999].

⁵ В своей «Нобелевской лекции» (1987) И. Бродский сформулировал следующую мысль: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования» [Бродский 1992: 191–192].

ный выбор и интенционального объекта, и ракурса его видения, и общей «идеологии» жизни, и собеседника, а также выбор между говорением и молчанием всегда остаются за субъектом. И одна из основных задач исследования дискурса состоит, по мнению М. Фуко, именно в том, чтобы «найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности» [Фуко 1996: 56], «пространство множества разногласий» [Там же: 155], того «скрытого массива мысли, игры репрезентаций», которые «анонимно протекают между людьми» [Там же: 137] и по существу являются их точками зрения, а не собственно знаниями, скорее их заблуждениями, нежели истинами, скорее «менталитетом», нежели «формами мысли» [Там же: 137].

3.2.3. О диктате такой составляющей индивидуального сознания, как мировоззрение (идеологической составляющей), писал в лекциях 1933 г. З. Фрейд: «Мировоззрение — это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоторого высшего предположения, в которой в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место» [Фрейд 1989: 399]. Но любая культура располагает не единственной, а потому и не единой для всех «интеллектуальной конструкцией», приводящей к всеобщему «единообразию» отношений членов социума с миром, их имперсонализации.

По замечанию З. Фрейда, наука, религия, философия «имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбирать, откуда ему черпать свои убеждения, во что верить» [Фрейд 1989: 401]. И с этой точки зрения, культура обеспечивает каждого не только общим инструментом передачи информации о мире — языком как кодом, но и определенным набором идеологем как инвариантов отношения к миру. Духовный уклад личности включает в себя доминантную эмоциональную установку в отношении к миру, сформированную на основе принимаемой системы ценностей, а также его видение, понимание, которые направляют индивидуальную речь в каждом акте говорения [Чернейко 2007].

Хотя конкретным субъектом мировоззрения является личность, оно по своей природе интересубъективно, инвариантно, поскольку многих объединяет и разделяет. У мировоззрения такая

же интегрально-дифференциальная функция в социуме, как и у языкового знака по отношению к внеязыковой действительности. Следует еще раз подчеркнуть, что эмоциональное отношение к миру и его понимание как иррациональная и рациональная возможности адаптации к нему интерсубъективны, инвариантны в рамках одной культуры. И равное количеству людей количество взглядов на мир (их множество, их вариативность) определяется комбинацией присущих культуре мировоззренческих инвариантов⁶, выявить которые — одна из основных задач лингвистики дискурса. ДИСКУРС (и СУБЪЕКТА, и ОБЪЕКТА), обнаруживаемый в индивидуальной речи каждого носителя языка, по своей сути интерсубъективен и имперсонален.

3.3. Если взять политическую речь современной России, то она подчинена законам основных сложившихся в ней политических дискурсов (либерального, консервативного, коммунистического, монархистского и пр.). В одном из писем Платона находим следующее рассуждение: «Ведь, право, у каждого политического строя, как и у разных живых существ, свой собственный язык: один у демократии, другой у олигархии, а еще иной — у монархии. Надеюсь, он (ученик Платона Евфрей. — Л.Ч.) найдет оправдание для монархии не хуже тех, кто составляет твое окружение» [Платон 1994: 473]. Различие между языком «разных живых существ» (идиолектами) и разных социально-политических систем (дискурсами) опирается на оппозицию «субъективность ↔ интерсубъективность», а общее между ними заключается в отсутствии тождества как между идиолектами, так и между дискурсами, хотя и те и другие используют общий код.

В одном из своих интервью известный тележурналист А. Добров сказал следующее: «Не имею личных предпочтений в выборе формата, а работаю в тех, которые предлагают; на те каналы, которым я стилистически не подхожу, меня не приглашают. Конечно, когда я пришел на РЕН ТВ, у многих это вызвало недоумение. Потому что я в принципе консерватор по убеждениям, а

⁶ Для сравнения мысль Ж. Лакана: вы радуетесь встрече с кем-либо, кто говорит на том же языке, что и вы, не потому, что вы встретились с ним в рамках общего дискурса, а потому, что вы связаны с ним особым словом (*vous lui êtes uni par une parole particulière*) [Лакан 1995: 68].

РЕН ТВ — канал с яркой либеральной историей» (ЛГ. № 29. 2013. С. 10). Лингвистическое сравнение ночных итоговых новостей А. Доброва и М. Осокина позволяет обнаружить лексическое воплощение этих двух полярно противоположных мировоззренческих позиций. Канал выполнил ту стратегическую СМИ-задачу, которая позволила привлечь к нему телезрителей, мировоззренчески солидарных с позицией «консерватора».

Профессиональный дискурс — необходимая составляющая идиолекта в силу того, что человек говорящий (*homo loquens*) является одновременно и человеком производящим, делающим (*homo faber*). Сложившиеся в той или иной профессиональной среде представления о возможном и допустимом диктуют определенные синтагматические связи слов, семантическое согласование которых мотивируется этими представлениями: *Да, мэр города сказал, что «необходимо усилить координацию по работе в данном направлении». Но стоит ли тащить в эфир этот канцеляризм — если у редакторов, конечно, нет тайного намерения дискредитировать мэра* (И. Ермилова. Экран любви и тревоги. Секреты мастерства на полях биографии).

Направляет речь говорящего и сама ситуация, а именно то, как говорящий ее понимает, т.е. образ ситуации. Главный фактор в ней — адресат, каким говорящий его себе представляет, т.е. образ адресата, или, более привычное сочетание, «портрет адресата»: это конкретный собеседник, а также реальная (или потенциальная) аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать. Реклама драгоценностей из глянцевого журнала *Измерь успех в каратах* выглядела бы неуместной на страницах таких, например, советских журналов, как «Работница» или «Крестьянка». Важнейший «диктатор» индивидуальной речи не только логика и мифология интенционального объекта, но также представление говорящего об аудитории, «мифология адресата».

Сравнительное исследование сочетаемости слова МОДА в двух разных по целевой аудитории журналах — массового журнала «7 Дней» и элитарного журнала «Домовой» — показало, что в «7 Днях» мода и ее сфера мыслятся как враждебная сила, поскольку вербализуются в основном в терминах войны (что дает возможность в речах на вполне мирную тему обнаружить

милитари-дискурс: *Трикотажные платья, массивованно атаковавшие подиумы; Не теряет своих позиций бельевой стиль*), а в «Домовом» — как одна из базовых витальных потребностей человека (пищи), что позволяет говорить о гастрономическом дискурсе, неразрывно связанным с понятием «потребления» (*Моя задача — сделать марку менее калорийной, чем она была в 60-е; Последнее время Стелла шьет «вегетарианскую», и весьма симпатичную одежду; И самое «вкусное» в британской моде — понятное дело, аксессуары*) [Чернейко, Башкатова 2008].

В рамках единого языка столько идиолектов, сколько его носителей, дискурсов, как уже было сказано, намного меньше, поскольку дискурс интерсубъективен. Каждый носитель культуры находится в сложных социальных связях с другими носителями, поэтому в пределах одного идиолекта вычленяются разные дискурсы. Но и в пределах одного дискурса могут вычленяться разные страты. Когда говорят об обыденном дискурсе, его противопоставляют научному, поэтическому, философскому, религиозному. Обыденный дискурс является базовым для любой культуры, достигшей определенного уровня цивилизации, так как отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией. Однако обыденный дискурс отнюдь не гомогенное образование: «обыденность» верхних слоев общества (элиты) и его нижних слоев разная, поскольку различаются системы ценностей, что отражается, например, в пословице *У кого жемчуг мелкий, а у кого щи жидкие*. А различия в системе ценностных ориентаций микросоциума определяют различия представлений о мироустройстве, т.е. различия в картине мира.

Изучая повседневность Франции, философ и социолог П. Бурдьё продемонстрировал, что каждая социальная группа отличается своим образом жизни, который определяется ее философскими и политическими взглядами, а также сложившимися традициями (даже когда их сознательно избегают), т.е. идеологией в широком смысле слова. И именно идеология предопределяет не только эстетические вкусы социальной группы, но и гастрономические [Bourdieu 1979].

Выводы. Мировоззренческий аспект рассмотрения речевых практик, сложившихся в разных сферах культуры, является доминирующим в когнитивной лингвистике, что и обуславливает вытеснение, например, традиционного аналитического термина «функциональный стиль» термином «дискурс».

Дискурс — это не язык, т.е. не общий для всего социума код (реально существующая знаковая система, служащая для хранения и передачи информации), и не речь, т.е. не индивидуальная реализация общего кода, обеспечивающая коммуникацию, а вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом. Соотнеся термины ЯЗЫК и ДИСКУРС по их общему семантическому основанию ‘обеспечение коммуникации’, можно сделать вывод, что язык в его ипостаси речь — это материальная сторона коммуникации («тело»), тогда как дискурс — ее вербализованная интерсубъективная идеальная сторона (но скорее «душа», чем «ум», бессознательное, а не рациональное). И если язык обслуживает широкую социальную среду, то дискурс принадлежит разным мирам этой среды, упорядочивая сознание каждого неписаными правилами, рамками сознания «корпоративного», иррациональной базой которого является мировоззрение, идеология в ее широком понимании, лишенном политических коннотаций. Термин ДИСКУРС применим, по крайней мере, к двум направляющим речь каждого члена культурного сообщества факторам речевой деятельности: это мировоззрение (включающее и мироощущение) как обобщенное представление о мире, базирующееся на восприятии мира и обуславливающее эмоциональное отношение к нему (дискурс субъекта), и принятые культурой способы оречевления объекта в тех социальных сферах, для которых он является интенциональным (дискурс объекта). Дискурса нет как субстанции физической, но дискурс существует как особое измерение речи в ее отношении к сознанию. Дискурс реален как инструмент познания речи, ее моделирования в мировоззренческом аспекте (точка зрения), который диктует говорящему и выбор единиц языка из системы знаков, и, главное, их комбинаторику. Реальность дискурса состоит в его лингвистическом (теоретическом, познавательном), а не речевом (языковом) статусе. Лингвистическая мифология, связанная с дискурсом, проявляет себя в придании ему статуса языковой реальности.

Литература

- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1977.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
- Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
- Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. — М., 1996.
- Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. — М., 2000.
- Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Диссертация в виде научного доклада. — М., 2003.
- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3—21.
- Кибрик А., Паршин П. Дискурс. URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki.
- Кронгауз М.А. Семантика. — М., 2001.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М., 1995.
- Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистической семантики. — М., 2009.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. — М., 2004.
- Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: Человек и его дискурс. — М., 2003.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М., 2003.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. — М., 1987.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — Т. 4. — М., 1994.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. — М., 2004.
- Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Вып. 8. — Новосибирск, 2005. — С. 66—78.
- Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 1. — С. 25—33.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. — М., 1999. — С. 12—53.
- Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2011.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — М., 1989.
- Фуко М. Археология знания. — Киев, 1996.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб., 1997.
- Фуко М. Рождение клиники. — М., 1998.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 1993. — № 4. — С. 43—63.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб., 2006.
- Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония: сборник в честь юбилея Р.К. Потаповой. — М., 2007. — С. 153—173.
- Чернейко Л.О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. — 2009. — № 3. — С. 15—25.
- Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. — М., 2010.
- Чернейко Л.О. М.В. Ломоносов и язык науки // Филологические науки. — 2011. — № 6. — С. 3—14.
- Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». — М., 2012. — С. 215—218.
- Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. — 2008. — № 2. — С. 86—96.
- Bourdieu P. La distinction: Critique sociale du jugement de gout. — Paris, 1979.
- Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. — Paris, 1985.

Лингвокогнитивный анализ дискурса: базовые понятия, термины, методики и аспекты исследования

В современной отечественной и зарубежной традиции выработано достаточное количество методов и методик дискурс-анализа разного типа, предложены модели описания отдельных типов дискурсов.

Однако, несмотря на активное использование элементов лингвокогнитивного анализа при исследовании дискурсов, нельзя не отметить, что, во-первых, в соответствующих работах далеко не всегда именно когнитивная специфика дискурса становится основным объектом исследования, а во-вторых, задачи такого анализа и его методология сегодня отличаются крайней разнородностью и «мозаичностью».

В связи с этим нам кажется весьма важным и своевременным предложить модель лингвокогнитивного исследования институционального дискурса, базовой предпосылкой которой становится определяющий характер когнитивных процессов в дискурсивной деятельности, а следовательно, первостепенной задачей такого описания дискурса — выявление и анализ его концептуальных доминант, моделирование соответствующих этим доминантам фрагментов картин мира адресантов и адресатов дискурса, а также исследование своеобразия отражения концептуальных доминант в текстах, эксплицированных в дискурсе.

Определяя само понятие дискурс, которое сегодня стало одним из самых востребованных в современной лингвистике, необходимо, как кажется, опираться на мысль М.М. Бахтина об отграничении «действительной реальности языка-речи» от языка как системы форм, от текста как отдельного и изолированного речевого произведения и, наконец, от текущего потока речевого произведения как психологических процессов говорения, письма, слушания и чтения» [Манаенко 2009] (см. об этом подробнее также: [Волошинов (Бахтин) 1993]).

С учетом существующих определений Н.Д. Арутюновой, Т.А. ван Дейка, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Г.Н. Манаенко и многих других ученых определим **дискурс** как процесс тематически обусловленного общения, детерминированного социально-историческими условиями, специфика которого отражается в совокупности текстов (в широком — семиотическом — понимании этого термина), характеризующихся концептуальным, речевым и прагматическим своеобразием.

В последнее десятилетие основания, по которым выделяются конкретные типы дискурсов, множатся, а следовательно, все возрастает количество описываемых дискурсов и дискурсивных разновидностей (дискурс власти, дискурс рынка, дискурс надежды и отчаяния, диалектный дискурс, устный дискурс и мн. др.). Однако традиционно выделяемые институциональные дискурсы (политический, спортивный, медицинский, военный, дипломатический и др.), как правило, изначально задаются темой общения и представляют собой сложные дискурсивные образования, **дискурсивные пространства** — организованные по принципу поля системы дискурсивных разновидностей, объединенные прежде всего общностью тематики и концептуальной доминанты, репрезентированной в рамках дискурса. В некоторых институциональных дискурсах (таких как религиозный, деловой, дипломатический, военный) периферия не так «разветвлена» и обширна, как в институциональных дискурсах, где периферия поля в определенных экстралингвистических условиях становится едва ли не более конституирующей для данного типа дискурса, чем собственно ядерная часть.

Вопрос о **концептуальной доминанте дискурса** является одним из основополагающих как в когнитивной лингвистике, так и в дискурсологии, поскольку именно изучение специфики дискурсивной реализации базовых концептуальных доминант позволяет в конечном итоге создать «ментальный прообраз» (Е.А. Селиванова) дискурсивного пространства.

Концептуальную доминанту можно определить как базовую, «опорную», системообразующую концептуальную универсалию (концепт, концептуальную модель, когнитивный стереотип), определяющую специфику данного типа дискурса, проявляющуюся в «когнитивной схеме» дискурса, в его «макроструктуре»

(Т.А. ван Дейк, М.Л. Макаров) и «задающую» семантическое и коммуникативно-прагматическое своеобразие текстов, в которых происходит языковая объективация названных концептуальных феноменов.

Основополагающим вопросом исследования концептуальных доминант является вопрос о методиках и процедурах, в результате которых выявляются названные доминанты. Методологическими критериями, позволяющими верифицировать вычленение системобразующих концептов дискурса, а также концептуальных моделей и когнитивных стереотипов, в которых репрезентирована специфика когнитивной структуры опорных концептов дискурса, являются следующие.

1. Актуализация концептуальных единиц посредством частотности и разнообразия их языковой экспликации в текстах, репрезентированных в дискурсе. Названный критерий может быть условно охарактеризован как собственно языковой.

Понятия *доминанта* и *актуализация* рассматриваются как детерминированные в лингвопоэтике (Р. Якобсон, работы ученых Пражской лингвистической школы и т.д.). И хотя мы осознаем принципиальную разницу в организации текстов, эксплицированных в спортивном, политическом и других институциональных дискурсах, с одной стороны, и в художественном дискурсе — с другой, тем не менее для нас очевидно, что принципы языкового «выдвижения» концептуальных единиц в текстовом пространстве — общее содержание текста, его тематическая отнесенность, синтагматика текста, лексико-семантическое своеобразие текстов, специфика контекстуальных связей — являются значимыми и для выявления концептуальных доминант институциональных дискурсов.

2. Дискурсивный критерий, под которым подразумеваются типичные для данного дискурса «концептуальные векторы» (А.П. Чудинов), прагматический потенциал соответствующей концептуальной единицы в рамках дискурса, ее продуктивность и активность, обусловленность дискурсивными факторами экстралингвистического порядка, прежде всего социально-историческими, геополитическими, этнокультурными, гендерными и т.д.

3. Понятийный критерий, который состоит в том, что когнитивная специфика институционального дискурса определяется его

понятийной сферой, как правило, «очерченной», «заданной» тематикой дискурса. Так, для политического дискурса базовым является понятийное поле «Политика» и его составляющие («фреймы» в терминологии А.П. Чудинова): субъекты политической деятельности, политические организации, политические институты, политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.д. Для спортивного дискурса базовым является понятийное поле «Спорт» и его составляющие.

Таким образом, выявление концептуальных доминант дискурса базируется на детерминированных критериях разного порядка, которые позволяют верифицировать выделение тех или иных концептов, концептуальных моделей, когнитивных стереотипов в качестве доминирующих в дискурсе.

В качестве концептуальных доминант дискурса могут быть рассмотрены разноуровневые концепты, в том числе **мегаконцепты** — сложно организованные, многомерные, внутренне расчлененные когнитивные образования, в структуре которых выявляются взаимообусловленные, взаимосвязанные, диффузные частные концепты. Данный термин достаточно частотен в лингвистических работах (см., напр.: [Орлова 2006]).

Вообще заметим, что рассмотрение одного и того же когнитивного феномена в разных аспектах — как мегаконцепта, как культурного концепта или как идеологемы — кажется одним из продуктивных путей комплексного исследования концептуальных доминант дискурсов.

Операциональными единицами исследования концептуальной доминанты дискурса — концепта, идеологемы или мегаконцепта — могут быть когнитивные стереотипы-суждения и концептуальные метафорические и метонимические модели. Выбор пути исследования в данном случае определен его аспектом.

Понятие **когнитивный (ментальный) стереотип** неразрывно связано с понятием «концепт»: именно в стереотипах отражается «интерпретация» тех или иных базовых концептов, которая задается всей совокупностью бытовых, социально-экономических, социально-политических, исторических, природных, этнических, культурологических факторов.

В.В. Красных [Красных 2002] выделена специфическая разновидность стереотипов-представлений — стереотипы-суждения.

Стереотипы-суждения — это своего рода *стереотипные модели*, некоторая область пересечения *стереотипных частей* различных базовых концептов дискурса. Разумеется, они имеют когнитивный характер и в этом смысле могут считаться разновидностью концептуальных моделей. Подчеркнем еще раз, что когнитивные стереотипы-суждения — это операциональные единицы, позволяющие интерпретировать в изучаемом феномене ту область периферии поля, которая включает ценностные составляющие структуры концепта и отражает современные стереотипные представления и оценки определенного фрагмента действительности.

Метаязык описания когнитивных стереотипов-суждений состоит в формулировке «этической максимы» (Н.А. Кузьмина) — высказывания, в котором отражена семантическая специфика выделенного стереотипа, например «Спортивные победы для русских тождественны военным». Такое высказывание характеризуется модусами долженствования, констатации и/или оценки и представляет собой когнитивно-пропозициональную структуру, называющую объект или субъект характеристики и его доминирующий признак (признаки). Лексическими и лексико-синтаксическими маркерами когнитивных стереотипов в тексте являются частотно повторяемые, отчасти клишированные высказывания, коррелирующие с пропозициональной структурой формулировки стереотипа, и разнообразные сегменты текста (словосочетание, предложение, несколько взаимосвязанных предложений), в которых репрезентируется содержательная структура стереотипа.

В качестве операциональных единиц лингвокогнитивного исследования дискурса могут выступать также **концептуальные модели** разных типов.

Говоря о таких моделях, мы исходим из того, что объективно сосуществуют различные способы познания, освоения и понимания действительности — метафорические и метонимические, неметафорические, рациональные по своей сути, основанные на логических методах обнаружения связи между концептами, между означаемым и означающим. Поэтому существует необходимость исследования специфических для каждого из названных способов когнитивного освоения действительности механизмов структурирования фрагментов картины мира, соотносенных с тем или иным концептом и репрезентированных в разных дискурсах.

Под **концептуальной метафорической моделью** понимается двухкомпонентная когнитивная структура, где отношения между означаемым и означающим, «областью цели» и «областью источника» строятся на основе метафорического принципа подобия. В качестве методики описания концептуальных метафорических моделей с означаемым — базовым концептом спортивного дискурсивного пространства — может быть избрана методика исследования языковой репрезентации фреймово-слотовой структуры метафорической модели, поскольку именно она объективно отражает как специфическую процедуру обработки названных структур знаний, так и результат метафорического моделирования концепта носителями языка, эксплицированный в текстах.

Под **концептуальной метонимической моделью** понимается двухкомпонентная когнитивная структура, организованная по типу простого общеутвердительного (или частноутвердительного) атрибутивного логического суждения («S — это P», «S есть (суть) P»), где отношения между означаемым и означающим, «субъектом» и «предикатом» могут быть охарактеризованы как отношения смежности в широком понимании этого термина, а именно как отношения тождества (эквивалентности), перекрещивания (частичного тождества) или субординации (подчинения объема понятий). Методика лингвокогнитивного анализа концептуальных метонимических моделей включает несколько этапов, а именно: выявление доминантных для данного типа дискурса метонимических концептуальных моделей; лексико-семантический, в том числе компонентный, текстовый, прагматилистический, композиционный анализ специфики вербальной и лексико-синтаксической репрезентации изучаемой когнитивной структуры в текстах; выделение концептуальных признаков в полевой структуре концепта-означаемого, обусловленных особенностями взаимодействия понятийных областей означаемого и означающего (субъекта и предиката). Заметим, что термины «означаемое» и «означающее» употребляются в значении, отличном от семиотического понимания: означаемое здесь — это «тема, понятие, подвергаемое... интерпретации» [Кузьмина 1999], означающее — это «некоторое обобщение, накопленный опыт, совокупность данных» [Арутюнова 1988]

(подробнее о разграничении метафорических и метонимических моделей см.: [Малышева 2011]).

В качестве инструмента анализа лексико-семантической репрезентации концептуальных доминант дискурса может быть использована методика составления и описания формально-функционального тезауруса лексических репрезентантов, посредством которых вербализуется та или иная концептуальная доминанта. Данная методика коррелирует с полевыми описаниями специфики лексико-семантической организации текста и детерминирована представлением о полевой структуре концепта. Поскольку языковая объективация концепта в тексте и дискурсе происходит прежде всего на лексико-семантическом уровне, полагаем, что элементы ядра и периферии поля концепта реализуются в лексико-семантических группах лексем — лексических репрезентантах, заданных семантикой концепта. Термин «лексические репрезентанты» понимается в широком значении, так как если формальный тезаурус лексических репрезентантов концепта представлен группами лексем, которые манифестируют содержание концепта непосредственно, узуально, то функциональный тезаурус лексических репрезентантов концепта представлен лексическими единицами, опосредованно, метафорически и метонимически, объективирующими концепт. Функциональный тезаурус лексических репрезентантов концепта отражает специфику интерпретационного поля концепта и эксплицирует прагматические составляющие семантики исследуемого концепта, эксплицированного в определенном типе дискурса. «Закрытость» или принципиальная «открытость» формально-функционального тезауруса лексических репрезентантов концепта находится в прямой зависимости от типа дискурса, в котором объективируется концептуальная доминанта. Количественный и качественный состав выделяемых исследователем лексико-семантических подгрупп формально-функционального тезауруса лексических репрезентантов концепта является не константным и единообразным, а вариативным и специфическим относительно описания лексической репрезентации тех или иных когнитивных единиц. Важнейшей частью исследования лексико-семантической специфики реализации концепта является собственно прагмалинг-

вистический комментарий, в котором анализируются лексико-семантические, стилистические и — отчасти — грамматические особенности составленного формально-функционального тезауруса (подробнее о данной методике и ее применении см.: [Малышева 2010]).

Таким образом, традиция монографического описания определенного типа институционального дискурса в лингвокогнитивной парадигме находится в стадии активного становления, а вопрос о релевантности именно когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования дискурса, об описании дискурса в соответствии со схемой «от смысла — к форме», «от когнитивной специфики дискурса — к дискурсивному (в том числе языковому) своеобразию ее воплощения» сегодня является одним из самых актуальных в лингвоконцептологии и дискурсологии, поскольку, с одной стороны, «динамичность как свойство концепта заключается в дискурсивно-коммуникативной обусловленности его реализации в дискурсе» [Олешков 2009], а с другой — именно своеобразие системы концептуальных доминант, объективированных в дискурсивном пространстве, позволяет сделать адекватные выводы о специфике изучаемого типа институционального дискурса.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Образ: опыт концептуального анализа // Проблемы текстообразования и референции. — М., 1988. — С. 117—129.
- Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка // Вопросы философии. — 1993. — № 1. — С. 51—59.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. — М., 2002.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. — Екатеринбург; Омск, 1999.
- Малышева Е.Г. Специфика лексико-семантической репрезентации концепта «Патриотизм» в спортивном дискурсе (на основе данных формально-функционального тезауруса) // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. 12. — Вып. 1 (53—54). — С. 296—303.
- Малышева Е.Г. Виды концептуальных моделей: различие понятий «метафорическая модель» и «метонимическая модель» (на при-

мере когнитивных доминант спортивного дискурса) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. — Владикавказ. — 2011. — № 1. — С. 123–126.

Манаенко Г.Н. Координаты понятия «дискурс» // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. — Нижний Тагил, 2009. — С. 15–35.

Орлова Н.В. Лингвистическое моделирование русской наивной этики. — Омск, 2006.

Л.Р. Безуглая

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу

Лингвопрагматика (лингвистическая прагматика, прагматика языка, прагмалингвистика), получившая распространение в языкознании второй половины XX в. и давшая мощный толчок развитию дискурсивной парадигмы, в качестве ведущего методологического принципа предполагает антропоцентризм.

Идея антропоцентричности языка принадлежит В. фон Гумбольдту: «Язык следует рассматривать <...> как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно» [Гумбольдт 1984: 313]. Поэтому лингвистика, призванная объяснить язык, не могла не выдвинуть в центр своего интереса носителя языка — человека. Так антропоцентричность языка влечет за собой антропоцентрическое понимание лингвистики, обоснованное Э. Бенвенистом: «Язык создан по мерке человека <...>, в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974: 13].

Антропоцентрический принцип противопоставляется лингвоцентрическому (также: субъектоцентризм vs. объектоцентризм [Лакофф 2004: 173] или субъектоцентризм vs. текстоцентризм [Сусов, Безуглая 2009]). Если лингвоцентризм предусматривает изучение языка как данности, зафиксированной в текстах, т.е. в отвлечении от говорящего на нем субъекта, то антропоцентризм рассматривает язык как принадлежащий сознанию человека и реализующийся в его речи. При этом важно отметить, что понятия «субъективное» и «объективное» «не противопоставляются в том смысле, что одно из них связано с чем-то неполноценным, а другое является единственно правильным: речь идет о 1) принадлежащем субъекту и 2) принадлежащем окружающему миру» [Залевская 2005: 395].

Антропоцентрическая методология прагматики определяет ее исследовательские методы, антропоцентрические по сути, т.е.

в своих приемах и методиках исходящие от говорящего субъекта, — контекстуальный, речеактовый, экспликации имплицатур, интенциональный, концептуальный, фреймовый, дискурсивно-стратегический и т.п. Эти методы характерны для современного состояния развития лингвопрагматики. Однако, как и любая научная дисциплина, она не стоит на месте. Вместе с ней развивается, совершенствуется антропоцентрический принцип лингвистики.

Цель данного раздела — охарактеризовать основные этапы развития лингвопрагматики в русле развития антропоцентрического принципа и становления дискурсивной парадигмы лингвистики.

Лингвопрагматика демонстрирует в своем развитии **три этапа** — коммуникативный, когнитивный и дискурсивный. Они коррелируют с тремя антропоцентрическими поворотами, которые всколыхнули лингвистику последних десятилетий, — коммуникативно-прагматическим (или «прагматическим бумом» [Bierwisch 1979: 63]), когнитивным и дискурсивным. Общими закономерностями развития лингвопрагматики можно считать расширение предмета, углубление анализа, интеграцию с другими дисциплинами и отражение развития принципа антропоцентризма.

Следует заметить, что хронологические рамки выделяемых этапов зыбкие, границы расплывчатые. Более того, в рамках каждого этапа сосуществуют черты других этапов, однако характерные свойства и тенденции можно проследить внутри каждого из них.

На **первом этапе** (70—80-е годы XX в.) лингвопрагматика сосредоточивается на несоответствиях между знаковыми средствами и их употреблением, которые составляют основу косвенных речевых актов [Searle 1979] и разговорных имплицатур [Grice 1991], что находит отражение в первых дефинициях этой дисциплины: первопроходец прагматики ФРГ Д. Вундерлих в 1970 г. определил ее как «аналитическое описание отношения языковых средств выражения к процессам коммуникации» [Wunderlich 1970: 9].

Хотя прагматика на этом этапе большей частью отождествляется с теорией речевых актов, она привлекает и исследова-

тельные области, связанные с ее семиотическими корнями. Так, Б. Шлибен-Ланге объединила «под крышей» прагматики три направления коммуникативно ориентированных исследований языка: учение об употреблении знаков, лингвистику диалога и теорию речевых актов [Schlieben-Lange 1979: 11].

В качестве первоочередных предметов исследования в фундаментальных работах по прагматике на первом этапе исследуются явления, связанные с небуквальными смыслами, — косвенные речевые акты, имплицатуры и пресуппозиции [Levinson 2001: 3; Leech 1996; Schlieben-Lange 1979: 91]. Прагматический анализ, как правило, сводится к попытке объяснения случаев расхождения буквального смысла высказывания с актуализированным.

Прагматический поворот вызвал бурную дискуссию о соотношении семантики и прагматики: одни лингвисты считают эти дисциплины равноправными [Hawley 2002; Preyer 1997: 107; Sgall 1980: 234], другие видят в прагматике продолжение семантики, своеобразную «пост-семантику» [Лакофф 2004: 753; Gibbs 2002: 483; Récanati 1987: 1], третьи отстаивают точку зрения, согласно которой прагматика и семантика взаимно обусловлены [Bach 1997; Levinson 2000: 172]. Тем не менее все взгляды сходятся на мысли о том, что разница между семантикой и прагматикой состоит в изучении буквальных и небуквальных смыслов [Bach 1997; Gibbs 2002: 482; Wunderlich 1980: 304].

Небуквальным смыслам как ведущему прагматическому предмету исследования соответствуют основные методы, применяемые на этом этапе, — речеактовый, пресуппозиционный и метод экспликации имплицатур.

Антропоцентрический принцип первого этапа развития прагматики можно сформулировать следующим образом: «Язык реализуется в речи человека». Именно человек, язык и речь во взаимосвязи находятся в центре внимания коммуникативной прагматики.

Для состояния развития прагматики на **втором этапе** (80—90-е годы XX в.) характерной стала тенденция к ее сближению с общей коммуникативной теорией, к интенсивному расширению предмета научного поиска. Прагматические исследования начинают обогащаться привлечением исторического [Bach 1983; Jung 2005; Presch

1981], социального [Culperer 2010; Dräxler 1989], контрастивно-го [Гак 1987; Fillmore 1984], этнокультурного [Сафаров 1990] и в первую очередь когнитивного [Carston 2002; Croft 1994; Vanparys 1996] аспектов.

Поэтому закономерно, что в 1990-е годы лингвопрагматика стала пониматься наиболее широко, о чем свидетельствует определение Дж. Фершюерена: «Прагматика есть общая функциональная перспектива любого аспекта языка, т.е. подход к языку, который учитывает весь комплекс его когнитивного, социального и культурного функционирования в жизни человеческих существ» [Verschueren 1995: 13].

Если на этапе своего становления прагматика изучала вербальные аспекты речи отдельного говорящего, рассматривая случаи несоответствия между буквально выраженными и реально осуществляемыми речевыми действиями, то постепенно вектор анализа «От языковых выражений к интенциям говорящего» изменился на прямо противоположный — «От интенций говорящего к языковым средствам их выражения». Исходной точкой анализа становится коммуникативная интенция как ментальное состояние коммуниканта, предусматривающее направленность сознания на определенную пропозицию и намерение говорящего донести эту направленность до адресата [Searle 1986]. Такое изменение исследовательского вектора вызвано когнитивизацией прагматики — ее сближением с когнитивной лингвистикой, с которым связано развитие антропоцентрического принципа в сторону объединения коммуникативно-прагматических и когнитивно-семантических исследований языка и речи.

В западной лингвистике термин «когнитивная прагматика» употребляется с конца 1980-х годов и охватывает два исследовательских направления:

- часть когнитивных исследований языка, которые касаются системы прагматических знаний его пользователей (менталистская, модулярная прагматика) [Kasher 1994; Meibauer 1997; Sinclair 1995];
- часть прагматических исследований языка, которые исходят из того, что интеракция базируется на когнитивных структурах, включенных в процесс создания смыслов и обе-

спечивающих основу для взаимопонимания коммуникантов [Bosco, Bucciarelli, Bara 2004; Carston 2002; Croft 1994; Vanparys 1996].

В первом случае в центре внимания оказываются свойства человеческой когниции, обуславливающей употребление языка, во втором — употребление языка коммуникантами, которое начинается в мышлении. Лингвистически релевантным представляется второе направление, поскольку оно концентрируется на взаимосвязи языка и речемыслительных процессов. Таким образом, когнитивная лингвопрагматика предстает как языковедческая дисциплина, которая пытается объяснить языковые особенности коммуникативных действий реализацией определенных когнитивных структур.

Коммуникативная прагматика изучает прагматические свойства предложений, высказываний, речевых актов независимо от когнитивной деятельности человека. Речь идет об иллокутивной интерпретации высказываний, отсюда — выражения типа «иллокутивная цель речевого акта» (а не говорящего) [Récanati 1987], «иллокутивный потенциал высказывания» [Viehweger 1983], «иллокутивная логика» [Searle, Vanderveken 1985] и т.п.

В когнитивной прагматике те же самые единицы — речевые акты, изучаются не как оторванные от реального общения высказывания, а как коммуникативный процесс, берущий начало в ментальной сфере говорящего, поэтому речевой акт трактуется как двухступенчатый, «речемыслительный» (термин С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2004: 110]). Объединение речи и мысли является в прагматике закономерным, поскольку «как раз в речи язык встречается с мыслью, вступает с ней в непосредственную связь, и именно в речи осуществляется акт общения, который требует обязательного участия и языка, и речи, а также деятельности мысли» [Звегинцев 2001: 240—241].

Итак, коммуникативная прагматика языка акцентирует акциональные аспекты языковой коммуникации, а когнитивная прагматика — интенциональные аспекты, которые рассматриваются как определяющие. Исследовательские методы прагматики обогащаются методами когнитивистики — интенциональным, концептуальным, фреймовым.

Преображается и антропоцентрический принцип, который на втором этапе развития прагматики звучит так: «Язык принадлежит сознанию человека и реализуется в его речи». К триаде «человек—язык—речь» добавляется человеческое мышление, сознание.

На **третьем этапе**, в XXI в., фокус прагматических интересов перемещается к фактору адресата, с речевого действия на речевое взаимодействие. По словам И.П. Сусова, речевое взаимодействие предстало связующим звеном, объединившим лингвопрагматику с конверсационным анализом, анализом диалога и теорией разговорного языка, и интегрировало их в дискурсивный анализ [Сусов 2009: 205].

Этот этап связан с расширением понимания антропоцентричности — лингвистику интересует не только человек-индивид, но и его отношение к другим индивидам, человеческие группы, объединенные социальными признаками, отношениями, процессами, которые не могут не отражаться в языке. В этой связи особую актуальность приобретают исследования различных типов дискурса, пытающиеся соединить антропоцентризм в узком и широком понимании, в которых человек-говорящий является первым звеном в ряду социальных отношений: «человек-говорящий—человек-адресат—социальная группа—социум».

Лингвистическая прагматика, которая понимается уже как некартезианская, дискурсивная прагматика [Bosco, Bucciarelli, Vaga 2004; Копытко 2001], вместе с когнитивной лингвистикой стала базой для новой, дискурсивной методологии, которая позволяет говорить не просто о когнитивной или дискурсивной прагматике, а о дискурсивной / когнитивно-дискурсивной / когнитивно-коммуникативной парадигме лингвистического знания [Кубрякова 2004: 323, 519; Паршин 1996: 33].

В понятие речевого акта сейчас зачастую вкладывается новый, более широкий, смысл. Так, М.Л. Макаров отмечает, что «категория “речевой акт” вышла за пределы теории речевых актов *per se*» и составила наряду с дискурсом объект анализа в дискурсивной лингвистике [Макаров 2003: 17; 162]. Привлечение к речевому анализу фактора адресата, возрождение перлокутивного аспекта, учет социальных факторов реализации речевого акта позволяют взглянуть на него не как на изолированное действие говорящего индивида, а как на единицу взаимодействия комму-

никантов. Анализ речевого акта становится невысказанным без анализа интеракции, ибо коммуниканты «совершают нечто большее, чем простое употребление языка или передачу смыслов, — они взаимодействуют» [Dijk 1997: 2].

На этом этапе прагматика обогащается методами, предполагающими привлечение не только когнитивной, но и социальной интеракции: когнитивного моделирования, прототипическим, пропозициональным, текстово-концептуальным, дискурсивно-стратегическим и т.п.

Антропоцентрический принцип третьего этапа таков: «Язык принадлежит сознанию человека и реализуется в его речи в процессе когнитивного, коммуникативного и речевого взаимодействия говорящих субъектов и их групп». Система антропоцентрических понятий приобретает вид: «сознание человека—язык—речь—социальное взаимодействие».

Когнитивный аспект дискурсивного анализа воплощает антропоцентризм в узком понимании, поскольку изучение когнитивных состояний, процессов и операций касается отдельного индивида, в ментальной сфере которого имеют место процессы концептуализации, категоризации, возникновения интенций, реализации дискурсивных стратегий и тактик и т.п. Антропоцентризм в широком понимании как признание когнитивного, коммуникативного и речевого взаимодействия человеческих индивидов и их групп относится к прагматическому фактору анализа дискурса, в том числе когнитивно-прагматическому.

Целесообразным видится вопрос о **трактовах дискурса**. Как и каждое широко употребляющееся понятие, дискурс допускает широкий диапазон разночтений и считается одним из самых противоречивых понятий в современной лингвистике.

В этой связи основополагающей представляется мысль Е.С. Кубряковой о том, что дискурс мыслится и как объект лингвистического анализа, и как его предмет, и как материал [Кубрякова 2004: 519].

Трактовка **дискурса как материала** анализа присуща концепциям, которые отождествляют его с текстом [Алефиренко 2005: 298; Карасик 2004: 238; Чернявская 2006: 77], с фрагментом текста [Демьянков 1982: 7] или с совокупностью текстов определенной тематики. Последняя концепция характерна для лингвистики

ФРГ: дискурс является заключительным звеном в последовательности «звук—слово—предложение—текст—дискурс», где каждое явление составляется из совокупности единиц непосредственно предшествующего явления, т.е. дискурс является корпусом текстов (юридический, политический, рекламный дискурс и т.п.) [Jung 2005].

Дискурс, как и текст, признается продуктом, результатом деятельности говорящих. Определяющим понятием в таких дефинициях дискурса выступает понятие «текст», ср.: «дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения» [Карасик 2004: 238].

Трактовку **дискурса как объекта** лингвистического анализа наблюдаем в концепциях, которые приравнивают дискурс к динамическому, интерактивному процессу. Этот процесс противопоставляется тексту (1) как своему знаковому продукту [Звегинцев 2001: 172; Кубрякова, Цурикова 2004; Цурикова 2006: 5], или же (2) как основе, на которой дискурс возникает [Мартинюк 2012: 21].

В рамках первого подхода дискурс рассматривается как «ограниченный вполне определенными временными и общими хронологическими рамками процесс использования языка (речевая деятельность), который обусловлен и детерминирован особыми типами социальной активности людей, преследующих конкретные цели и задачи» [Кубрякова, Цурикова 2004: 129].

В рамках второго подхода дискурс понимается как возникающий на основе текста процесс конструирования смыслов: это ситуативно обусловленная интерсубъективная речемыслительная деятельность, направленная на взаимную ориентацию в жизненном пространстве на основе придания языковой форме семиотической значимости [Мартинюк 2012: 11]. Наличие текста представляет собой основное условие возникновения дискурса. Когда в реальных пространственно-временных координатах в зону внимания интерпретатора попадает текст, возникает интерсубъективное взаимодействие автора и интерпретатора, и формы языковых знаков приобретают содержание — именно процесс этого взаимодействия и является дискурсом [Мартинюк 2012: 21]. Думается, что такое понимание дискурса вполне оправданно для письменной коммуникации, когда коммуниканты отдалены друг от дру-

га в пространстве и времени. Опираясь на созданный автором текст, читатель-интерпретатор конструирует смыслы согласно своему когнитивному, коммуникативному и речевому опыту. Интерпретация оказывается субъективным многовариативным, развернутым в пространстве и времени процессом, ограниченным рамками созданного автором текста. Конвенциональные значения языковых единиц, в которые автор заложил определенный смысл, дают возможность читателю понять текст более-менее адекватно относительно интенциональных состояний и замысла автора.

Концепции, представляющие **дискурс как предмет**, методологический угол зрения на единицы языка и речи, сосредоточиваются на взаимодействии процесса и продукта комплекса когнитивной и коммуникативной и речевой деятельности [Красных 2003: 113; Кубрякова 2004: 525; Шейгал 2004: 16]. Дискурс и текст являются неразрывными, как неразрывны процесс и продукт: продукт немислим без процесса, как и процесс неминуемо выливается в продукт: «дискурс не только само произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой речемыслительный продукт и порождается» [Красных 2003: 113].

Процессуально-результативное понимание дискурса демонстрирует наивысший уровень развития лингвопрагматики как дисциплины об употреблении языковых знаков и дает исследователю самые широкие возможности для объяснения их функционирования. Тем не менее в свете всеобъемлющего характера дискурсивного подхода все трактовки дискурса имеют право на существование. Исследователь волен выбирать трактовку в зависимости от целей, задач и объекта анализа.

Дискурсивный подход, предполагающий соединение языкового (*language use*), коммуникативно-когнитивного (*communication of beliefs*) и социально-прагматического (*interaction in social situations*) аспектов анализа языка [Dijk 1997: 7], выводит лингвистическую прагматику на качественно новый уровень эпистемологии — прагматика дает функциональную базу исследования любого аспекта языка в когнитивном, коммуникативном и социальном преломлении.

Суммируя, следует подчеркнуть, что три этапа развития лингвопрагматики — коммуникативный, когнитивный и дискурсивный — являются отражением динамики принципа антропоцентризма.

На первом (коммуникативном) этапе антропоцентрический принцип в прагматике предполагает сосредоточение на речевых действиях одного коммуниканта.

Второй (когнитивный) этап характеризуется обращением к ментальным состояниям коммуниканта с целью выяснения связи «язык—мышление—речь», с одной стороны, и привлечением междисциплинарных связей — с другой.

На третьем (дискурсивном) этапе антропоцентрический принцип расширяется на когнитивное и речевое взаимодействие коммуникантов и их групп в дискурсах различных типов, что знаменует ведущую роль лингвопрагматики в становлении лингводискурсологии.

Таким образом, развитие лингвопрагматики находится в русле интегративных тенденций современной науки в целом. Расширяются междисциплинарные связи, горизонты видения явлений, углубляется уровень научного обобщения, охватывая все уровни языка и все аспекты речи, во взаимосвязи с мышлением и социальным взаимодействием.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики. — М., 2005.
- Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. — М., 1987. — С. 37–48.
- Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — М., 2001. — С. 307–323.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. — М., 2005.
- Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. — М., 2001.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — М., 2004.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003.

- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004.
- Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации. — М., 2004. — Ч. 2. — С. 126–159.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. — М., 2004.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М., 2003.
- Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики. — Харків, 2011.
- Паршин П.Б. Теоретические перемены и методологический мятёж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. — 1996. — № 2. — С. 19–42.
- Сафаров Ш. Этнокультурные компоненты дискурсивной деятельности // Язык, дискурс и личность. — Тверь, 1990. — С. 105–111.
- Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. — С. 5–16.
- Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. — Винница, 2009.
- Сусов И.П., Безуглая Л.Р. Субъектоцентрическая модель речевого акта // Культура народов Причерноморья. — 2009. — Т. 2, — № 168. — С. 284–287.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М., 2006.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
- Bach K. The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters // Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte. — Opladen, 1997. — S. 33–50.
- Bax M. Die lebendige Dimension toter Sprachen. Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 1983. — № 11. — S. 1–21.
- Bierwisch M. Wörtliche Bedeutung — eine pragmatische Gretchenfrage // Sprechakttheorie und Semantik. — Fr./M., 1979. — S. 119–148.
- Bosco F.M., Bucciarelli M., Bara B.G. The Fundamental Context Categories in Understanding Communicative Intention // Journal of Pragmatics. — 2004. — Vol. 36. — P. 467–488.
- Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language. — 2002. — Vol. 17. — № 1–2. — P. 127–148.
- Croft W. Speech Act Classification, Language Typology and Cognition // Foundations of Speech Act Theory. — L., N.Y., 1994. — P. 460–477.

- Culperer J. Historical Sociopragmatics // Historical Pragmatics. — B., N.Y., 2010. — P. 69–96.
- Dijk T.A. van. The Study of Discourse. Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. — London, 1997. — Vol. 1.
- Dräxler H.-D. Soziolinguistik, Pragmalinguistik und Sprachgeschichte. — Alsbach, 1989.
- Fillmore Ch. Remarks on Contrastive Pragmatics // Contrastive Linguistics: Prospects and Problems. — B., 1984. — P. 119–142.
- Gibbs R.W. A New Look at Literal Meaning in Understanding What is Said and Implicated // Journal of Pragmatics. — 2002. — Vol. 34. — P. 457–486.
- Grice H.P. Logic and Conversation // Studies in the Way of Words. — Cambridge (Mass.), L., 1991. — P. 22–40.
- Hawley P. What Is Said // Journal of Pragmatics. — 2002. — Vol. 34. — P. 969–991.
- Jung M. Diskurshistorische Analyse — eine linguistische Perspektive // Sprachgeschichte als Zeitgeschichte. — Hildesheim, 2005. — S. 165–193.
- Kasher A. Modular Speech Act Theory // Foundation of Speech Act Theory. — L., N.Y., 1994. — P. 312–322.
- Kopytko R. From Cartesian Towards Non-Cartesian Pragmatics // Journal of Pragmatics. — 2001. — Vol. 33. — P. 783–804.
- Leech J. Principles of Pragmatics. — L., N.Y., 1996.
- Levinson S.C. Presumptive Meanings. — Cambridge (Mass.), 2000.
- Levinson S.C. Pragmatik. — Tübingen, 2001.
- Meibauer J. Modulare Pragmatik und die Maximen der Modalität // Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte. — Opladen, 1997. — S. 226–256.
- Presch G. Zur Begründung einer historischen Pragmalinguistik // Institutionen — Konflikte — Sprache. — Tübingen, 1981. — S. 206–238.
- Récanati F. Meaning and Force. — Cambridge, 1987.
- Schlieben-Lange B. Linguistische Pragmatik. — Stuttgart, 1979.
- Searle J.R. Indirect Speech Acts // Searle J. R. Expression and Meaning. — Cambridge, 1979. — P. 30–57.
- Searle J.R. Intentionality. — Cambridge, 1983.
- Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. — Cambridge, 1985.
- Sinclair M. Fitting Pragmatics into the Mind: Some Issues in Mentalist Pragmatics // Journal of Pragmatics. — 1995. — Vol. 23. — P. 509–539.
- Sgall P. Towards a Pragmatically Based Theory of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics. — Dordrecht, 1980. — P. 233–246.
- Vanparys J. Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspective. — Fr./M., 1996.
- Verschueren J. The Pragmatic Perspective // Handbook of Pragmatics. — Amsterdam, Philadelphia, 1995. — P. 1–19.
- Viehweger D. Semantik und Sprechakttheorie // Richtungen der modernen Semantikforschung. — B., 1983. — S. 145–245.
- Wunderlich D. Die Rolle der Pragmatik in der Linguistik // Der Deutschunterricht. — 1970. — Heft 22/4. — S. 5–41.
- Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics. — Dordrecht, 1980. — P. 291–312.

Направления и подходы в теории дискурса

Становление теории дискурса, и в частности активизация лингвистических исследований в этом направлении, приходится на 50-е годы XX в., на период смены научных парадигм. Интенсивное исследование языка в разных гуманитарных науках и выбор дискурса в качестве методологического основания научного анализа позволили российским ученым вслед за Ромом Харрэ говорить о лингвистическом или дискурсивном перевороте. Изменились объекты исследования, система координат описания: текст стал рассматриваться во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, объектом исследования стали механизмы и процессы порождения текста. Главной особенностью дискурсивной парадигмы в лингвистике стала, как отмечает Е.С. Кубрякова, «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию» [Кубрякова 2000: 10]. Это дало основание соотносить дискурс с такими понятиями, как высказывание, речь, речевая деятельность, текст, коммуникативная ситуация, что приводит, с одной стороны, к пониманию того, к какому ряду явлений относится дискурс, а с другой стороны, создает ложное представление об идентичности этих явлений. Наиболее распространенными в отечественной и зарубежной лингвистике являются подходы, которые рассматривают дискурс как коммуникативно-речевое и структурно-текстовое явление.

В рамках коммуникативно-речевого подхода дискурс характеризуется как коммуникативный процесс или речь, речевое действие (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, Ж. Гийому, Д. Мальдидье, Т.Б. Гуляр, Т. ван Дейк, М.Н. Кожина, Н.И. Формановская, Л.С. Чикилева). Речь как явление, противоположное языку, достаточно долго не являлась объектом изучения лингвистики. Хотя отдавалось должное сосюрговской дихотомии язык—речь, однако лингвистика в качестве объекта исследования выбирала язык. В свое время В.А. Звегинцев отмечал: «В основу лингвистической теории должно быть положено первичное, определяющее,

большее, общее, т.е. речь» [Звегинцев 1976: 19]. Речью называют разные явления: во-первых, устную естественную речь как форму, противоположную письменной; во-вторых, сам процесс, или речевую деятельность, и ее результат, т.е. функционирование языка в процессе общения. Активное развитие дискурс-анализа в 70-е годы XX в., направленного на исследование разговорной речи, привело к использованию понятия «дискурс» только по отношению к устной речи. Это, безусловно, сузило объем понятия, о чем писал Т.А. ван Дейк, отмечая, что дискурс не ограничивается только рамками диалога [Дейк 1989].

Чаще всего дискурс рассматривают как «эквивалент понятия “речь” в сосюрговском смысле, т.е. любое конкретное высказывание» [Серио 1999: 26]; «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 2002: 137]; речь в совокупности с экстралингвистическими факторами [Кожина 2004], «функционирование языка в реальном времени» [Кибрик, Плунгян 1997: 308]. То есть дискурс понимается широко, как процесс использования языка в определенных условиях, как речевое общение. Единицей речевого общения считается высказывание, основной особенностью которого является ориентация на участников речи. В соответствии с этим дискурсом именуют «обмен высказываниями» [Якобсон 1987]; «высказывания, объединенные общностью целевого задания» [Гуляр 1993]. Н.И. Формановская определяет высказывание как «минимальную “клеточку” общения, которая, как правило, взаимодействует с другими высказываниями, образуя более крупную единицу — дискурс» [Формановская 2007: 80].

Разница между понятием «высказывание» и «дискурс» связана прежде всего с их объемом: высказывание представляет собой единицу дискурса, а дискурс — совокупность высказываний. Кроме того, различна степень реализации интенции и достижения коммуникативной цели. Как справедливо отмечает Т.Б. Гуляр, сравнивая высказывание и дискурс: если в высказывании допускается только единичное попадание/непопадание в цель, то дискурс допускает корректировки, изменение первоначальной задачи [Гуляр 1993]. Продолжая эту мысль, можно добавить, что в рамках дискурса речевая интенция формируется, реализуется, меняется и интенций

может быть несколько; в рамках высказывания эксплицитно реализуется только одна интенция.

Дискурс мыслится как важная часть коммуникации, которая, помимо речевого действия, включает и говорящего, его речевые намерения, и слушающего, с его интерпретациями речи, и конкретную речевую ситуацию. Обычно под коммуникацией понимают общение, определяя ее как обмен знаниями (информацией) между индивидами при помощи общей системы знаков, «обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [Горелов 2002: 233]. Единицей коммуникации является коммуникативное событие (ситуация), воспринимаемое как некое законченное целое по форме и структуре. В свое время Р. Якобсоном была разработана модель коммуникативной ситуации, в которой он выделял адресанта, адресата, сообщение, которое написано с помощью кода, контекст и контакт [Якобсон 1987]. Б.А. Успенский называет необходимыми и достаточными условиями языковой коммуникации пять элементов: адресант; сообщение, которое предстает в виде текста, т.е. последовательности языковых знаков; текст, в котором закодировано сообщение; адресат; язык [Успенский 2007].

Данные компоненты (может быть, в другой словесной интерпретации) представляют и модель дискурса. Возникает вопрос: в чем отличие коммуникативной ситуации от дискурса или таких отличий не существует и это идентичные понятия. Для нас данная проблема решается следующим образом. В том случае, если описывается ситуация общения (пусть и повторяющаяся), например, собрание, урок, то дискурс и коммуникативное событие представляют собой идентичные понятия. Поэтому, на наш взгляд, возможно употребление как сочетания «коммуникативное событие урока», так и «дискурс урока». Например, В.И. Тюпа описывает урок как коммуникативное событие, тяготеющее к диалогу согласия, и рассматривает особую драматургию урока: коммуникативное пространство, коммуникативное поведение учителя и учеников [Тюпа]. В этом случае у дискурса можно определить границы (пространственную, временную), которые позволяют отдифференцировать данный дискурс от других дискурсов. Свойством данного типа дискурса является недискретность (урок длится 40—45 минут и не прерывается (или во всяком случае, не должен пре-

рываться)) и наличие границы (пространственной, временной), отделяющей одно событие от другого. Такой тип дискурса можно назвать дискурс-событие, или конкретный дискурс.

Однако понятие «коммуникативное событие» невозможно отнести к определенной области знаний, сфере деятельности (например, политика, пиар, торговля), роду информации (эстетический, художественный), типу организации информации (повествование, описание) и т.п. Так, например, анализируют бизнес-дискурс (Ю.В. Данюшина), дискурс масс-медиа (М.Р. Желтухина), компьютерно-медийный (Л.Г. Ковальская), публицистический (Н.И. Клушина, Т.В. Чернышева), рекламный (Е.С. Кара-Мурза), научный (В. Чернявская), PR-дискурс (Л.В. Селезнева) и другие типы институционального дискурса (Р. Водак, В.И. Карасик), нарративный, эпистематический, агональный, художественный (В.А. Андреева, В.В. Миловидов, В.И. Тюпа), побудительный (Т.Б. Гуляр). При этом дискурс не ограничен временными и пространственными рамками, как конкретное событие, и при анализе дискурса выявляются типологические черты, характерные для различных событий. Такой тип дискурса можно назвать дискурс-коммуникация, или общий дискурс.

В этом плане возможно говорить о том, что дискурс включает $1 + n$ коммуникативную ситуацию. Относительной границей дискурса в данном понимании, показывающей его пределы и обуславливающей его целостность, является прикрепленность к той или иной коммуникативной сфере, а также сфера деятельности. Каждая сфера актуализируется в дискурсе, и в качестве основного критерия при выделении коммуникативных сфер используется понятие информационное (тематическое) поле дискурса. Оно передает содержательную информацию о производственной и общественной деятельности коммуникантов, об их отношении к социальным ценностям. Вспомогательным критерием выступает способ и средства выражения этой информации. Таким образом, коммуникативное событие есть условие существования дискурса, а дискурс — реализация в речи коммуникативного события.

Структурно-текстовый подход к дискурсу акцентирует внимание на тексте как результате дискурсивной деятельности (В.А. Андреева, Р. Барт, И. Беллерт, В.В. Богданов, А.Ж. Греймас, Ж. Курте, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.А. Миловидов, П. Сталл,

И.П. Сусов, В.Е. Чернявская). В рамках этого соотношения существуют разные интерпретации дискурса, как впрочем, существует и разное понимание самого текста. Чаще всего дискурс рассматривают как понятие более широкое, чем текст, т.к. дискурс представляет собой соединение текста и экстралингвистических факторов. Текст воспринимается как фрагмент дискурса, как его элементарная единица или одна из сфер существования дискурса (В.А. Звегинцев, В.В. Богданов), или как определенный результат функционирования дискурса (Р. Барт, Е.С. Кубрякова, П. Сгалл), а дискурс, в свою очередь, как процесс текстопостроения и рецепции текста (В.А. Миловидов, В.Е. Чернявская), как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков 2003: 117]. При этом текст занимает центральное положение в дискурсе, что позволило В.А. Андреевой назвать его «свернутым дискурсом» [Андреева 2006].

В конце 1970-х — начале 1980-х годов наметилась тенденция к постепенной дифференциации понятий текст и дискурс. Однако, по мнению М.Я. Дымарского, и мы разделяем данную точку зрения, ««развести» указанные понятия — задача непростая» [Дымарский 2006: 35]. В качестве дифференцирующих параметров можно выделить процессуальность, прикрепленность ко времени, актуальность, реализацию в письменной или устной форме.

1. Процессуальность интерпретируют как способность к изменению, т.е. дискурс воспринимается как процесс, а текст — зафиксированный результат изменений, которые происходят в дискурсе. Процессуальность дискурса подчеркивает противопоставление статичности текста динамичности дискурса. Данную дихотомию интерпретируют еще как функциональность vs. структурность, процесс vs продукт, динамичность vs статичность (М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, В.Е. Чернявская, Л.С. Чикилева). В соответствии с ними различают структурный текст как продукт и функциональный дискурс как процесс. Как отмечает Е.С. Кубрякова: «Дискурс — это явление, исследуемое on-line, в текущем режиме и текущем времени, по мере своего появления и развития. Во всяком случае дискурсивный анализ требует восстановления этого процесса, если даже изучается его результат» [Кубрякова 2004: 517]. Но динамичность относят не только к дискурсу. Т. ван Дейк отмечает, что «следовало бы проанализировать тексты с точки зре-

ния динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия» [Дейк 1989: 122]. По сути дела, он говорит о заложенной в тексте динамике, которая должна учитываться при анализе дискурса.

2. Прикрепленность к реальному времени в большей степени свойственна дискурсу, который определяют как функционирование языка в реальном времени. Так, например, М.Я. Дымарский отмечает «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает» [Дымарский 2006: 39]. В этом смысле текст лишен жесткой прикрепленности ко времени и эти отношения носят опосредованный характер, т.к. текст обычно имеет дату написания.

3. Актуальность, т.е. значимость для современного момента характерна для дискурса. Дискурс, интерпретируемый как речь, «погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), не используется обычно по отношению к древним текстам, т.к. невозможно непосредственно восстановить их связи с социальной ситуацией. Однако современные тексты, особенно в журналистике, должны обладать данным свойством, иначе будут не интересны читателю.

4. Форма реализации или существования текста и дискурса может быть устная или письменная. Если дискурс определяется как процесс использования языка, то он существует как в устной, так и в письменной форме, под текстом же обычно понимается всякая записанная речь, т.е. для него характерна письменная форма.

Таким образом, сопоставление текста и дискурса позволяет уточнить данные понятия, отметить их взаимозависимость, определить параметры для анализа дискурса как процесса текстообразования. Такое понимание дискурса подразумевает восприятие текста как системы, в которой реализуются коммуникативно-прагматические установки: 1) установка на адресанта, т.е. в тексте проявляется интенция составителя текста; 2) установка на адресата, т.е. в тексте учитываются, по возможности, ожидания слушателя (читателя), той целевой аудитории, для которой предназначен текст; 3) установка на систему языка, при помощи которого составлен текст; 4) установка на сам текст, т.е. на ту форму и стиль, в которой передан текст (письменная — устная форма, официальный — неофициальный стиль и т.п.); 5) установка на действительность, т.е. на событие, вызвавшее написание текста.

На особую роль дискурса при создании текста указывал А. Белл: «Дискурс связан не только с языком. Он определяет содержание сообщения: кто, с кем и почему общается, в каком обществе и в какой ситуации, посредством чего, как развивались различные типы общения и их взаимосвязь» [Bell 1996: 3]⁷. Другими словами, именно дискурс определяет способы и приемы работы с внеязыковой информацией, которые необходимы для создания и понимания текста.

Проблема текстообразования остается слабо разработанной, хотя появляются исследования в рамках теории текста, которые анализируют текстовые произведения конкретных жанров [Человеческий фактор в языке 1994: 79–108]. Текстообразование понимается нами как процесс, нацеленный на создание диалогического единства дискурса. Диалогичность, выдвинутая в работах М.М. Бахтина как важная категория эстетики словесного творчества, является не только особенностью художественного текста. Это подтверждает мысль ученого о диалогической природе человеческой жизни, когда само общественное бытие определяет такие отношения между человеком и миром, которые были названы философией поступка. Каждый поступок реализуется при помощи речи, как писал М.М. Бахтин: «Там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений, их не может быть между предметами или логическими величинами (понятиями, суждениями и др.)» [Бахтин 1986: 312–313]. По М.М. Бахтину они определяются напряжением между двумя полюсами: принципом монолизма и принципом диалогизма: от речи, обращенной говорящим к самому себе и не предполагающей адресата, к речи, которая строится как намеренно адресованное высказывание. Можно говорить о том, что любое высказывание коррелирует с другим высказыванием в рамках одного текста, одного дискурса. Диалогические отношения М.М. Бахтин определял как «особый тип *смысловых отношений*, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают себя*) реальные или

⁷ «Discourse is not concerned with language alone. It also examines the content of communication: who is communicating with whom and why; in what kind of society and situation, although what medium; how different types of communication evolved, and their relationship to each other» (перевод мой. — Л.С.).

потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний» [Бахтин 1986: 320].

Все это позволяет выделить уровни диалогических отношений в дискурсе:

- между высказываниями в рамках текста, так как каждое словесное целое представляет собой сложную систему отношений. Любое высказывание диалогично потому, что оно существует среди других высказываний и коррелирует с ними как в синхронии, так и в диахронии.
- между текстами в рамках дискурса. Например, тексты, созданные в рамках одного дискурса, но в разное время, при сопоставлении обнаруживают смысловую конвергенцию. Или для дискурса средств массовой информации характерно повторение фактического содержания: тексты на одной газетной полосе дополняют друг друга, они как бы являются репликами в раскрытии одной темы, одной проблемы; диалогичны тексты на разных полосах, в разных выпусках газеты — все это называют риторической акцентуацией смысловой важности сообщения.

Таким образом, важным аспектом процесса текстообразования в рамках дискурса является диалогичность как особый тип смысловых отношений. С этой точки зрения можно охарактеризовать дискурс как целостное коммуникативное явление, направленное на образование текста с учетом коммуникативно-прагматических установок и в соответствии с принципом диалогического единства. В современной теории дискурса при анализе текста как центрального звена учитываются установки и намерения адресанта, presupпозиция, коммуникативная ситуация, социальные факторы и т.п., что, безусловно, расширяет границы лингвистических исследований.

Литература

- Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст. — СПб., 2006.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 2002. — С. 136–137.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986.
- Горелов И.Н. Коммуникация // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 2002. — С. 233.

- Гуляр Т.Б. Побудительный дискурс // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: сб. научн. тр. — Тверь, 1993. — С. 37–43.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. — С.116–133.
- Дымарский М.Я. Проблема текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. — М., 2006.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 1976.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. — С. 276–339.
- Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. — М., 2000. — С. 7–25.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004.
- Кожина Н.М. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст—Дискурс—Стиль. — СПб., 2004. — С. 9–33.
- Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. — С.12–53.
- Тюпа В.И. Коммуникативное событие урока. URL: <http://metlit.nm.ru/materials/materials.html>.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. — М., 1992.
- Формановская Н.И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика. — М., 2007.
- Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге. — М., 1987.
- Bell A. Approaches to Media Discourse. — London, 1996.

ДИСКУРС И СТИЛЬ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ?

- О моде в терминологии
 - Стиль и дискурс: конкуренция терминов
 - Стиль и дискурс: пересечение парадигм
 - Философское измерение стиля и социальное измерение дискурса
 - Стилистические категории и дискурсивные доминанты
 - Стиль и дискурс: классические и диссипативные системы
-
-

Стиль и дискурс: сходства и различия

1. С появлением теории дискурса (ТД) открылись новые перспективы для толкования языковых феноменов. Одновременно возникли определенные отрицательные тенденции, ослабевающие этот подход. Его центральное понятие — дискурс — стало все чаще механически использоваться, невзирая на необходимость, оправданность и целесообразность. Употребление слова дискурс стало очень модным, в связи с чем Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен пишут: «Уже, по крайней мере, лет десять термин ‘дискурс’ является модным. В научных текстах и дебатах он используется произвольно, часто без точного определения, понятие стало размытым: либо потеряло значение, либо, напротив, стало использоваться более точно с различными значениями в различных контекстах» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 14].

Термин *дискурс* все чаще заменяет другие названия, в первую очередь *коммуникацию*, *текст* и *функциональный стиль*, хотя они не являются синонимами. Формальная замена центрального понятия дисциплины А, Б и/или В центральным понятием дисциплины Д (или наоборот) является некорректным, научно непродуктивным и методологически нецелесообразным. Существует целый ряд работ, в которых можно провести замену *текст* ↔ *дискурс* и *дискурс* ↔ *(функциональный) стиль*, никаким образом не меняя общего смысла. Лишь формальной заменой одного термина другим расшатывается ТД, а ее центральный термин превращается в стертую монету. Формальная замена без каких-либо новых элементов охватывает и терминологическое сочетание, в которых один его член заменяется корнем **дискурс-**, скажем **языковая картина мира** превращается в **дискурсивную картину мира** или **дискурс-картину мира**, **речевая деятельность** в **дискурсивную деятельность**, **языковая личность** в **дискурсивную личность**, **речевое поведение** в **дискурсивное поведение**, **языковое пространство** в **дискурсивное пространство**. При этом авторы и не задумы-

ваются над тем, что научная корректность требует семантического разграничения или уточнения между новым и старым (исходным) понятием. Кроме того, необъятное количество дискурсивных таксонов создает впечатление, что почти нет ничего в жизни и в языке, что нельзя назвать *дискурсом*.

2. Одна из самых больших проблем в рассмотрении понятий теории дискурса (ТД) и теории стилей (ТС) состоит в чрезмерно широком толковании центрального понятия первой — дискурса. На это указывают почти все исследователи ТД, скажем:

«В современной науке нет единства в толковании значения этого термина» [Седов 2004: 7]. «Все это привело к появлению огромного числа дефиниций и толкований, часто невнятных, противоречивых, затемняющих родовую природу функционирования дискурса и т.п.» [Седов 2004: 8]. «Разнообразие всевозможных подходов, определений и трактовок феномена дискурса настолько велико, что очень часто само понятие 'дискурс' остается без должного внимания, поскольку считается, что оно уже прочно вошло в структуру общих знаний и не требует дополнительных разъяснений» [Романов 2005: 10].

Сара Миллс пишет, что область применения данного понятия и способы его трактовок «остаются до сих пор неясными и просто не поддаются здравому смыслу» (цит. из: [Романов 2005: 10]).

Сейчас, в принципе, не важно, что является дискурсом, а наоборот: что не является дискурсом, что относится к не-дискурсу.

Время покажет, насколько некоторые подходы в толковании дискурса будут (из-за необъятности объекта исследования) губительны для ТД, например определение дискурса как а) всякое употребление языка, б) использование языка во всех его разновидностях, в) высказывание или даже г) все, что говорится и пишется (см.: [Прохоров 2004: 18, 20, 22]). Наблюдаемый сильный процесс детерминологизации основного термина (*дискурса*) может очень отрицательно отразиться на данной теории.

3. Четыре смежные теории: теория коммуникации (ТК), теория стилей (ТС), теория текста (ТТ) и теория дискурса (ТД)⁸

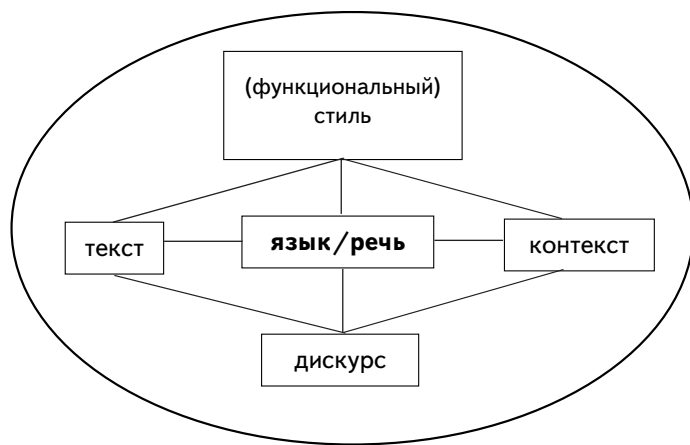
⁸ К ним близка и теория чтения.

должны сосуществовать, а не исключать друг друга. Очень важно разобраться в отношениях между этими четырьмя теориями, занимающимися четырьмя различными, но близкими предметами исследования — коммуникацией, стилем, текстом и дискурсом. ТК, ТС, ТТ и ТД являются не конкурирующими, а взаимодействующими научными направлениями, которые могут сосуществовать, не отрицая и не исключая друг друга. Поэтому вред наносят те, которые считают неважным отличать коммуникацию от дискурса, текст от дискурса, функциональный стиль от дискурса.

4. Исследование дискурса является продуктивным, если оно проводится на своем уровне — надтекстуальном (нетекстуальном) и надстилистическом (нестилистическом). Специалисты по дискурсу могут внести большой вклад в свое направление и разграничение между указанными четырьмя теориями, если (1) выработают такое определение дискурса, которое бы четко отграничивало дискурс от коммуникации, дискурс от текста и дискурс от функционального стиля, (2) создадут категориальный аппарат, отличающийся не формально, а существенно от категориального аппарата ТК, ТТ и ТС, (3) всеохватывающую таксономию дискурсов. Что касается первого, прошло уже три-четыре десятилетия с тех пор, как ТД появилась, и все еще дискурс требует определения, т.е. он все еще нуждается в уточнении (такого обилия, разнообразия и путаницы в дефинициях основного понятия, наверно, трудно найти в других научных областях, поэтому ТД уникальна в этом плане). По отношению ко второму, категориальный аппарат ТД в ряде работ берется из других школ, направлений и дисциплин. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример: дискурс-категориями называются, в частности, самоидентификация, атрибутивность, деятельность, пространство и время, роли, миссия/цель (первая группа категорий), аудитория, целевая аудитория, реляционная коммуникативная стратегия (вторая группа категорий), направленная информация, коммуникативные стратегии (третья группа категорий), интертекстуальность, лингвистический статус, энциклопедические знания, правильность речи, вариант языка, специальная терминология, стилистический диапазон, интерактивность, невербальное поведение, открытость/закрытость, степень активности адресата в коммуникативной ситуации (четвертая группа категорий) [Ухванова-Шмыгова, Маркович 2013:

123—124]⁹. В связи с третьим можно сказать, что необходимо создать типологию дискурсов, при помощи которой можно было бы разобраться по крайней мере в том, что находится иерархически выше, а что ниже. Если учесть лишь таксоны в некоторых монографиях и пособиях по ТД (см. список литературы), можно понять, какое разнообразие существует в выделении различных типов дискурса, без их группировки в целях осмысления и описания: а) абстрактный, академический, антисемитский, виндиктивный, газетно-публицистический, конфликтный, методологический, музыкальный, мультимедиаальный, организационный, парламентский, педагогический, переводческий, политический, публицистический, романтический, советский, телевизионный, убеждающий, уголовный, учебный, феминистический, экологический, б) гипердискурс, медиадискурс, пандискурс Интернета, в) дискурс людей, дискурс неолейборизма, дискурс тетчеризма и т.п.

5. Очень актуальным является вопрос разграничения центральных понятий ТК, ТТ, ТС и ТД на конкретном материале. Было бы, скажем, интересным провести исследование лишь одного текста, чтобы получить представление о том, чем отличаются результаты анализа в рамках ТК, ТТ, ТС и ТД (здесь можно добавить теорию чтения и теорию интерпретации).

⁹ Авторы выделяют 33 категории.

Стилисты должны подчеркивать, что понятие «функциональный стиль» является не только статическим, но и динамическим феноменом (что усложняет разграничение между функциональным стилем и дискурсом). В стилистических исследованиях надо настаивать на том, что функциональный стиль и дискурс — различные понятия и что непродуктивно механически заменять *стиль* *дискурсом* или же к *стилю* добавлять какое-либо дискурсивное определение, лишь для того чтобы быть «современным». Необходимо указывать и на то, что, подобно дискурсу, и функциональный стиль как динамический феномен выходит за рамки текста и стиля как продукта.

6. Объединение понятийного аппарата ТД и ФС является целесообразным, лишь если учитывается природа их центральных категорий — дискурса и функционального стиля. Ориентация на использование терминологии ФС для расширения терминологии ТД и/или толкования его феноменов в отсутствии выработанной категориальной и терминологической систем ТД может создать путаницу и в самой ФС (что кажется уже и происходит).

7. В продолжение данной темы приведем пример книги, в которой была предпринята попытка рассмотреть функциональную дифференциацию языка в аспекте ТД с явным предпочтением последней. Речь идет о публикации М. Ковачевич и Л. Бадурины «Расслоение языковой действительности» [Kovačević, Badurina 2001], в которой говорится не об общей дифференциации языка, а лишь об одной ее разновидности — функционально-стилистической. Применением дискурсивного анализа и использованием понятийного аппарата ТД авторы хотели показать, как язык функционально-стилистически членится. В результате получился симбиоз двух теоретических подходов: функционально-стилистического и дискурсивного. К данному объединению авторы сознательно стремились с начала до конца. Такая интердисциплинарная, точнее, двуплановая конструкция требовала выбрать одну из двух возможностей: (1) сбалансированно соотносить функционально-стилистические и дискурсивные феномены или (2) отдать предпочтение лишь одним из них. В книге выбран второй путь, и в основном терминологическом аппарате центральными оказались понятия ТД, а термины ФС ушли в другой план, не столь далеко, чтобы они оказались на явной периферии. В этом

подходе иерархически наверху стоит *дискурс*, т.е. *дискурсивный тип*, представляющий собой, по выражению авторов, эквивалент функциональным стилям. Их подстилям соответствуют *области*, «*домены*» [Kovačević, Badurina 2001: 127]. В рамках дискурсивных типов выделяются на горизонтальном уровне специальный, мультимедийный, публичный, частный и литературный дискурс, а на вертикально — устный и письменный. Реже используется термин *поддискурс* [с. 94, 116, 127], *наддискурс* [150], *микродискурс* [127] и *интердискурс* [127]. С другой стороны, параллельно употребляются выражения из ФС, прежде всего *функциональный стиль* и *подстиль*. Также приводятся названия отдельных видов языка (*научный язык, язык науки, язык политической науки, язык юридических наук, язык делопроизводства, административный язык, административно-юридический язык, язык юридической специальности, язык банковского дела*), затем *подъязык, подсистема (разговорная подсистема, «неразговорная» подсистема), код (семейный код), языковой подкод*.

Данная книга вызывает недоумение по поводу того, как назвать рассмотренный авторами вид расслоения языка, т.е. как толковать функционально-стилистическую дифференциацию языка, если выйти за рамки теории функциональных стилей и войти в воды ТД. Так как дискурс категориально не является эквивалентом функциональному стилю, возникает противоречивая ситуация в том отношении, что функционально-стилистическая дифференциация оказывается не в своем исконном дисциплинарном русле, а выделяемые типы дискурсов размывают ясные контуры функциональных стилей. Точнее, возникает представление о функционально-стилистической дифференциации, которая является не функционально-стилистической, а каким-то гибридом, сплавом, состоящим из функционально-стилистического расслоения и дискурсивного разнообразия. Именно здесь и открывается (точнее, предполагается) причина, почему в заглавии книги пропущено уточнение типа членения языка. Нам кажется, что ей лучше всего соответствует название дискурсивно-функционально-стилистическое расслоение, хотя оно нигде в доступной нами литературе не упоминается. Второй выход состоит во введении определения (в форме родительного падежа) типа *функционально-стилистическое расслоение дискурса*. В таком случае смягчается

основной конфликт между двумя различными терминами: *дискурсом*, предпочитаемым авторами, и *функциональным стилем*, без которого они, очевидно, не могли справиться, потому что, по сути дела, речь идет о функционально-стилистической дифференциации. Попытка замены функционального стиля дискурсом оказалась искусственной и не доведенной до конца (авторы остановились на полпути).

Данная книга явно свидетельствует о том, что нельзя *функциональный стиль* заменить *дискурсом* без существенной потери его категориальности, так же как и *функциональный стиль* невозможно заменять *дискурсом* без семантических изменений. Основная проблема в использовании термина *дискурс* на функционально-стилистическом уровне лежит в его многозначности (иногда, кажется, необъятной). Сами авторы в ряде мест чувствовали необходимость высказать свою позицию по этому поводу и давали различные толкования, приводя в недоумение читателей, прежде всего по отношению к используемому им термину *дискурс*. Они, в частности, приводят противоречивые толкования о том, что дискурс — это (1) текст в контексте, (2) текст в зарождении, (3) язык в употреблении (устном и письменном), (4) субъективный модус, при помощи которого подчеркивается настоящий (актуальный) момент какого-либо рассказа, (5) нарративный модус, включающий тон, точку зрения, (6) выражение отношения к внешним институтам и т.п. [Kovačević, Badurina 2001: 18, 124, 186].

Создается впечатление, что авторы иногда сами не уверены, что подразумевать под дискурсом, ср.: «Дискурс, кажется, в общем обозначает все мысли языка, которые, согласно Бахтину, указывают на конкретную существующую тональность (1981)» [Kovačević, Badurina 2001: 18]. Но все эти объяснения оказались недостаточными, чтобы поставить точку, и десять страниц спустя авторы опять возвращаются к определению дискурса и приводят мнение, согласно которому *дискурс* обозначает спонтанный, импровизированный речевой тип неопределенной длины в интересубъективной ситуации обсуждения [Kovačević, Badurina 2001: 35]. Через сто страниц они пишут, что в литературе дискурс используется по-разному и что он покрывает все аспекты коммуникации, не только само сообщение или текст, но и адресанта и адресата, а также непосредственный ситуационный контекст [Kovačević, Badurina

2001: 128]. Затем констатируется, что дискурс включает и превосходит текст, что он соотносится с вариациями и регистрами. По их мнению, текст можно рассматривать как вербальную запись коммуникативного акта, т.е. он является репрезентантом дискурса. Следует утверждение, что дискурс относится не только к простому общению, но и к письменной коммуникации между автором и читателем. В отличие от текста как продукта, добавляют авторы, дискурс воспринимается как процесс. Хотя используются термины *поддискурс* и *наддискурс*, все выделенные функционально-стилистические таксоны чаще всего называются *дискурсом*, в результате чего получается список, состоящий из 24 разновидностей: *административный, академический*¹⁰, *эстетически окрашенный, публичный, литературно-художественный, литературно-научный, литературный, мультимедиаальный, нарративный, письменный, политический, юридический, правовой, прикладной, частный, публицистический, разговорный, религиозный, сакральный, специализированный, научный дискурс, дискурс письма, дискурс рекламы*. При этом авторы не отрицают оправданность, целесообразность и научную обоснованность функционально-стилистических категорий.

Положительным является то, что они в функционально-стилистическом и дискурсивном симбиозе стремились использовать термин *функциональный стиль* в узком и прямом значении, что его пытались как можно больше соотносить с дискурсом, явно предпочитая первый. При этом они проявили чувство реальности, прежде всего в понимании того, что нельзя оспаривать уже утвердившийся функционально-стилистический подход и целесообразность функционально-стилистического анализа. Но одновременно они как будто потеряли силы и интерес рассмотреть сложнейшую проблему, применив самый плодотворный подход: разграничить дискурс и функциональный стиль таким образом, чтобы отграни-

¹⁰ В анализе академического дискурса, опубликованном в отдельной статье, авторы констатируют, что этот дискурс реализуется в плане речи и написания (*ispisa*), причем этот последний больше всего соответствует «терминологизированному» понятию научного стиля [Kovačević, Badurina 2002]. Они утверждают, что в общепринятой функциональной дифференциации в основном игнорируется дистинктивный характер плана языковой реализации, в котором какой-либо дискурсивный тип («функциональный стиль») — как подсистема системы стандартного языка — потенциально реализуется.

чить в первую очередь функциональный стиль от функционально-стилистического дискурса. При этом не следовало бы отождествлять дискурсивные типы с функционально-стилистическими, а указывать на их близкую, но не изоморфную природу. Важным вкладом в ТД и ТС было бы определение границ между дискурсом и функциональным стилем и поиск серых зон между ними, в которых проявляется сходство и идентичность.

Когда речь идет об этом, ставится вопрос (1) совпадает ли действительно дискурс, т.е. дискурсивный тип, с функциональным стилем (как это в нескольких местах утверждается; конкретно: публицистический дискурс с публицистическим стилем), а область, «домен», — с подстилем функционального стиля, (2) совпадают ли функционально-стилистические комплексы (светский и сакральный, военный и гражданский, частный и публичный, теоретический и прикладной) с основными дискурсивными типами. И еще одно примечание. В ряде работ, появившихся в последнее время, некритически, иногда и без понимания, берутся и используются новые термины. Таким, например, является *концепт*, а в настоящее время это, к сожалению, происходит с *дискурсом*. Он все чаще используется как новая, современная замена функционального стиля, как его эквивалент, каким он по сути дела не был и не будет. Авторы книги попали в такую ловушку, и в ряде мест вызвали сомнительные вопросы типа (1) надо ли механически заменять *функциональный стиль* термином *дискурс* там, где первый совсем нормально звучит и функционирует, (2) надо ли смешивать, не разграничивать функционально-стилистическое и дискурсивное расслоение языка и (3) можно ли их взаимодействие решить простой реноминацией. Для соотношения ТД и ТС существенно важно выработать типологию дискурсов, так как трудно рассматривать категории с четкой и подробной классификацией (как в случае ТС) с категориями, у которых она отсутствует (как в случае ТД). Оправданность замены понятия «функциональный стиль» понятием «дискурс» можно выявить, если в рамках ТД будет создана типология, подобная функционально-стилистической, хотя бы приблизительная по глубине, ширине и иерархии. Ведь одно дело произвольно выделять дискурсивные таксоны, а совсем другое создавать целостную таксономическую конструкцию.

8. Так же как надо стремиться, чтобы дискурс не потерял свой терминологический характер, необходимо и функциональный стиль беречь от ненужного расширения, от расплывания и нейтрализации его границ до такого уровня, когда он перестал бы быть четким термином. А это как раз и происходит в последнее время. Рассмотренный подход, в рамках которого функциональный стиль заменяется дискурсом, впитывается или нейтрализуется им, мы считаем не лишним экспериментированием, а примером, как анализ может показать, что дискурс и функциональный стиль не одно и то же.

9. Мы пришли к выводу, что в противоположность неопределенному, точнее, многозначному термину *дискурс* стоит ясный, однозначный термин *функциональный стиль*. Он точно указывал и указывает на то, что речь идет об использовании языка в определенных видах человеческой деятельности (литературе, публицистике, науке, делопроизводстве и повседневном общении), в которых господствует определенная функция языка (типа общения, сообщения и воздействия — эстетического, агитационного, пропагандистского и др.). Поэтому является неоправданным механически заменять один термин другим. Но нам кажется целесообразным и оправданным искать точки соприкосновения, взаимного проникновения и переплетения.

Литература

- Вдовиченко А.В. Дискурс—текст—слово. — М., 2002.
Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. — М., 2005.
Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / отв. ред. С.А. Ромашко. — М., 2000.
Задворная Е.Г. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий. — Минск, 2002.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2002.
Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М., 2003.
Медиадискурс: новые явления и новые подходы / под ред. Н.А. Кузьминой. — Омск, 2010.
Миронова Н.И. Дискурс-анализ оценочной семантики. — М., 1997.
Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. — М., 2004.

- Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. — М., 2012.
Романов А.В. О статусе дискурсивного анализа в учебной коммуникации // Языковая личность в дискурсе / отв. ред. А.А. Романов. — М., 2005. — С. 10—21.
Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М., 2004.
Тошович Б. Сильные и слабые стороны современных работ по дискурс-лингвистике // La Table Ronde: сб. мат.-лов. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики / под общ. ред. И. Ухвановой, А. Кожиновой и Е. Савич. — Минск, 2013. — С. 35—36.
La Table Ronde: сб. мат.-лов. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики / под общ. ред. И. Ухвановой, А. Кожиновой и Е. Савич. — Минск, 2013.
Ухванова-Шмыгова И., Маркович А. Дискурс-категории: классификационный аспект // La Table Ronde: сб. мат.-лов. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики / под общ. ред. И. Ухвановой, А. Кожиновой и Е. Савич. — Минск, 2013. — С. 122—126.
Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. — Харьков:
Языковая личность в дискурсе / отв. редактор А.А. Романов. — М., 2004.
Kovačević M., Badurina L. Raslojavanje jezične stvarnosti. — Rijeka, 2001.
Kovačević M., Badurina L. Akademijski diskurs // Riječki filološki dani. — Rijeka, 2002. — S. 189—206.
Tošović B. Funkcionalni stilovi. Funktionale Stile. — Graz, 2002.

Две возможности дискурсивной стилистики

1. Дискурс и гомеостаз

Если говорить о языке, погруженном в жизнь, в социальную практику, а не в хаос бытия, неизбежно встает вопрос о границах того или иного дискурса. Эти границы, если не устанавливать их произвольно, задаются внутренней целесообразностью дискурса. Носителями же этой целесообразности являются коллективы, сообщества, часто институты, обеспечивающие само существование дискурса. Жизнь есть то, что длится, стремясь сохранить себя, адаптируясь к изменениям. Иными словами, она обладает свойством гомеостаза, которое легко можно перенести с обычных организмов на организмы социальные. Во всех случаях речь идет об адаптивных системах, поддерживающих параметры своего существования в определенных пределах.

В отличие от функционального стиля дискурс обладает гомеостазом, источником которого является поддерживающее дискурс сообщество со своими коммуникативными и когнитивными ресурсами. Например, научное сообщество поддерживает научный дискурс и заинтересовано в продлении своего существования, реализуемого через этот дискурс. Что касается функционального научного стиля, то он описывается через сферу, «связанную с реализацией науки как формы общественного сознания» [Кожина 2006: 242]. Ни сфера, ни форма сознания не наделены адаптивными способностями и самостоятельным целеполаганием. Сфера — это место, в котором речь регламентирована функциональным стилем, а форма сознания — причина, по которой данная регламентация может быть признана целесообразной.

Чем в большей степени тому или иному дискурсу свойственен гомеостаз, тем больше оснований для выделения данного дискурса как самостоятельного. Центр явления, очевидно, будут составлять институциональные дискурсы, периферию — дискурсы

ситуативные, например, дорожный дискурс. Коллектив пассажиров, коротающих время в разговоре, вещь текучая. Однако общее стремление пассажиров к поддержанию беседы налицо, имеются и специальные инструменты для поддержания дорожного дискурса (топика, речевые формулы). Следовательно, мы все еще имеем дело с дискурсом как цельным, самодостаточным явлением.

Наше рассуждение о коллективах, а не об адресантах и адресатах принципиально. Отдельные языковые личности достаточно автономны для того, чтобы лишь отчасти поддерживать существование своего дискурса, их поведение, в принципе, может быть и контрпродуктивным для жизни дискурса в целом. Например, научное многословие и пустословие составляет балласт научного дискурса, затрудняет научное общение, в конечном счете является фактором коллективного риска. Конфликт между языковой личностью, которой приходится «выживать» внутри дискурса (личность тоже обладает гомеостазом), и языковым коллективом — обычная вещь для жизни дискурса, источник его развития или деградации. Сосредоточенность исключительно на отношении адресанта и адресата затемняет этот конфликт.

Подчеркнем две практически важные вещи, вытекающие из нарисованной нами картины.

Первое. Поведение языковой личности в дискурсе не может быть описано в рамках прагмалингвистики и теории речевых актов (включая и ее стилистическую проекцию). Языковые личности в дискурсе, как правило, являются на сцену не один раз. Их дискурсивная жизнь не длится мгновение, ограниченное речевым актом. Эти личности также не живут от иллокуции к иллокуции, но имеют длящиеся цели, связанные с жизнью в дискурсе. Ключевой здесь является категория репутации. К поддержанию репутации могут, разумеется, стремиться и целые коллективы, особенно при вхождении одного дискурса в другой. Назовем эту сторону коммуникативных целей продолженной прагматикой.

Проблемой репутации сегодня озабочена такая социальная практика, как PR. Интерес к производимым впечатлениям в социологии был инициирован работами Э. Гоффмана [Goffman 1956]. В деловой жизни и в теории управления репутация — важнейшая категория. Такие словосочетания, как «репутационный менеджмент», «репутационный капитал» сегодня на слуху у всех актив-

но включенных в социальные практики лиц. В этом же ряду лежат понятия «имидж» и «бренд». Возвращаясь к научному дискурсу как главной иллюстрации идей настоящей статьи, следует подчеркнуть, что вопросу репутации ученых и научных учреждений посвящено сегодня немало работ самого разного характера [Соколов 2009; Bourne, Barbour 2011; Mustajoki 2013]. Практика библиографических измерений и вычисления рейтингов университетов, идеальна она или нет, хорошо нам знакома. Однако при огромном интересе к языковой личности, образу автора, персонологии, индивидуальному стилю и т.п. и бурном развитии имиджологии никогда не ставилась задача исчислить свойства этих индивидуальных стилей под углом продолженной прагматики, получить номенклатуру стилей продолженной прагматики и дать языковой портрет этих стилей. Описанию этой задачи — проекту репутационной стилистики — будет посвящена следующая часть статьи.

Второе. Поведение языковых коллективов, поддерживающих дискурс, не может быть описано в рамках функциональной стилистики. Во-первых, функциональные стили связаны со сферами, а не сообществами, и носители цели (функции) предстают в них лишь как идеалы, мало связанные с живыми носителями, вследствие чего нельзя, например, говорить о дисфункциях научного стиля, но можно говорить о дисфункциях научного дискурса. Во-вторых, в основе функциональной стилистики лежит мощная, но не во всех случаях актуальная идея стратификации вариантов, которые дает система языка. Через Шарля Балли и Соссюра эта идея восходит к деятельности французских синонимистов [Ору 2000]. Она тесно связана с кодификацией нормы, описанием языкового стандарта. Именно в пражском функционализме она была осмыслена в полной мере в связи с пониманием литературной нормы [Гавранек 1967], что и дало толчок к развитию функциональной стилистики.

Сообщество-носитель дискурса исходит из соображений дискурсивного комфорта, из соображений поддержания среды, удобной для данного дискурса. При этом упорядоченность общения может быть достигнута как средствами кодификации нормы (стратегия языковой нормализации, возникшая в эпоху Людовика XIV и сталкивающаяся со значительными сложностями в эпоху Интернета), так и с опорой на прецеденты и речевые приемы (стратегия

классической риторики с ее представлением о метаплазме). Мне уже приходилось писать о несводимости категории метаплазма (непрерывной лепки и преобразования речи) к выбору дискретного варианта из закрытого списка [Хазагеров 2004].

В свете сказанного будут описаны задачи стилистики дискурса.

Итак, есть смысл и возможность рассмотреть два стилистических проекта в связи с категорией дискурса: внутреннюю, репутационную стилистику и собственно стилистику дискурса. Первая за точку отсчета берет языковую личность, вторая — коллектив. В обоих случаях понятием, объективирующим целесообразность выделения дискурса и наличие прагматики, является категория гомеостаза. Возможно, это слово звучит непривычно за пределами работ по искусственному интеллекту, где оно встречается и сегодня, но иначе понятие системы будет соотносимо лишь с искусственными системами (соссюровские шахматы), назначение которых лежит вне системы (момент не до конца проговоренный пражским функционализмом, откуда двусмысленность концепта «коммуникативная целесообразность нормы» [Хазагеров 2006]). Связав себя понятием «гомеостаз», мы начинаем иметь дело с «живыми», самоопределяющимися объектами, что страхует нас от произвола, к которому зачастую приводит исследовательская игра вокруг коммуникации (скажем, интеракция как неисчерпаемый источник «смыслов»).

2. Репутационная стилистика: цели и средства

В проекте репутационной стилистики следует, с одной стороны, отталкиваться от реальных потребностей, продиктованных жизнью, что должно дать номенклатуру целей, а следовательно, номенклатуру стилей. С другой — от возможностей языка, которые должны быть предварительно рассмотрены под этим углом, т.е. под углом «интенция продолженной прагматики — средство». Источником здесь могут послужить работы, посвященные языковому имиджу, однако, следует признать, что обобщающей теории, которая могла бы лечь в основу репутационной стилистики, нет. Имиджология сама по себе, по-видимому, не может стать такой теорией по двум причинам — теоретической и практической.

Теоретически необходимо четко отмыслить задачи продолженной прагматики от задач прагматики ближней (сиюминутных целей данного речевого акта) и дальней (поддержания дискурсивного комфорта), учитывая при этом противоречия, возникающие между продолженной и другими прагматиками. Так, вы можете уступить навязчивому продавцу, купив у него освежитель воздуха, но его речевое поведение вызовет у вас раздражение, и в дальнейшем вы не захотите иметь с ним дело (ущерб продолженной прагматике за счет ближней). Задачи продолженной прагматики в норме решаются не в специальных речевых актах, а в ходе регулярного поддержания дискурса. Такое понимание избыточно для практики PR, в которой продолженная прагматика просто совпадает с ближней, откуда такие названия жанров PR, как имиджевое интервью, имиджевая статья, т.е. интервью и статья, специально направленные на создание имиджа. Репутация же, скажем, креативного или осторожного исследователя приобретается им не в специальных PR-акциях, а на основании его длительного участия в научном дискурсе. Коротко говоря, для репутационной стилистики имидж вписывается в дискурс, а не выстраивается на какой-то специальной площадке. Репутационная стилистика не совпадает с имиджелогией и тогда, когда последняя опирается на языковые или речевые компетенции [Осетрова 2012], так как задачи ее далеки от культивирования речи. Последнее связано с дальней, а не с продолженной прагматикой.

Практическая сложность репутационной стилистики и не сводимость ее к представлениям имиджелогии состоит в необходимости выработки репутационных стилей, видов репутаций. Занимаясь такими специальными вопросами, как имидж публичной персоны [Лозинский 2009], персоны политика прежде всего, как показывают предпочтения, отраженные в библиографиях [Башкова 2011], или компании, теория имиджа и PR с этой трудностью не сталкиваются. Заметим в скобках, что своеобразной ловушкой имиджелогии является категория «успешный человек», сразу же сводящая качественное разнообразие к количественному.

Что же может послужить источником целей продолженной прагматики? Для демонстрации — но не решения — этой проблемы рассмотрим некоторые актуальные ситуации из современной жизни.

Ситуация первая. Персонаж отправляется на встречу с деловыми партнерами, формальную или неформальную, но он заинтересован в поддержании долговременных отношений с ними. Персонаж вправе обратиться к стилисту-языковеду с тем же вопросом, с которым он обращается к стилисту-парикмахеру: «Что мне сделать, чтобы произвести такое-то впечатление?» (ситуация, взятая из жизни и повторенная не один раз). Здесь, разумеется, встают этические вопросы из области «быть и казаться». Но, как известно, существует обратная связь между поведением (в том числе речевым) и ментальностью, чем пользуются, например, в психотерапии. Востребованный языковой имидж можно рекомендовать как идеал, к которому следует стремиться. Момент «притворства» вообще не следует переоценивать там, где речь идет о долговременных отношениях: притворяться так же невыгодно, как торговать негодным товаром, и если не ставить под сомнение коммерцию как таковую, риторику как таковую, то не стоит ставить под сомнение и способы самопрезентации. Итак, ситуация первая и есть установление целей и средств самопрезентации, вписанной в обычный дискурс, деловая встреча — лишь частный случай.

Востребованными в этой ситуации оказываются такие стили, как откровенный, солидный, энергичный, креативный. Все они в большей или меньшей мере поддаются языковому портретированию как с семантической стороны (определенная топка, предпочтения в области тропов, юмор или его отсутствие), так и с синтаксической стороны (композиционные и синтаксические предпочтения, предпочтения в области фигур).

Ситуация вторая. Распределение производственных заданий в соответствии со склонностями, «talантами» сотрудников. Наиболее полное воплощение она получила в так называемом «talант-менеджменте», где насчитывается семьдесят пять талантов [Rath, Conchie 2008]. Пять ведущих талантов личности кладутся в основу ее карьерного роста исходя из предположения, что для успешности личности и дела важно развивать сильные стороны, а не «исправлять» слабые. Талант, понимаемый таким образом, коррелирует со стилем речевого поведения. Свой языковой имидж надо приводить в гармоническое соответствие со своим «talантом». При этом таланты также могут быть подвергнуты портретированию. Скажем

талант «коннектора» требует одного речевого поведения, а талант «стратега» — другого.

На базе первой ситуации можно выработать рекомендации для продуцента речи, вторая полезна для распознавания и анализа репутаций, но может быть полезной и для продуцента.

Близко ко второй ситуации стоит использование фиксированных ролей при обсуждении проблемы в целях принятия решения. Примером может служить широко применяемый в тренингах метод шести шляп Эдварда де Боно (Six Thinking Hats), когда за каждым из обсуждающих проблему закрепляется определенная роль: критика, оптимиста, фактографа и т.д. Каждая такая роль связана с определенным стилем мышления и говорения. Такие тренинги, как «шесть шляп», развивают стилевой репертуар языковой личности, которая имеет возможность примерять различные шляпы в зависимости от реальной ситуации, продиктованной, скажем, производственной необходимостью. В целом эта идея не противоречит нашему представлению о продолженной прагматике, просто здесь приходится говорить о нескольких сюжетных линиях, нескольких гранях репутации. Вообще, понятие репертуара делает продолженную прагматику многомерной, но не отменяет идею длящихся линий речевого поведения.

Первая и, возможно, самая трудная задача репутационной стилистики — получить каталог стилей, не забывая о его полноте, но строго учитывая релевантность. Вторая задача — дать портрет этого стиля с учетом семантических и синтаксических предпочтений. В семантическом портрете хочется обратить особое внимание на перспективность использования топосов, что является новым для стилистики, на выбор семантических стратегий, связанных с предпочтениями в области тропов [Хазагеров 2001], в синтаксическом отношении на схемы выдвижения, предложенные стилистической декодированием [Арнольд 2002], и использование иконических свойств фигуры в передаче эмоционального состояния [Хазагеров, Ширина 1999: 132—154].

Главным достижением такой стилистики была бы внятная и практически ориентированная концептуализация индивидуальных стилей. Для говорящего она была бы практическим подспорьем в выработке собственного стиля, в определенном смысле хорошим уроком самопознания. Для слушающего практическое

значение состоит в верификации и коррекции своих представлений о собеседнике.

3. Дискурсивная стилистика: цели и средства

Проект дискурсивной стилистики можно рассматривать как альтернативу функциональной стилистике, разумеется, не отменяющую последнюю. Единицей здесь будет не функциональный стиль, а дискурс [Клушина 2011]. И в отношении цели, и в отношении средств эта альтернатива зиждется на противопоставлении непрерывного дискретному.

В отношении цели функциональная стилистика основывается на нормативном соответствии законам, принятым в данной сфере общения. Наиболее адекватна она там, где стандартизация является необходимым условием общения, а персуазия остается за кадром, принадлежа исключительно к области экстралингвистики. Например, заявление о приеме на работу пишется по определенной форме, а само решение о приеме и влияние на него адресанта заявления остается за кадром. Описание официально-делового стиля в этом смысле полезней, чем описание собственного делового стиля, где практичнее была бы стилистика делового дискурса.

В отношении цели дискурсивная стилистика основывается на более размытом, нежели норма, представлением о дискурсивном комфорте. Наиболее адекватна она там, где потенциально присутствует конфликт между целями отдельного дискурсанта и групповым интересом. А это бывает там, где персуазия играет заметную роль, а стандартизация носит подчиненный характер. Например, это относится к дискурсу деловых переговоров или научных дискуссий.

В отношении средств функциональная стилистика опирается на хорошо известную процедуру выбора варианта из закрытого списка, который дает система языка, списка, как правило, небольшого даже в отношении лексической синонимии.

В отношении средств дискурсивная стилистика должна опираться на стратегии развертывания речи. Выбор стратегии было бы сложно трактовать как вариант из числа тех, что предлагает система языка. Уже при трактовке риторики как вторичной грамматики, а риторической фигуры как выбора «ненулевого» вари-

анта возникают многие натяжки. Во-первых, не для каждой фигуры удастся подобрать нулевой, нейтральный вариант, во-вторых, «ненулевых» вариантов много, а само представление о вторичной грамматике и второй (экспрессивной) норме — явления позднего происхождения, и наша трактовка объясняется проекцией современных представлений о кодифицированной норме на времена, когда не было ни кодификации, ни нормы в современном смысле слова.

Стратегии дискурсивной стилистики можно назвать также приемами. Таким «приемом» может быть как риторическая фигура или троп, так и тоpos или жанр, а также композиционный прием. Во всех этих случаях мы имеем дело с возможностью, а не предписанием. Важно то, что они образуют не закрытый список, а пополняемый ресурс инструментов, облегчающих коммуникацию в данном дискурсе, ведущих к его упорядочению, предсказуемости, т.е. к дискурсивному комфорту, ощутимому как продуцентами речи, так и ее реципиентами. Чтобы эти инструменты работали в обе стороны (обслуживали говорящего и слушающего), должна существовать нежесткая конвенция, не носящая характер предписания и даже, строго говоря, рекомендации. Достаточно знать, что такой «прием» есть и сохранять память о прецедентах его успешной реализации. Например, в научном дискурсе активно применяется регрессия, чаще всего как композиционная реализация топоса «род и вид»: «Существуют три разновидности явления X: А, Б и В. А — ... Б, со своей стороны, ... Наконец, В...». Употребление этой конструкции (регрессии с топосом «род и вид») в разных ее разновидностях приемлемо, предсказуемо, узнаваемо и представляет тем самым когнитивно-коммуникативный инструмент, обеспечивающий в числе других функционирование дискурса. Если же прибегать к избыточному делению рода на виды, чем грешат многие работы, добирающие за счет этого объем, мы столкнемся с дисфункцией, гипертрофией «приема», подавляющей другие полезные свойства дискурса.

Там, где дискурс беден (чувствуется дефицит средств) или «дик» (плохо упорядочен), должны быть предприняты специальные усилия по инициации упорядочивающих средств. Эти усилия всегда сводятся к актуализации языковой рефлексии. Важное ее проявление — именование приема, чем и занималась классическая

риторика, за что ей выговаривали даже такие вдумчивые современные исследователи, как Ж. Женетт и многие другие. Однако именно разветвленная номенклатура поименованных средств (без всякой необходимости в их строгой классификации) и была едва ли не единственным орудием риторики, позволившим ей создать из «варварского» общения общение цивилизованное. Из этого замечания следует, что дискурсивная стилистика, не являясь прескриптивной дисциплиной, в то же время не может быть отнесена и к дескриптивным дисциплинам в собственном смысле слова. Ее можно охарактеризовать как дисциплину демонстрационную, для которой обратная связь с носителями дискурса является необходимым качеством, хотя и не содержит прямых предписаний.

По сути дела, дискурсивная стилистика — это площадка для рефлексии по поводу того или иного дискурса. В отличие от стилистики функциональной стилистика дискурсивная должна быть частью самосознания носителей дискурса, органом, помогающим устранять дисфункции, реабилитировать деградировавшие зоны, инициировать коммуникативную культуру. Без этой общественной функции она будет бесполезна. Прескриптивная дисциплина занимается кодификацией нормы. Ее результат — словари и справочники, которые, хотя и обновляются, достаточно стабильны и в реальной коммуникации играют роль арбитра, к которому прибегают не слишком часто. Дескриптивные дисциплины интересуют главным образом самих исследователей. В обоих случаях мета-язык развивается вне общества или сообщества. Суть же дискурсивной стилистики в том, чтобы предоставить метауровень в распоряжение самих дискурсантов. Такой была изначально античная риторика — языковая рефлексия тогдашнего «говорящего класса». Полностью прескриптивной дисциплиной она стала во времена декорум-риторик, которые были первым вариантом функциональной стилистики. Это прекрасно видно по теории трех стилей Ломоносова.

Итак, дискурсивные стилистики должны стать частями соответствующих дискурсов. Это очень легко себе представить в плане организации этой деятельности, ибо дискурсивная стилистика должна быть именно деятельностью. Для корпоративных культур площадкой рефлексии могут быть тренинги и игры, работающие на языковую рефлексия. Для больших институциональных дис-

курсов такой площадкой должны стать электронные и бумажные СМИ, специальные сайты с форумами и базами данных. В частности, современный лингвистический дискурс мог бы стать площадкой для пилотного проекта дискурсивной стилистики. Думается, что журнал вроде «Язык и стиль современной лингвистики» сделал бы для нашего собственного дискурса больше, чем попытки усовершенствования его бюрократическими методами.

4. Заключение

Исходя из различия трех прагматик — ближней, продолженной и дальней — можно предложить проект двух стилистик: репутационной, соответствующей продолженной прагматике, и дискурсивной, соответствующей прагматике дальней. Задачи ближней прагматики успешно решают риторика и прагмалингвистика, и усилия в области стилистики дискурса здесь представляются избыточными. Репутационная стилистика могла бы стать хорошим дополнением к практикам, близким к PR, так как добавила бы к ним недостающую лингвистическую фактуру и сориентировало бы имиджологию на «рассеянное» поддержание имиджа вне специальных акций. Дискурсивная стилистика в том виде, который предлагается здесь, могла бы стать лингвистической дисциплиной нового типа — попыткой использовать опыт функционирования античной риторики в современных реалиях, дисциплиной, занятием которой стало бы не только лингвистическим исследованием, но и филологической деятельностью.

Литература

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. — М., 2002.
- Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. — Красноярск, 2011.
- Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967. — С. 432–443.
- Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 9. — 2011. — С. 25–33.

- Кожина М.Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2006. — С. 242–248.
- Лозинский Ю.Г. Языковые средства создания имиджа известной личности: на материале СМИ Приморского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Владивосток, 2009.
- Ору С. Две гипотезы о происхождении сосюрговской концепции языковой значимости // С. Ору. История. Эпистемология. Язык. — М., 2000. — С. 274–280.
- Осетрова Е.В. Языковой имидж: структура и содержание // Онтогенез речи: мультидисциплинарные исследования. — № 1. — 2012.
- Соколов М.М. Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: экономико-социологический анализ // Экономическая социология. — Т. 10. — № 4. — 2009. — С. 14–30.
- Хазагеров Г.Г. Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика // Социологический журнал. — 2001. — № 3. — С. 5–28.
- Хазагеров Г.Г. Метаплазм и вариант // Седьмые международные Волгоградские чтения «Русский язык в многоаспектном описании». — М., 2004. — С. 17–35.
- Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. — 2006. — № 1/2. — С. 40–62.
- Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. — Ростов н/Д., 1999.
- Bourne P.E., Barbour V. Ten Simple Rules for Building and Maintaining a Scientific Reputation // PLoS Computational Biology. — № 7(6). — 2011.
- Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. — Edinburg, 1956.
- Mustajoki A. Measuring Excellence in Social Sciences and Humanities: Limitation and Opportunities // Global University Rankings Challenges for European Education. September 2013. — P. 147–155.
- Rath T., Conchie B. Strengths Based Leadership. — NY, 2008.

Стиль и дискурс¹¹

Стиль и дискурс — два понятия, одно традиционное, а второе в последнее время очень модное, которые борются за превосходство в современном языковедении. Их выбор отдельными исследователями является показателем представляемого ими научного мировоззрения, поскольку он тесно связан с подбором конкретной методологии.

Я хочу присмотреться к этим двум понятиям и способам их функционирования в современном польском языке для того, чтобы путем изучения связанных с ними словосочетаний найти области, которые можно будет отнести к ним в исключительном порядке или которые являются общими сферами и которые позволяют функционировать этим двум терминам параллельно.

Поскольку меня интересует самый широкий контекст существования этих терминов и их употребления представителями различных областей, я выбрала для анализа тексты заглавий имеющихся в продаже онлайн-книг — находящихся в общем обращении (здесь я проанализировала пользующийся многолетней традицией книжный магазин merlin.pl) и в научном обращении (я исследовала контексты выступления обоих терминов в специализированном книжном магазине kapitalka.pl).

Для того чтобы получить ответ на вопрос о роли *стиля* и *дискурса* в современных научных текстах, я проанализировала том «Стилистики» XXI (2012), посвященный *Национальным стилям*, рассматривая его как представительный сборник текстов не только из-за его актуальности и объема в четыреста пятьдесят страниц, но прежде всего потому, что в нем собраны статьи самых выдающихся языковедов, занимающихся вопросами славянского стиля, так как том был подготовлен для Международного славян-

ского конгресса, который состоялся в августе 2013 г. в Минске. Весь том был для меня своего рода корпусом текстов; однако для подробного анализа я выбрала польско- и русскоязычные статьи, которые, впрочем, составляют значительную часть тома (шесть статей, одно эссе, две дискуссии, две рецензии и примечания о книгах на польском языке, а также одиннадцать русскоязычных статей — в общей сложности восемнадцать из двадцати четырех статей в целом томе). Меня интересовало многостороннее сравнение — с одной стороны, словосочетаний *стиля* и *дискурса*, присутствующих в общедоступных заглавиях, с узкоспециализированными словосочетаниями, а с другой стороны, межэтническое сравнение специализированных текстов на польском и русском языках.

Стиль

Слово *стиль* является адаптацией латинского *стилу*, означающего «резец письма на деревянных табличках», а затем приобретшего значение «способа формирования письменного или устного текста». Его можно толковать еще шире, в том числе как «любые артефакты и поведение человека». Из более подробных определений стоит упомянуть те, которые обязательны в польском языковедении, особенно в стилистике, которая имеет в нем сильные, многолетние традиции [Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 11]. Здесь общей чертой различных определений является «широкий подход к обсуждаемой категории — стилистические характеристики полагаются всем артефактам и поведением человека, которые имеют значащий смысл, т.е. которые несут определенное содержание» [Witosz 2009: 38]. К основному руслу современных исследований относятся три типа определений. Семиотический подчеркивает умышленный и субъективный характер стиля, формирующегося на стыке культурной, прагматично-семантической и языковой систем (Станислав Дубиш), тексто-компетенционный (Станислав Гайда) и антропологически-культурный, в котором выбор экспонентов стиля определяется выбором ценностей и норм, регулирующих высказывание об этих ценностях (определение Ежи Бартминьского). Божена Витош также обра-

¹¹ Статья является продолжением, развитием и дополнением (с учетом нового материала) исследований представленных в более ранних публикациях. О стиле я писала в [Бжозовска 2012], а о дискурсе в [Бжозовска 2010, 2013].

щает внимание на роль мышления о стиле, как о *genus dicendi*, в котором выбор выполняет роль его основной категории [Витош 2009: 38–43]. В соответствии с уже классическим определением, предложенным Станиславом Гайда, стиль следует «рассматривать как гуманитарную структуру текста, релятивизированную к индивидуальной или социальной компетенции автора текста» [Гайда 1982: 69]. В своих последних концепциях он использует формулировку — «стиль как дух текста». Я думаю, что это очень удачное определение, учитывая многозначность и богатство содержания термина *дух* — ссылающегося на нематериальные, неуловимые и даже метафизические вещи, с одной стороны, а с другой стороны, отсылающего к *spiritus*, понимаемому как динамизирующий элемент, приводящий в движение, создающий новую действительность, которая является движущей силой (*spiritus movens*) наряду со смежным *дыхание*, которое является основой физического существования. Меня интересует здесь, однако, понятие *стиля* в самой широкой категории.

Стиль и его коллокации (на основе заглавий книг)

Слово *стиль* встречается в заглавиях намного чаще (более 2000 примеров), чем слово *дискурс* (500 названий) и образует большое количество разнообразных коллокаций, хотя наиболее часто используются коллокации, связанные с разными вариантами формы «что-то стиля».

стиль

- Какой-то стиль (*новый, твой, музыкальный, хороший, древний*).
- Что-то стиля (*маленькая черная книга стиля, стратегия стиля, правила хорошего стиля, магия стиля, икона стиля, классика дизайна и стиля, курс интерпретации стиля*).
 - что-то стиля для кого-то (*урок стиля для мужчин/пар, справочник стиля для него/нее*);
 - что-то стиля в чем-то (*азбука стиля в типографии*);
 - что-то в стиле (*сад в стиле, модные аксессуары в стиле ретро, вечеринка в домашнем стиле, самые красивые декорации в рустикальном стиле*);

- что-то для стиля (*30 мин. для идеального стиля и такта*);
- что-то о стиле (*эссе о стиле Шопена, информации о стиле*);
- что-то к стилю (*современный, практический подход к стилю жизни в древности*);
- Что-то по стилю (*путеводитель по стилю*).
- Стиль кого-то (*стиль Ниче*) / Стиль чего-то (*стиль жизни, стиль характера*).
- Стиль в чем-то (*стиль в моде*).
- Стиль(и) и (*стили и детали, стиль и дизайн, стиль и такт, стили жизни и классовый порядок*).

Намного реже употребляется слово *стилистика* (71), которое встречается главным образом в таких коллокациях, как: *стилистика и риторика, стилистика и грамматика, стилистика и культура речи, лекции по стилистике, упражнения по стилистике, стилистические упражнения*.

Дискурс и его коллокации (на основе заглавий книг)

Понятие *дискурс* в польском языке включает следующие значения, происходящие из латыни (в латинском языке *дискурс* означает «разговор», «дискуссия», «аргументация»): «дискуссия на академические темы», «исследование, основанное на строгой логической аргументации», «процесс доказательства, состоящий в достижении когнитивной цели с помощью опосредованных умственных процессов, отличных от восприятия или интуиции» [www.encyklopedia.pwn.pl; www.sjp.pwn.pl].

В последние годы популярность понятия *дискурс* привела к нечеткости и расширению термина. В самом широком значении *дискурс* — это любой процесс использования языка или любое использование языка, продолжительностью больше, чем одно предложение. На практике каждый ученый дает определение *дискурсу* в соответствии со своими исследовательскими целями и определяет, к какой из многочисленных школ относится определение, на которое он/она ссылается.

В настоящее время количество опубликованных научных работ в различных областях, в которых употребляется слово *дискурс*, исчисляется сотнями. Можно уверенно говорить о том, что на сегодняшний день это одно из самых популярных понятий в гуманитарных дисциплинах. На основании встречаемости этого слова в названиях печатных работ на польском книжном рынке — всего 500 названий — появилась возможность реконструировать группы словосочетаний, в которых этот термин появляется чаще всего. Таким образом, получились следующие группы:

- некий дискурс (нарративный, академический, танцевальный, философский, любовный, образовательный, постмодернистский, гражданский, общественный, религиозный, социальный и политический, старопольский, медийный, феминистский, гендерный);
- дискурс в чем-то (в социологии, литературе или дидактике);
- дискурс о чем-то (о культуре, о рационализме, о встрече);
- дискурс с чем-то (философия);
- дискурс чего-то (газетные новости);
- дискурс над (ролью);
- нечто в дискурсе (неком) (анализ текста, культура, точка зрения);
- нечто дискурса (анатомия, грамматика, порядок, теория, перспективы, разнообразие);
- дискурс и нечто (археология, критика).

Самые популярные термины — анализ дискурса (современный, когнитивный, критический) и направления, следующие из него. Популярным также стало употребление слова *дискурс* во множественном числе:

- некие или чьи-то дискурсы (литературный, образовательный, несуществующий, критический, польский, публичный, возможный, любовный, на встрече, романтический);
- теории дискурсов.

Все эти факторы делают дискурс противоречивым и сложным понятием, которое часто употребляют и которым иногда даже злоупотребляют как «модным» словом [Brzozowska 2010: 13–14].

Стиль и дискурс в польских и русских специализированных текстах

Для работы над данной статьей был проанализирован корпус специализированных текстов из сборника «Стилистика XXI», посвященного *национальному стилю*. Объектом исследования стали 18 статей, составленные в общей сложности из 89 493 слов. Количество слов в обеих рассматриваемых здесь группах текстов было приблизительно одинаковым: польскоязычная часть составила 45 144, а русскоязычная — 44 349 слов. Таким образом, материал исследования оказался достаточно хорошо сбалансированным. Это позволяет сделать на его основе некие общие выводы, отражающие новейшие тенденции в исследованиях широкого круга лингвистов, включающего не только славистов. Тематика проанализированных текстов, а также аффилиация авторов указывают на мультикультурную специфику сборника, в создании которого кроме поляков и россиян участвовали украинцы, белорусы и литовцы. Стоит отметить, что представленные в сборнике результаты исследований касались также сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков. Важный голос в дискуссии принадлежал англистам, германистам и романистам.

Анализ рассматриваемых здесь обеих единиц (*стиль* и *дискурс*) отчетливо показал многообразие присвоенных им коллокаций (подробнее см. табл. 1 и табл. 2). Их можно распределить по группам, используя классификацию для общедоступных заглавий, однако расстановка смысла в специализированных текстах другая, чем в обычном языке. В проанализированных русскоязычных статьях, опубликованных в «Стилистике» отчетливо видно преимущество слова *стиль* — встречается 417 раз, над *дискурсом* — 95 примеров. Оно проявляется не только в частотности употребления (*стиль* употребляется в четыре раза чаще, чем *дискурс*), но и во фразеологическом многообразии использованных определений. В польскоязычных текстах пропорция прямо противоположная: стиль применяется в 228 случаях, а дискурс в 680.

Здесь возможным будет предположение, что по-другому расставленные акценты в текстах представителей разных культур, наглядно указывают на разные методологические ориентиры. Так, российским ученым свойствен более традиционный подход, в то

время как поляки находятся под влиянием англо- и французско-язычной лингвистики, уделяющей особое внимание *исследованию дискурса и дискурс-анализу*.

На это указывает и частотность употребления данных фраз с дополнительными эпитетами, напр. *лингвистический дискурс-анализ* (количество повторений для наиболее характерных фраз указано в таблице в скобках). В статьях появляется также фамилия Фуко вместе с такими терминами, как *дискурсивная практика* или *дискурс власти*, что отчетливо указывает на методологические и теоретические источники исследований польских ученых. Внимание обращает также большое разнообразие и креативность авторов в образовании словосочетаний с определениями *дискурсивный/дискурсивная/дискурсивные*. Очередной ярко выраженной тенденцией в анализированных статьях является связь *дискурса с текстом*, и его *анализа с теорией текста*. Количественные и качественные данные, вытекающие из сопоставления фразеологизмов только в этом одном — хотя, на мой взгляд, показательном сборнике, отчетливо указывают на большой потенциал термина дискурс и его значение для польского научного языка.

Похоже ситуация обстоит с термином *стиль* в русскоязычных текстах, где наблюдается большое количество его коллокаций. Главное место здесь отводится определениям, которые относятся — согласно тематике сборника, к *национальному стилю*. Большое количество определений связано с *функциональным стилем* и *функциональной стилистикой*; многочисленны также примеры словосочетаний со словами *стилистический/ стилистическая/ стилистические*. Если сравнить сочетание терминов в таблицах, можно прийти к выводу, что во многих случаях то, что в русскоязычном тексте именуется как *стиль*, в польском тексте приобретает значение *дискурса*: например, с одной стороны, мы имеем *административный, научный, юридический и публицистический стили*, а с другой — соответственно *административный, научный, юридический публицистический* и т.п. *дискурсы*.

Интересно было бы задуматься, в каких из представленных фразеологизмов возможна вариация слов *стиль* и *дискурс* и как их замена влияет на смысл словосочетания? Что происходит, когда *индивидуальный стиль* (напр., писателя), *идиостиль* становится *индивидуальным дискурсом* и тождественны ли *нацио-*

нальные стили тому, что мы называем *национальным дискурсом*? Эти вопросы можно задавать в рамках работы с текстами как на одном языке, так и в сопоставлении их с другими языками. Анализируемый сборник, возможно, и был задуман, чтобы обратить внимание исследователей на круг отмеченных выше проблем и заставить задуматься, что говорит нам сам способ описания национальных стилей группами ученых, которые принадлежат к разным культурам?

Представленный здесь материал призван был обозначить некие явления и стать своеобразным барометром современных тенденций — формулировать вопросы, определять степень их изучения и стать отправной точкой для дальнейших размышлений. Учитывая тематику сборника и название журнала, можно было предположить, что *стиль* станет абсолютным лидером. Его преимущество над *дискурсом* заметно, однако только в русскоязычных текстах. Победителем в польскоязычных текстах является *дискурс*, и между ним и *стилем* идет яростная борьба за первенство. Если сопоставить итоговые цифры подсчета употребления терминов в сборнике, становится понятно, что оба термина идут почти голова в голову с небольшим перевесом в пользу *дискурса*, который, если воспользоваться спортивной терминологией (спортивный дискурс также стал предметом исследования в сборнике), незначительно обходит *стиль* и выигрывает со счетом 775:645.

Таблица 1

Стиль в польских и русских специализированных публикациях

Ключевые слова	Фразеологические сочетания в анализированных польских текстах. Результаты для единицы «стил-»
1	2
Стиль (какой?)	styl narodowy (15), styl indywidualny (2) (osobniczy), styl typowy (6), styl wysoki (2), styl średni (2), styl niski (2), styl funkcjonalny, styl potoczny (2), styl artystyczny, styl naukowy, styl religijny, styl literacki, styl biblijny, w <u>obębie stylów perswazyjnych</u> (2), <u>dziennikarsko-publicystycznego, określonych stylów</u> , poszczególne, różne style narodowe

Таблица 1 (продолжение)

1	2
Стиль (чего?), где?	styl (konkretnego) tekstu (2), styl epoki, styl pieśni ludowej, styl bylin, stylu przekładu, stylu tekstów, stylem współczesnych wypowiedzi administracyjnych, styl <i>dziennikarstwa prasowego w perspektywie dyskursywnej</i> , styl w stylistyce
(Что?) стиль/стиля	termin (5), понятие (2) styl jako kategoria (27) poznawcza stylistyczna , kategoria styl narodowy, koncepcji (26 z tego 19 stylu, 3 dyskursu, 1 stylistyki, 3 inne) stylu (2) <u>charakterystykę stylu</u> , rozumienie stylu , definicję stylu , pojęcie styl , termin styl najczęściej funkcjonuje w znaczeniu 'sposób działania, postępowania', <i>interpretacji stylu</i> , <u>wykładniki stylu</u> , monistyczne ujęcie stylu , stylistyka stylów , typy stylów , w stylistycznej typologii stylów , operacjonalizacja (3) (tak pojętego) złożonego pojęcia styl , rewolucja w ujmowaniu stylu
Концепция (теория) стиля	elokucyjna (2), strukturalistyczna, nieklasyczna, klasyczna, holistyczna (3) (monistyczna) anty-retoryczna, konkretna, przyjmowana, różna, nowa koncepcja (teoria) stylu
Что делает стиль ? Что с ним происходит?	Styl łączy z ludzkim działaniem i jego wytworami, styl traktuje się jako <i>Ganzheit</i> , Styl przenika tekst, stanowiąc jego "duchę" — najwyższą zasadę organizacyjną oraz integrując jego różne wymiary, styl rozwija się w tekście, tę jedność zapewnia styl , w retoryce styl wiążano z <i>elocutio</i> , traktowania stylu jako nieanalitycznej całości, <u>zderzanie stylów</u> wysłowienia, gdy mówi się o stylu , jak badać styl , tego zanurzenia nie da się oddzielić od stylu , styl manifestuje się w tekście
Стиль это/как	styl to przede wszystkim indywidualność i niepowtarzalność, styl (stylowość) to szczególna kompleksowa własność tekstu, " styl to człowiek", styl jako ornament, dewiacja, wybór, języki narodowe jako style , styl został zdefiniowany jako "humanistyczna struktura tekstu".
Стиль-	<u>nagromadzenie stylemów</u> , <u>stylizacji</u> (2) dialektalnej, <u>stylizatorzy</u>
Стиль (ный) и	<u>środków leksykalno-gramatycznych i stylowych</u> , style i tematy nowej literatury naród i styl (2) <i>Styl. Dyskurs, o języku i stylu</i> , <u>stylów i gatunków</u> , naród — język — styl

Таблица 1 (продолжение)

1	2
Стильный/стильное/стильно-	treść pojęcia środek stylowy (4), <u>prasowego tygla stylowego</u> , <u>zasobu środków stylowych</u> , <i>komponent stylowy</i> , stylowo-artystycznym zróżnicowaniu, odmian stylowo-tekstowych
Стилистические/-стили-стически-	centrum myślenia stylistycznego , dzieje myślenia stylistycznego , tradycji stylistycznej (2), <i>perspektywę stylistyczn</i> №, podstawy badań stylistycznych , <i>gramatyki stylistycznej</i> (7) <u>charakterystyka</u> (badanie) <u>akomodacji</u> (4) stylistycznej (systemu) (struktur gramatycznych), funkcje stylistyczne , <u>epitety stylistyczne</u> , <u>figury stylistyczne</u> (2), <u>środki stylistyczne</u> (3), <u>efekty stylistyczne</u> , <u>formułę stylistyczną</u> , <u>cech stylistycznych</u> , <u>kompetencji stylistycznej</u> , <u>wymiarze stylistycznym</u> , <u>formację stylistyczną</u> , <u>stylistycznego nacechowania</u> , <u>analizy stylistycznej</u> , <u>komponent stylistyczny</u> (2), w <i>sprawie stylistycznej wartości neologizmów</i> (2), <u>formy niezmiennie pod względem stylistycznym</u> <i>problematyka gramatyczno-stylistyczna</i> , <u>analiza pragmatyczno-stylistyczna</u> .
Стилистика	stylistyka (30) funkcjonalna (3), w XIX- i XX-wiecznej stylistyce , stylistyki integrującej, stylistyka Ch. Bally'ego (2), stylistyka środków, stylistyce językoznawczej, stylistyce strukturalistycznej, <i>stylistyka praktyczna</i> , <i>historyczna</i> , <i>stylistyka teoretyczna</i> (2), stylistyka tekstu (4) <i>języka niemieckiego</i> , typologicznej stylistyki gramatycznej, neoidealistyczna szkoła stylistyki literaturoznawczej, termin <i>stylistyka</i> , <i>styl</i> tekstu <u>zamiast stylistyka</u> , <u>wzorcach</u> <u>wytworzonych przez stylistykę</u> , stylistyka wniosła typowe kategorie językoznawcze, lingwistyka będzie raczej <u>zmierzała w kierunku stylistyki</u> , <u>wylansowana przez stylistykę</u> , <u>rozwoju stylistyki</u> , stylistyka nie jest typowym przedmiotem zainteresowań w tradycji lingwistyki tekstu, stylistyka bierze sobie tekst za cel badań, <u>podręcznik stylistyki</u> .

Таблица 1 (продолжение)

1	2
Стиль/стиля [кого? чего? какой?]	речевые стили , один стиль (массовой) культуры (3), стиль искусств, эталонный (4) стиль (нации) (2), выступает газетно-публицистический стиль , типизированный стиль (2), усредненный стиль национальной коммуникации, наднациональный (антинациональный) стиль глобалистского общества, стиля речевого поведения, познании стиля мышления, стиля поведения, языка и (10) стиля , стиля изложения — разнообразия, возникают стили , высокий (2), средний (3) и низкий стиль , письменные (2) и устные (3) стили , положительно воспринимаемые стили (хороший, разнообразный, красивый, образцовый, точный, богатый, ясный стиль); отрицательно воспринимаемые стили (плохой, нехороший, неясный, бедный, однообразный стиль), нейтрально воспринимаемые стили (обычный, немаркированный стиль), (объективный и субъективный стиль), потенциальные и реализованные стили (языковые и речевые стили), конструктивный, реконструктивный, деструктивный, проскриптивный, дескриптивный стиль , соответствующие стили (стиль столетия, десятилетия, классический, романтический, реалистический, сюрреалистический стиль), (архаический, новый стиль), (фамильярный, интимный, официальный, холодный, вежливый, иронический стиль), (экономичный, лаконичный, телеграфный, избыточный стиль), в стиле бошняков, сербов и черногорцев, официально-деловой стиль (4), разговорный стиль (2), Литературно-художественный (3) стиль , <u>стили деловой, научный (6), публицистический (7), обиходно-разговорный и художественный (2), в стиле gothic, стиль подачи информации, стиль жизни (2), этой стиль, каждый стиль (2), данный стиль (3), особый стиль, деструктивный, конструктивный, проскриптивный и реконструктивный стили, Функциональный стиль (21) (литературно-художественный, научный, публицистический, официально-деловой, разговорный)</u>

Таблица 1 (продолжение)

1	2
национальный стиль коммуникации	Русский (9) хорватский национальный стиль (84), (эталонный) стиль , основные характеристики национального стиля языка, национальные стили коммуникации (3), Национальный стиль коммуникативного поведения, определенному стилю коммуникации, развития национального стиля , отклонение от национального стиля , стиль развитой в культурном отношении нации
Стиль [Что стиля? Что делает стиль? Что с ним происходит?]	возврат к стилям изложения доюгославского периода (2), Национальная избыточность стиля , <u>на основе одного какого-либо стиля, ни с любым другим стилем</u> , Квантитативная дифференциация генерирует стили , <u>исследования стиля писателя, системное изучение его стиля, специфике любого (2) стиля (функционального, литературного, нуждается в стиле</u> , понимание (2) стиля (417), рассматривать (3) стиль , стиль является, разновидность стиля , основой этого стиля является, научные определения (2) стиля , норма (4) стиля , смешение стилей , различаются стили , развития стилей , стиль — это модель коммуникации, стиль есть вечно новое переживание бодрствующего человека
Стилевые/Стилевая	<u>стилевой и функционально-стилевой, функционально-стилевого расслоения, функционально-стилевое единство, разнородные стилевые (22) потоки (4), Стилевая норма (6) поэзии (поэтической) (3) национальной художественной практики, языковой (стилевой) статус, стилевой принадлежности, пирамиды, стилевую конструкцию, реконструкцию, деструкцию, проскрипцию, дескрипцию, стилевая дифференциация, отклонение от стилевого эталона, доминирующим стилевым признаком, стилевой полифункциональностью</u>
Стилистика Функциональная	функциональной (50) стилистике (17), В функциональной (1), стилистике (3), стилистика языка (1), традиционная стилистика ресурсов (1), стилистика речи (1), стилистика текста (1), стилистики художественной литературы (1), В русской стилистике (1), Стилистика русского языка (1)

Таблица 1 (продолжение)

1	2
функционально-стилистической	функционально-стилистической (86) системы языка, дифференциации (6) языка (2), ресурсов (2), расслоением, разнообразием, членение, <u>разновидностях (2) речи, окраской (2).</u> Среди функционально-стилистических комплексов
Стилистическая	<u>стилистическим и языковым расслоением, стилистических явлений в языковом и речевом аспектах, стилистическому редукционизму и протекционизму, на стилистическом уровне (3), стилистическом отношении, стилистическая депаспортизация стилистического выбора, стилистические фигуры и тропы, Стилистическая маркировка тропов, стилистически неоправданные, неправильные тропы, стилистически действительно передают характеристику того или иного персонажа, стилистической окраски лексики, стилистически не маркированные/стилистически маркированные элементы экспрессии, стилистические эквиваленты, стилистическое построение, стилистическое качество, стилистический вес, стилистически ограничительными ремарками, стилистическая поляризация, стилистическая неопаспортизация, стилистическом уровне, стилистически окрашенные единицы (2), стилистическими соображениями, стилистическая избыточность, стилистический паспорт, стилистические окрашенные единицы, стилистической ориентации, стилистических точек, стилистической трансформации, стилистическую актуализацию, стилистическую структуру литературного языка, активное стилистическое освоение иностранных слов и выражений, разновекторная стилистическая трансформация и интерпретация, стилистических компонентов, глобальные стилистические нормы (2), не отличаются стилистически от русских эквивалентов, репрезентация стилистической окраски сравнения выявляется в контексте, проявляет действенный стилистический эффект, (нетрадиционный микрословарь (микрокорпус) стилистически сниженной лексики (3), лингвостилистический срез,</u>

Таблица 1 (окончание)

1	2
	<u>фонетическая игра стилистически сниженных глаголов и имен, стилистическую маркировку, межъязыковая стилистическая асимметрия и дисгармония, межнациональных стилистических отношений, семантически и стилистически тождественными, (Глобальная) стилистическая дифференциация (3) (вопросы) стилистической дифференциации (2), особые формы выражения стилистического характера, общего стилистического расслоения</u>
-стилистическая	<u>национально-стилистическую гомогенизацию, своеобразная лингвостилистическая система текстов, Эстетико-стилистическая ценность, тексты не отягощены фоностилистической (4) инерцией, на разных лингвистических уровнях — фоностилистическом, интрастилистической структуре, экстрастилистической экспансии, семантико-стилистической организации</u>
-стил-	<u>стилолекты (3), межстили (эпистолярный, ораторский, рекламный, мемуарный), поп-стиль (5), Многостильность, черты стилеобразующие (3), динамику стилевых и идиостилевых норм, идиостилевой срез, культурно-стилевое воплощение философии национальной идеи, идиостиля, Коммуникативный этностиль (4), коммуникативной этностилистике (4), В лингвостилистике (1)</u>

Таблица 2

Дискурс в польских и русских специализированных текстах

Ключевые слова	Фразеологические сочетания в анализируемых польских текстах. Результаты для «дискурса»
1	2
Дискурс какой? чего? чей?	słowo (2) dyskurs, termin (4) dyskurs, publiczno-politycznym dyskursie migracyjnym (4), azylantów, dyskurs narodowy, dyskursie komunistycznym (2), dyskursach politycznych (10), dyskurs ekologiczny, analizowany dyskurs, dyskursie prywatnym, indywidualny, dyskursie publicznym, dyskursu praktycznego (2), dyskursu żądającego autonomii, dyskursy medialne (5), narodowy

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	dyskurs martyrologiczny, dyskurs prasowy (4) (szerzej medialny) jawi się jako utkany z innych dyskursów, dyskurs mediów i literatury, dyskursami tożsamości, dyskursie Kościoła katolickiego, Dyskursy kultury, dyskursy ustawodawstwa, orzecznictwa i nauk prawnych, polskiego dyskursu prawnoustrojowego (2), polskim dyskursie katolickim, dyskurs teoretyczny, dyskurs ekonomii, różne (2) anonimowe dyskursy, jeden dyskurs, całościowego dyskursu (3), pojedynczego dyskursu, aktualnych dyskursów, dobrowolnie prowadzonego dyskursu, dyskursy uczenia się, odróżnia on dyskursy przedsądowe od dyskursów właściwych, podejścia do dyskursów historycznych, dyskurs prawniczy (3), odnoszące się do dyskursów dotyczących moralności, dyskurs naukowy (2), edukacyjny, sportowy, administracyjny, medyczny, prawny (5), religijny, w dyskursie na temat problemów bioetycznych, dyskursu literackiego, w szerszym dyskursie, wielopłaszczyznowego dyskursu, tzw. dyskurs na temat zakorkowania się reform, racjonalny dyskurs, “dyskurs” pewnej, często społecznie wpływowej grupy jest charakterystyczny dla dyskursu ogółu społeczeństwa, z praktyki dyskursu argumentacyjnego
Дискурс это/что это такое?/как	Dyskurs jest zespołem wypowiedzi, Dyskurs jest instytucją w sensie pragmatycznym, Dyskurs jest językowo-społecznym działaniem ukierunkowanym na realizację rozmaitych celów, dyskurs jest kształtowany przez tworzący go świat, dyskurs jest różnie definiowany, Dyskurs jest zjawiskiem złożonym, Dyskurs jest językowo-społecznym działaniem, Dyskurs bowiem jest działaniem w danym obszarze życia, dyskursy są zupełnie dowolnymi konstrukcjami, dyskursy są jednocześnie wyrazem i warunkiem konstytutywnym spraw społecznych, dyskurs nie jest środkiem komunikacji, dyskurs, czyli normę działania językowego w określonej wspólnocie językowej i kulturowej, dyskurs, rozumiany jako język w działaniu, dyskursy postrzegane są jako nośniki “wiedzy”, dyskurs jako struktura i proces, Dyskursami były więc “rozmowy sfery wysokiej”, dyskurs jest specyficznym sposobem traktowania języka, traktując dyskurs jako rytuał społeczno-językowy, czy dyskursy są obiektami językowymi,

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	dyskursy to realizacje norm kulturowych i gatunkowych (dyskursu), dyskurs to całokształt praktyk komunikacyjnych związanych z określoną dziedziną ludzkiej aktywności, dyskurs to te uwarunkowania społeczno-kulturowe (a także inne), które umożliwiają porozumiewanie się, dyskursy jako “uregulowane instytucjonalnie i organizacyjnie praktyki użycia znaków”, Dyskursy jako konstrukty sieciowe, Dyskursy jako obiekty lingwistyczne lub/i socjologiczne, dyskurs można rozumieć jako trwałą kontrowersję, Dyskursy traktuje się tu jako specjalną formę praktyki społecznej, dyskursy, a więc “kontekstualizacje”, W tym sensie dyskursy jako całość można rozumieć również jako “archiwum” całej epoki, Dyskursy jako wyraz i konstytutywny warunek tego, co społeczne, określenie dyskursu jako rytuału językowo-społecznego
Что-то дискурса	opis dyskursu (2), pojęcie (17) dyskursu, definicja dyskursu (2), teorii (18) dyskursu Foucaulta (10), francuska (4) lingwistyczna, transcendentalności, instytucjonalność (2), znaczenie (3) konkretnego dyskursu powstaje dopiero w dyskursie, zjawiska (2) władzy dyskursu, wątki dyskursu, tematów dyskursów, tymczasowość, heterogeniczność i otwartość (ogólnej) teorii dyskursu, koncepcja (4) dyskursu, zjawisko dyskursu, francuskiej szkole dyskursu, typ dyskursu, granicach dyskursu i relacjach do innych dyskursów, istotę dyskursów, opisie dyskursów, fragmentów dyskursu, nieskończonego nurtu dyskursu, wątków dyskursu (z jednolitych tematycznie przebiegów dyskursu), model (20) dyskursu Foucaulta, Habermasa (3), lingwistyczna historia dyskursu (5) i historyczna semantyka (7) dyskursu, lingwistyka dyskursu (11) jest heterogeniczną fuzją wielu koncepcji, lingwistyczna historia (2) dyskursu, semiotyka dyskursu historycznego, historycznego opisu dyskursu, empirycznej rzeczywistości dyskursów, epistemicznej semantyki dyskursu, ramy dyskursu, cech tego dyskursu, charakterystyki dyskursu, przestrzeń dyskursu, “nieporządek” dyskursu, anatomii dyskursu (2), ideologizacja dyskursu prawnoustrojowego, etykiety dyskursu, fragmentów dyskursu, ewolucji polskiego dyskursu polityczno-prawnego, formę egzystencji dyskursów, podmiot dyskursu,

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	podmiotami funkcjonującymi w dykursie , Podstawowe jednostki dykursów ("wypowiedzi»), podstawowe kryterium określenia dykursu , problematyce dykursu , produkcji/konstrukcji/rekonstrukcji i charakterystyki dykursów , przeobrażenia (2) dykursów , rozumienie dykursu (3) po Foucault, socjologiczne ujęcie dykursu , Sposób rozumienia dykursu (2), strategii prowadzenia dykursu , strony językowej dykursów , sygnały powierzchniowe dykursu , płaszczyznę dykursu , typów dykursów , uczestnicy dykursu , tematyki dykursu w naukach prawnych, tekstów danego dykursu , uwikłanie pragmatyczne dykursu , opisie dykursów , władza dykursów (2), nieświadomione mechanizmy wiążą wypowiedzi w ich kontekście ogólnospołecznym w dykursy nowego (filozoficznego) rozumienia (2) dykursu , etyka dykursu , obszar dykursu , pola dykursu , (relatywna) autonomia dykursów , interkulturowość dykursu , realnymi jednostkami dykursu , rzeczywistością dykursów dotyczących świata kultury, zbiorów reguł innych dykursów ze względu na ogólne zależności semantyczne, zwolenników różnych ujęć dykursu , seryjną organizację dykursów , nadało dykursowi nową jakość, nasze pojmowanie dykursu , punktem wyjścia do dykursu , rodziną podejść do dykursu , wątków dykursu , znaku językowego dykursu , tradycyjne pojmowanie dykursu , przecenianie roli dykursów , rozwoju danego dykursu , relatywnej autonomii dykursu , Uczynienie dykursu podstawową kategorią interpretacyjną, społeczno-komunikacyjnych jednostek bazowych dykursów , z punktu widzenia dykursu , określa mianem dykursu , dostęp do dykursów (3), jednolitość dykursów jako całości
Что делает дискурс	dykurs decyduje, konstytuowaniu dykursów (14), dykursy konstytuują świat i odwrotnie, są przez niego konstytuowane, formują się dykursy , dykursy rekonstruuje się, jednostki określane są przez dykursy i jak dochodzi do wyobcowania tych jednostek w odniesieniu do dykursów , każe widzieć w dykursie wypowiedź rozpatrywaną z punktu widzenia mechanizmów ją warunkujących, dykursy miałyby być pojmowane, dykurs miał charakter jugosłowiański, Dykursy nie wykazują też cech zamkniętych struktur

Таблица 2 (продолжение)

1	2
Дискурс о	dykurs o dykursie (2), zbiór dykursów X i dykursów o X (na przykład dykurs religii i dykurs o religii, dykurs polityki i dykurs o polityce, i dykurs o ekonomii)
Дискурс против	dykurs przeciwko różnym formom współczesnego ateizmu
Дискурс в чем	Dykurs w filologii (2), dykurs w procesie komunikacji językowej, Dykursy w innych naukach, dykursy w komunikacji codziennej, Rozumienie dykursu w filozofii
Дискурс и	Dykurs i stylistyka, izomorfizm istniejący między dykursem i jego przedmiotem, relacje pomiędzy dykursem i gramatyką
Что-то о дискурсе	myśleniu o dykursie , dyskusji o istocie dykursów , debaty (2) o dykursie w nowszym literaturoznawstwie
Что-то в дискурсе	działanie w dykursie , nieskończoność znaczeń w dykursie , pozycję w dykursie , uwarunkowania działań językowych w dykursie , typowe toposy w dykursie
Анализ дискурса	Wszystkie analizy (112) dykursu , perfekcyjną analizę dykursu , analizach lingwistycznych dykursu , model wielopoziomowej lingwistycznej analizy dykursu , analizy lingwistycznej historii dykursu , analiza dykursu według Foucaulta (5), w rozumieniu Foucaulta, analiza dykursu jako dyscyplina językoznawcza, analizy dykursu migracyjnego, analiza dykursów zapośredniczonych przez nowe technologie informacyjne, polonistyczna, anglosaska, germanistyczna i romanistyczna lingwistyczna analiza dykursu , automatycznej analizy dykursu , francuska analiza dykursu (4), francuska szkoła analizy dykursu (4), francuska teoria analizy dykursu , historyczna analiza dykursu (2), kognitywna analiza dykursu , krytyczna analiza dykursu (3), lingwistyczna analiza dykursu (5), multimodalna analiza dykursu , semiotyczne analizy dykursu , w modelu lingwistycznym wielopoziomowej analizy dykursu , współczesna analiza dykursu (3), (krytyczną) analizą dykursu , socjologicznych (3) analiz dykursu (5), w prawnej analizie dykursu , systemowo-funkcjonalnej analizy dykursu

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	Analiza dyskursu wchłania badania nad tekstami i gatunkami, Za analizę dyskursu była uważana analiza rozmowy, dominacja analizy dyskursu , epistemologiczny potencjał analizy dyskursu , fragmentaryzacja analizy dyskursu , celem analizy dyskursu (2), metodologiczne podstawy analizy dyskursu (2), metody i aspekty analizy dyskursu , model analizy dyskursu , procedura badania dyskursu , płaszczyzny analizy dyskursu : tematyczną (konstytucja sensu), sytuacyjno-kulturową i indywidualną (wpływ dyskursu na wypowiedzi indywidualne), przyszłość analizy dyskursu , rozwój analizy dyskursu , sposobami uprawiania analizy dyskursu , status (analizy) dyskursu , struktury powierzchniowe/elementy dyskursu jako punkt wyjścia dla analiz dyskursu , wyniki analizy dyskursu , za zadanie analizy dyskursu uznano odkrywanie interakcyjnej struktury rozmów, zagadnieniom metodologicznym analizy dyskursu , założenia teoretyczne analizy dyskursu , dialog pomiędzy krytyczną i deskryptywną analizą dyskursu
Исследование дискурса	Uspołecznienie, dylemat badań nad dyskursem (11), badanie dyskursu (17), badacz dyskursu (11), aktualnych dyskursów polityczno-społecznych, badań z zakresu lingwistyki dyskursu , badania dyskursów politycznego, medialnego i artystycznego oraz związanych z handlem, administracją, szkolnictwem, mówimy o badaniach nad dyskursem raczej niż o analizie dyskursu , “semiotyzację” badań nad dyskursem , ogromną popularnością badań dyskursu , Jakie ujęcie/ujęcia dyskursu jest/są typowe, prym w badaniach dyskursu , uczynienie kategorii dyskursu kategorią wyjściową w badaniach nad tekstami prasowymi. Kategoria dyskursu przez swoją nieostrość staje się pojętym narzędziem badawczym, współczesnych anglojęzycznych badań nad dyskursem
Дискурс и текст Дискурс и...	Dyskursy są otwartymi zbiorami tekstów, dyskursy umożliwiają egzystencję tekstom, teksty zostają wchłonięte przez dyskursy , lingwistyka dyskursu i teoria tekstu, a dyskursywną analizę tekstu proponuje nazwać stylistyką dyskursu , badań nad tekstem i dyskursem (2), dyskurs

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	traktuję jako jeden z trzech aspektów procesu ludzkiego porozumiewania się – obok tekstu i wypowiedzi, dyskursy – określona sieć tekstów, granice między pojęciami tekst i dyskurs , kierunki lingwistyki tekstu zorientowanej na dyskurs , lingwistyczna historia dyskursu zajmuje się treściami tekstów, teksty zawarte w dyskursie , ostatecznym produktem działalności dyskursywnej jest tekst, periodyk „tekst i dyskurs – text und diskurs», powiązane ze sobą teksty dyskursu , stosunek dyskursu do takich pojęć, jak tekst i wypowiedź, tekst jest pojęciem nadrzędnym, a dyskurs wyraża jego pragmatyczne aspekty. Tekst, dyskurs , komunikacja (4), tekstu i dyskursu , to nie dyskurs jest częścią analizy tekstu, ale tekst jest wpisany w analizę dyskursu , stanowiąc finalny produkt dyskursywnej aktywności, w każdym dyskursie mówionym i pisanym, w podejściu do tekstu (dyskursu) zależności pomiędzy tekstem a dyskursem , analizą tekstu a analizą dyskursu , zespół tekstów (dyskurs), tendencje i metody analizy dyskursu , teorią i analizą dyskursu , dyskurs i analiza dyskursu (2)
Дискурсивные/дискурсивность-дискурс	partnerom dyskursu foucaultiańskiej formacji dyskursywnej (11) (w rozumieniu Foucaulta), pola dyskursywne , społeczności dyskursywne , praktyka (20) dyskursywna i typowe dla epoki reguły dyskursu pozostają jedynie postulatami, rekonstrukcja spójnego zbioru reguł praktyki dyskursywnej , praktyka dyskursywna generuje (również) tematy oraz granice tematyczne dyskursów materialności muzyki w wymiarze dyskursywnym , dyskursywne ramy muzyki, wyliczenie faktów dyskursywnych , (kontrowersyjną) etykę dyskursywną , “ dyskursywnej samości” (“diskursives Selbst”), rekonstrukcja zbioru reguł praktyki dyskursywnej , analizach dyskursu struktur praktyki dyskursywnej , dyskursywnych powiązań sieciowych, analiza “ dyskursywnych struktur głębokich, analiza znaczeń dyskursywno-językowych analizy dyskursu , reguły dyskursywne , cele dyskursywne , człowiek jest więc dyskursywnym (zdolnym do dyskursu) zwierzęciem, opisu wszystkich zjawisk dyskursywnych , doświadczeniem

Таблица 2 (продолжение)

1	2
	dyskursywnym, dyskursy konstytuują się w porządkach dyskursywnych, dyskursywne jednostki podstawowe, dyskursywnej kontroli, dyskursywne punkt wyjścia, dyskursywne fundament stylów życia, działania dyskursywnego, efektem struktur dyskursywnych, miejsce dyskursywne, modelach dyskursu próbowano pokazać różne możliwości realizacji władzy dyskursywnej (2), myśleniem dyskursywnym, na wymiar dyskursywne, optyka dyskursywne (2), organizację wspólnoty dyskursywnej, parametrami dyskursywnymi, podstawowy typ procesów dyskursywnych i jednocześnie dyskursywność za zasadniczą cechę tekstualności, pojęcia dyskursywne, pola dyskursywnego, porządku dyskursu: iż dyskursy określają praktykę społeczną/dyskursywną, dyskursy można rozumieć jako wiązki kompleksowych relacji między wypowiedziami a procesami/normami społecznymi, władza konstytuuje dyskursy i legitymizuje się poprzez dyskursy, próbę ustalenia reguł dyskursywnych w (kulturowym) polu dyskursywnym, przezroczystości relacji dyskursywno-gatunkowych, reguły dyskursywne, serie rozproszonych wydarzeń dyskursywnych, sieci powiązań dyskursywnych we współczesnym dyskursie o dyskursie, strategiach dyskursywnych, teksty mają “wartość dodaną”, dyskursywność, twory dyskursywne, władzy dyskursywnej, wypowiedzi dyskursywne, zależności dyskursywnych, związki dyskursywne, zwrot dyskursywne (2), antynomiach komunikacyjnych (dyskursywnych), rzeczywiste zależności dyskursywne, formacje dyskursywne, zakotwiczenie praktyki dyskursywnej w szerszym kontekście społecznym, płaszczyznę systemu praktyki dyskursywnej, dążenie do wiedzy (dyskursywnej), znaczeń przeddyskursywnych, dyskursywność (4) to zjawisko z zakresu wiedzy, lingwistyczno-dyskursywne (3) generalizacja, trafność, rzetelność, konstrukt (3) ideowo-dyskursywne, koncepcyjno- (ideowo)-dyskursywne, udyskursowanie obiektów i praktyk kultury

Таблица 2 (продолжение)

Ключевые слова	Фразеологические сочетания в анализированных русскоязычных текстах. Результаты для «Дискурс»
1	2
	dyskursywnym, dyskursy konstytuują się w porządkach dyskursywnych, dyskursywne jednostki podstawowe, dyskursywnej kontroli, dyskursywne punkt wyjścia, dyskursywne fundament stylów życia, działania dyskursywnego, efektem struktur dyskursywnych, miejsce dyskursywne, modelach dyskursu próbowano pokazać różne możliwości realizacji władzy dyskursywnej (2), myśleniem dyskursywnym, na wymiar dyskursywne, optyka dyskursywne (2), organizację wspólnoty dyskursywnej, parametrami dyskursywnymi, podstawowy typ procesów dyskursywnych i jednocześnie dyskursywność za zasadniczą cechę tekstualności, pojęcia dyskursywne, pola dyskursywnego, porządku dyskursu: iż dyskursy określają praktykę społeczną/dyskursywną, dyskursy można rozumieć jako wiązki kompleksowych relacji między wypowiedziami a procesami/normami społecznymi, władza konstytuuje dyskursy i legitymizuje się poprzez dyskursy, próbę ustalenia reguł dyskursywnych w (kulturowym) polu dyskursywnym, przezroczystości relacji dyskursywno-gatunkowych, reguły dyskursywne, serie rozproszonych wydarzeń dyskursywnych, sieci powiązań dyskursywnych we współczesnym dyskursie o dyskursie, strategiach dyskursywnych, teksty mają “wartość dodaną”, dyskursywność, twory dyskursywne, władzy dyskursywnej, wypowiedzi dyskursywne, zależności dyskursywnych, związki dyskursywne, zwrot dyskursywne (2), antynomiach komunikacyjnych (dyskursywnych), rzeczywiste zależności dyskursywne, formacje dyskursywne, zakotwiczenie praktyki dyskursywnej w szerszym kontekście społecznym, płaszczyznę systemu praktyki dyskursywnej, dążenie do wiedzy (dyskursywnej), znaczeń przeddyskursywnych, dyskursywność (4) to zjawisko z zakresu wiedzy, lingwistyczno-dyskursywne (3) generalizacja, trafność, rzetelność, konstrukt (3) ideowo-dyskursywne, koncepcyjno- (ideowo)-dyskursywne, udyskursowanie obiektów i praktyk kultury

Таблица 2 (продолжение)

1	2
<u>Дискурс</u> [какой?]	клишированным <u>Дискурсом</u> , Массмедийный <u>Дискурс</u> качественных СМИ российского <u>Дискурса</u> , медиа <u>Дискурс</u> (3), типами <u>Дискурсов</u> : информационным, публицистическим, бульварный <u>Дискурс</u> желтой прессы (2), развлекательный <u>Дискурс</u> (6) СМИ, в <u>Дискурсе</u> качественных, элитарных СМИ, <u>Дискурс</u> народной сказки, в <u>русском</u> спортивном <u>Дискурсе</u> (5), в смещении документального и художественного (3) <u>Дискурса</u> , целостность национального (3) поэтического (2) <u>Дискурса</u> , в рекламном <u>Дискурсе</u> , <u>Дискурс</u> ненависти, в массмедийном <u>Дискурсе</u> , <u>Дискурсов</u> институционального типа (2), в каждой конкретной <u>Дискурсии</u> — сказке, данные <u>Дискурсии</u>
<u>Дискурс</u> [что делает? Что с ним происходит?]	культурологический анализ <u>Дискурса</u> , <i>Современный (3) культурологический анализ <u>Дискурса</u>, интерпретирующие базовые концепты (2) <u>Дискурса</u>, тип <u>Дискурса</u> (5), тип субъекта <u>Дискурса</u>, вербализуется в разных типах <u>Дискурсов</u>, лингвокогнитивного анализа базовых концептов спортивного <u>Дискурса</u>, Сохраняются в <u>Дискурсе</u>, формируется <u>Дискурс</u> развлечения, стал событием, <u>Дискурсом</u>, репрезентировать <u>Дискурс</u> славянской сказки, из базовых концептов <u>Дискурса</u> (2), реализованными в этом типе <u>Дискурса</u>, Культурологический анализ <u>Дискурса</u>, имеют место в конкретных <u>Дискурсиях</u>, а <u>Дискурс</u> обретает черты текстов</i>
-Дискурс-	<u>Дискурс</u> -знаний, -отношений, -миров, -сообществ, а также <u>Дискурс</u> -смыслов, метод реконструкции (2) <u>Дискурс</u> -анализ в контексте каузально-генетического подхода, <u>Дискурс</u> -картин, эксклюзивность каждой конкретной <u>Дискурсии</u> (3); <u>Дискурс</u> -картины (10) сказок, мира, <u>Дискурс</u> -картины всегда работают в парах, разработчиков каузально-генетического подхода с <u>Дискурс</u> -картинами, <u>Дискурс</u> -картине кортежного взаимодействия, Картина поддерживается <u>Дискурс</u> -картиной взаимодействия автора и читателя. Таким образом подтверждая <u>Дискурс</u> -картину актуализуемого в сказках мира, <u>Дискурс</u> -категории (2), и медиа <u>Дискурса</u> <i>Современный <u>Дискурс</u>-анализ</i>

Таблица 2 (окончание)

1	2
<u>Дискурсные</u> , <u>Дискурсив-</u> <u>ные</u>	ситуативно обусловленные <u>Дискурсные</u> сообщества, в каждом (в данном) <u>Дискурсивном</u> пространстве (4), русского спортивного <u>Дискурсивного</u> пространства (агентов, в терминологии <u>Дискурсивной</u> социологии), в определенной <u>Дискурсивной</u> разновидности, участвующих в их объективации в <u>Дискурсивных</u> практиках, в текстах данного <u>Дискурсивного</u> пространства, <u>Дискурсивные</u> особенности развлекательной информации

Литература

- Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. — Lublin, 2006.
- Brzozowska D. Дискурс в польском языкознании // Дискурс в академическом пространстве: материалы международного круглого стола 3–5 апреля 2009 / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск, 2010. — С. 13–14, 26, 37–40, 66–70, 126–127.
- Brzozowska D. Kreatywność a styl — międzykulturowe konteksty // Filologiczny widnokrąg. Obrazy stare i nowe, red. Krystyna Kossakowska-Jarosz, Jolanta Nocoń. — Opole, 2012. — P. 327–337.
- Brzozowska D. Badania dyskursu ludycznego w opolskiej szkole stylistycznej // Oblicza Komunikacji. 2012. — № 5. — P. 101–110.
- Duszak A. Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. — Warszawa, 1998.
- Dyskurs jako struktura i proces / red. Teun van Dijk, tłum. Grzegorz Grochowski. — Warszawa, 2001.
- Foucault M. Porządek dyskursu. — Gdańsk, 2002.
- Gajda S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. — Warszawa, Wrocław, 1982.
- Witosz B. Dyskurs i stylistyka. — Katowice, 2009.
- Zdunkiewicz-Jedynak D. Wykłady ze stylistyki. — Warszawa, 2008.
- Источники
- Ивченков В.И. Лингвистика тропов: сходства и различия в национальных стилях // Stylistyka. — XXI. — 2012. — С. 129–140.
- Клушина Н.И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // Stylistyka. — XXI. — 2012. — С. 19–34.

- Кузнецова Т.В. Метаморфозы современной медийной аксиосферы (на материале украинских СМИ) // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 199–208.
- Лассан Э. О некоторых особенностях интернет-поздравлений в различных культурах // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 141–158.
- Малышева Е.Г. Культурологический анализ дискурса сквозь призму этноспецифических когнитивных стереотипов (на примере русского спортивного дискурса) // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 119–128.
- Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация. Тенденции развития русского литературного языка // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 177–198.
- Сурикова Т.И. Этическая рефлексия в формировании национального стиля // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 159–176.
- Сюта Г.М. Поэтическая норма в контексте глобализационных и националистических процессов // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 371–384.
- Тошович Б. Национальный стиль как проявление национального языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 61–82.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия славянских сказок // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 45–60.
- Чемеркин С.Г. Гипертекст как лингвистическое проявление глобализации // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — С. 359–370.
- Books Notes // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 437–439.
- Czerwiński M. Socjalistyczny w formie, narodowy w treści. Chorwacka odmiana komunistycznej nowomowy w czasie tzw. chorwackiej wiosny // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 97–118.
- Discussions. Tekst — Dyskurs — Komunikacja. Badania nad tekstami prasowymi w Polsce i w Niemczech (Maria Wojtak i Heinz-Helmut Luger, Zofia Bilut-Homplewicz), Dyskurs w filologii (Janina Labocha, Anna Duszak, Ingo H. Warnke, Halina Grzmil-Tylutki, Dorota Miller) // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 385–412.
- Gajda S. Styl narodowy jako kategoria stylistyczna // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 7–18.
- Hanus A. Czy “gatunek” to “rodzaj”? W gąszczu genologii polonistycznej i germanistycznej // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 319–334.
- Heinemann W. Kontrowersje wokół analizy dyskursu // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 287–318.
- Sieradzka-Mruk A. Zasada analogii w homiliach kierowanych do odbiorcy dziecięcego // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 335–346.
- Szczepankowska I., Kosturek E. Book Reviews // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 425–431.
- Skubalanka T. O gramatyce stylistycznej // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 413–424.
- Wengeler M. Lingwistyczna historia dyskursu. Cele badań i dwa przykłady // *Stylistyka*. — XXI. — 2012. — Р. 271–286.

Стиль vs дискурс

Неснятая дискуссионность вопроса о соотношении понятий стиля и дискурса, а также отсутствие в современной русистике четкой концепции коррелятивной соотнесенности этих понятий вполне очевидны.

Попытки определить онтологический и гносеологический статус двух конкурирующих лексем начинаются с начала 1990-х гг., когда термин *дискурс* молниеносно вторгся в научный контекст, что привело к т. н. «дискурсивному повороту» [Макаров 2003] не только в отечественной филологии, но и в гуманитарной области в целом [Кожемякин 2008; Бусыгина 2010].

Специалист по теории дискурса В.И. Карасик считает, что «термин “функциональный стиль” относится... к числу наименее удачных терминов в лингвистике» [Карасик 1998], видимо, намекая на дальнейшую нецелесообразность его употребления. В то же время В.Е. Чернявская в категорической форме заявляет: «Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [Чернявская 2011: 94].

В 2003 г. выходит ставший настоящим событием для лингвистической общественности «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожина. В рецензии на данное издание С.Л. Мишланова отмечает, что вследствие представленного в литературных источниках мнения о дублетности понятия *дискурс*, присущего западноевропейской и американской лингвистике, и понятия *стиль*, разработанного отечественной функциональной стилистикой, эти понятия «практически не

встречаются в рамках одного издания». Неоспоримым достоинством словаря рецензент полагает сопоставление в «специализированном (узкоспециальном) лексикографическом издании понятий *функциональный стиль*, *дискурс*, *дискурсивный анализ*» [Мишланова 2004: 370].

Позже М.Н. Кожина посвящает соотношению дискурсного анализа и функциональной стилистики отдельную статью [Кожина 2004] и целый раздел изданного в 2008 г. учебника «Стилистика русского языка» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Итогом глубоких лингвофилософских размышлений М.Н. Кожиной становится безусловное признание, во-первых, теоретико-методологической близости анализа дискурса и функциональной стилистики, во-вторых, явной тенденции к их дальнейшему сближению, в-третьих, неснятой дискуссионности вопроса об их соотношении.

Необходимо отметить, что современные речеведческие исследования наглядно демонстрируют устаревание по отношению к терминам-понятиям *стиль* и *дискурс* принципа дополнительной дистрибуции (уже упоминаемой ранее невстречаемости «в рамках одного издания» [Мишланова 2004: 370]) и осознание необходимости замены разделительного ИЛИ между ними соединительным И, дальнейшей невозможности оставить понятие *дискурс* во владениях дискурсного анализа, а *функциональный стиль* — функциональной стилистики. Однако до решения вопроса о том, чем по отношению друг к другу выступают данные категории — антонимами, дублетами, синонимами, гиперонимом и гипонимом, согипонимами, — пока далеко.

Описываемая теоретико-методологическая лакуна до сих пор приводит к некоторой эвристической растерянности, поскольку в каждом отдельном даже сравнительно небольшом и специализированном исследовании авторы вынуждены заново описывать свое видение проблемы. Например И.Н. Щукина в статье «Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова)» [Щукина 2011] отмечает: «С одной стороны, долгое время дискурс определялся многими исследователями как “речь, погруженная в жизнь” (Н.Д. Арутюнова), т.е. текст, рассматриваемый во взаимосвязи с экстралингвистически-

ми факторами, сопутствующими его порождению... В этом случае дискурс соотносится со стилем как часть с целым: так, «политический дискурс» или «педагогический дискурс» функционируют в рамках официально-делового стиля (первый) (Данное утверждение весьма спорно! — О.О.) или научно-учебного подстиля (второй). С другой стороны, часть российских ученых либо не ставят перед собой задачи установить взаимоотношения этих двух понятий, либо дискурс полагают синонимом стилю».

Однако далее исследователь на основе анализа религиозной речи приходит к выводу, что «жанры различных стилей <...>, созданные истинно верующими людьми, отличаются некоторыми особенностями», а именно: отсутствием нелитературной, грубой оценочной лексики и представленностью средств гармонизации текста, наличием «высокой» лексики в большем количестве, чем в сравниваемых жанрах, созданных атеистами». Эти весомые аргументы приводят к справедливому заключению: «Такое положение дел дает возможность предположить, что дискурс и стиль в своей взаимосвязи соотносятся по иным параметрам, даже, может быть, стоит подумать о том, что в таком случае религиозный дискурс <...> — понятие более широкое, чем функциональный стиль».

Отсюда вопрос: какими отношениями связаны эти категории — отношениями атрибуции, включения, пересечения, гиперогипонимическими? *Шуре* — это значит, что дискурс состоит из стилей, или что стиль — составляющая дискурса, или что стиль — признак дискурса?

Дело в том, что такими отношениями могут быть связаны единицы одной субстанциональной природы, одного онтологического порядка, принадлежащие одной системе мер. Однако восприятие дискурса и стиля как однопорядковых категорий приводит лингвистов к очевидным логическим противоречиям даже в пределах одного исследования.

Приведем наглядный пример. Н.Л. Моргун в диссертационной работе «Научный сетевой дискурс как тип текста» отмечает, что «теоретическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в изучении специфики научного сетевого дискурса как одной из жанровых разновидностей научного стиля текста» [Моргун 2002: 5]. Иными словами, дискурс воспринимается как разновидность научного стиля (понятие жанра в целях обе-

спечения «чистоты эксперимента» пока опустим). Затем, выделяя категории дискурса, обозначенные как системно приобретенные, исследователь в качестве таковых определяет «такие лингвистические параметры, как <...> стилевая и жанровая принадлежность» [Там же: 7]. Таким образом, по мысли автора, дискурсы — это разновидности стиля / стилей и эти сущности связывают родовидовые отношения, но одновременно стиль является отдельным лингвистическим параметром дискурса, его атрибутом, признаком, свойством.

В статье «Научные стили речи в компьютерном дискурсе» [Фролов, Моргун 2004] тот же ученый в соавторстве с научным руководителем сначала с помощью генитивного атрибута (*стиль дискурса*) позиционируют атрибутивную корреляционную соотнесенность: «Научный стиль компьютерного дискурса — это тот же самый функциональный стиль языка науки <...>, но обогащенный электронными средствами связи», — видимо, метонимически подразумевая под обогащением стиля электронными средствами связи обогащение его, стиля, коммуникативного инструментария и функциональных возможностей. Далее авторы выделяют «отраслевые подстили», из которых состоят «стилистические разновидности языка науки в компьютерной научной коммуникации» (т.е. «стилистические разновидности... состоят из подстилей»). Но по ходу развертывания данного тезиса подстили выступают уже как разновидности / компоненты дискурса, следовательно, на подстили членится уже дискурс: «научно-деловой подстиль компьютерного дискурса», «подстили научного компьютерного дискурса». Между *стилем* и *дискурсом*, таким образом, устанавливаются отношения если не тождества, то однопорядковости, так как они оба состоят из подстилей.

Подобную терминологическую, а следовательно, и теоретико-методологическую неразборчивость В.Е. Чернявская склонна связывать с «ложным пафосом новизны при оперировании термином *дискурс*», приводящим «часто к тому, что *дискурс* используется параллельно или вместо *функциональный стиль*». Специалист выражает «удивление по поводу безудержных неофильских оценок и настроений, объявивших дискурс и дискурсивный анализ новым исследовательским объектом. Во многом это тот случай, когда новое название стало монтироваться с уже известным содержанием,

создавая для не критичного ума эффект квазиновизны» [Чернявская 2011: 91].

Думается, что подобных методологических казусов можно было бы избежать, последовательно применяя в речеведческих исследованиях описанные М.Н. Кожинной положения о принципиальной нетождественности, разнопорядковости, разноприродности двух понятий, изначально восходящих к различным бытийно-сущностным свойствам категориям (общественной формации и формы общественного сознания).

Значительный мировоззренческий рывок в эволюционном развитии данных идей М.Н. Кожинной делает В.Е. Чернявская в работе «Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно?» [Чернявская 2011]. Постулируя неоспоримую общность методологического принципа, «лежащего в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов» — «ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического», В.Е. Чернявская полагает, что «категория дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем».

Если «фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого» — формы общественного сознания, то для дискурса «делимитирующий критерий иной: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании дискурсов может быть бесконечно много <...> в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. <...> Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми — фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много» [Чернявская 2011: 92—94].

Итак, демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедук-

тивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх — во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи — в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи — во втором. Соглашаясь с данным выводом, мы склонны полагать его скорее глобальным следствием, нежели исходной причиной дилеммы *стиль vs дискурс*.

На наш взгляд, сущностная разность, «инаковость» стиля и дискурса определяется причинами еще более высокого уровня научной абстракции, а именно — кардинальной разницей принципа устройства систем их возникновения и функционирования.

Существует ли стилистическая система языка / речи? Безусловно, причем система эта классическая, относительно закрытая, упорядоченная, жестко структурированная на основе строгой иерархической организации.

Существует ли дискурсивная система (система дискурсов) языка / речи? Существует, но эта система принципиально иной природы — диссипативной. Эта система открытая, динамическая и диффузная, нелинейная, нестабильная, таксономически подвижная, способная к самоорганизации на основе свойств вариативности и альтернативности.

В лингвистике понятие диссипативных систем заимствовано из физики и активно развивается в рамках «синергетической парадигмы, объяснительной по своей сути и продолжающей традиции системного изучения объекта» [Сулименко 2009: 268]. Наиболее, на наш взгляд, релевантное изложение синергетического подхода в современной лингвистике наблюдаем в монографии Н.А. Кузьминой «Интертекст: тема с вариациями» [Кузьмина 2009: 31—41]. Подчеркнем позицию исследователей, которую мы полностью разделяем: классические и диссипативные системы противопоставлены, но отнюдь не исключают друг друга, а, соединяясь в рамках единой научной концепции, многократно увеличивают ее объяснительную силу.

Разница в структурном устройстве систем служит, на наш взгляд, фундаментальной причиной таких условно оппозитивных признаков *дискурса* и *стиля*, как обозначенные выше конкретность / абстрактность, уникальность / типичность, «революционность» / «эволюционность», изменчивость / стабильность, вари-

тивность / инвариантность и т.п. Но эти же признаки свойственны и диалектическому единству языка и речи, изучаемому в совокупности их разноаспектных характеристик и свойств.

Следовательно, полноценный современный речеведческий анализ должен гармонично объединить анализ дискурса и функционально-стилистический анализ при рассмотрении текста как общего исследовательского объекта теории стиля и теории дискурса. Любой текст может быть непротиворечиво определен в рамках обеих систем и осмыслен в единстве стилистических и дискурсивных (дискурсивно-стилистических) характеристик.

Поясним данный тезис. В качестве показательной научной аналогии приведем вполне устоявшуюся в языке науки и образования понятийно-терминологическую дихотомию *государство — страна*. Первое понятие принадлежит системе политического знания, второе — географического, поэтому между ними невозможно установить отношения части и целого, нельзя сказать, что *страна состоит из государств* или *государство из стран*. Границы и наименования стран и государств в большинстве случаев совпадают, чего нельзя сказать обо всех их характеристиках (*большое государство / большая страна, но равнинная страна и справедливое государство*). Эти понятия в различных контекстах могут выступать синонимами, могут — согипонимами, но не могут состоять в отношениях тождества, рода и вида, атрибуции, поссессивности. Одни и те же категории могут выступать единицами членения / описания как государств, так и стран (*край, город, территория*). Наиболее продуктивным методом изучения этих категорий является комплексный, междисциплинарный инструментарий обеих системных подходов: политического и географического, в том числе — в рамках оформившейся в конце XIX — начале XX в. отдельной научной отрасли — политической географии.

Все названные закономерности с успехом приложимы к дихотомии *дискурс — функциональный стиль*. Для нее нерелевантны отношения части и целого (нельзя сказать, что *дискурс состоит из стилей (подстилей)*, а *стиль — из дискурсов*), а также отношения тождества, атрибуции, поссессивности, рода и вида. То, что во многих случаях их границы и наименования совпадают (*научный стиль — научный дискурс*), отнюдь не означает единообразия принципов их вычленения / членения и обязательности коррелятив-

ной соотнесенности единиц такого членения (например, научно-популярный подстиль может быть никоим образом не соотнесен с дискурсом молчания (термин Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1994]). Будучи в зависимости от контекста синонимами (отношения взаимозаменяемости) или согипонимами (отношения соположения и соединения), наибольшую эвристическую эффективность данные категории демонстрируют в последнем случае — в случае объединения объяснительных параметров обеих категорий при анализе единого для них объекта — текста — в рамках комплексного дискурсивно-стилистического анализа.

Теперь о подходах к дискурсивно-стилистическому анализу текста с учетом описанной выше диалектики признаков подвижности / стабильности, уникальности / типичности, вариантности / инвариантности и т.д.

Любой текст стилистически и дискурсивно маркирован, однако различен характер этих маркированностей.

Стилистическая маркированность, включаясь в строго упорядоченную классическую системность, является одновалентной. Иными словами, текст даже при условии его пограничного межстилевого статуса занимает единственное определенное место, одну ячейку в жестко структурированной матрице стилистической системы языка / речи. Например, опубликованный в газете текст научно-популярной направленности будет относиться к научно-популярному подстилю научного стиля, который, как известно, занимает пограничное положение между научным и публицистическим (в традиционной терминологии) стилями.

Дискурсивная маркированность, включаясь в подвижную диссипативную системность, является поливалентной. Текст в этом случае выступает представителем нелимитируемого и открытого множества дискурсов. Та же газетная статья научно-популярного содержания может относиться к научно-популярному, газетному дискурсу, дискурсу качественной прессы, идиодискурсу конкретного автора, дискурсу о здоровье или о животных, и так гипотетически до бесконечности.

При характеристике языковой организации и когнитивно-коммуникативных свойств текста большинство выявленных признаков можно отнести и к стилистическим, и к дискурсивным. Другое дело, что какие-то стилистические признаки — типизиру-

ющие, инвариантные, стабильные — будут характеризовать текст в качестве представителя разных дискурсов, как наличие специальных терминов будет определять научно-популярный текст как представителя научно-популярного дискурса, а экспрессивные синтаксические средства — как представителя дискурса СМИ, а оба эти признака — как представителя научного медиадискурса.

Собственно дискурсивные — индивидуализирующие, варианты, подвижные — признаки далеко не всегда являются одновременно и стилистическими, например, анималистические перифразы (*царь зверей, патриарх лесов*) выступают стилистически индифферентной приметой дискурса о животных. Ср.: «Потенциально каждый языковой элемент в условиях определенного дискурса может стать носителем стилистической информации. Но не каждый языковой элемент в системе выступает одновременно и как стилевой элемент» [Гончарова 1999: 151].

Что касается дискурсивно-стилистической идентификации текста, то в многочисленной его атрибуции исходя из сказанного выше лишь один из признаков может одновременно выступать в качестве стилистического и дискурсивного, остальные же характеризуют текст в его дискурсивных ипостасях. Так, дискуссию ученых-лингвистов об акцентологической норме на интернет-портале Грамота.ру мы можем охарактеризовать как текст компьютерного научного лингвистического полемического дискурса, что отнюдь не противоречит принадлежности этого текста научному стилю. Следовательно, при несовпадении условных границ стиля и дискурса тексты одного дискурса могут принадлежать разным стилям (как тексты полемического дискурса могут реализовываться в рамках всех функциональных стилей; ср.: «Дискурсы могут образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили» [Чернявская 2011: 94]), а тексты одного стиля представлять разные дискурсы (например, научно-популярные тексты телевизионного и газетного дискурсов).

Как уже упоминалось, диссипативность, открытость, лабильность и мобильность дискурсивной системы приводит к неограниченной множественности классификаций дискурсов. По сути, основанием для типологии дискурсов может служить и часто служит всего один доминантный интегративный признак. Часто это тема (*спортивный дискурс*), форма речи (*устный и письменный, ди-*

алогический и монологический дискурсы), характеристика коммуникантов (*дискурс болельщика*) или события (*праздничный дискурс*), но в роли такого признака может выступать любая, даже самая на первый взгляд коммуникативно не значимая характеристика (ср. название статьи «Истерический дискурс» Достоевского» [Лахманн 2006]).

Есть признанные и часто задействованные в исследованиях классификации дискурсов, например, членение дискурсов на институциональные и персональные В.И. Карасика [Карасик 2000] или предлагаемая А.Н. Приходько когнитивно-коммуникативная типология, основывающаяся на трех основных признаках — среда, модус и стиль общения [Приходько 2009]. Однако по причине категорической открытости дискурсивной системы каждый волен создавать ту классификацию, выделять те типы дискурсов, которые актуальны для его аналитического нарратива, тогда как попытки создания непротиворечивой единой системоцентричной классификации дискурсов нельзя назвать успешными.

Наглядной и небанальной иллюстрацией данному положению служит интересная и наукоемкая статья И.В. Силантьева «Текст в системе дискурсных взаимодействий», в которой автор завершает собственную попытку классификации дискурсов таким пассажем: «Итак, мы выделили, с одной стороны, типы дискурсов по признаку общности его участников — интерперсональные, ситуативные, субкультурные и институциональные дискурсы, и, с другой стороны, тематические субдискурсы, которые носят структурно подчиненный характер и способны реализовываться в рамках других дискурсов. При этом следует заметить, что дискурсы духовной и художественной культуры весьма основательно разрушают только что построенную типологию своим особым статусом и особенным строем функционирования как в обществе в целом, так и в личностной сфере человека. Таким образом, первичные конститутивные признаки дискурса не находятся на одной плоскости и не носят универсального характера, и поэтому наша “кособокая” типология наверняка разочарует сторонников одномерно-симметричных и претендующих на универсальность классификаций. В порядке оправдания можно сказать только одно: по мере аналитического движения по материалу данная типология будет уточняться и совершенствоваться, с учетом того,

что сам дискурс — это феномен исключительно многомерный в своем функционировании и многофакторный в своей природе» [Силантьев 2004].

По нашему глубокому убеждению, ученый отнюдь не нуждается в оправдании, поскольку декларируемая им самим многомерность и многофакторность феномена исключает возможность нахождения однопорядковых и универсальных таксономических оснований, вследствие чего любая единая типология дискурсов по определению обречена на «косობокость», в то время как плодотворными в плане научного поиска становятся множественные «некособокые» классификации дискурсов по различным неоднородным и неуниверсальным основаниям. А каждый конкретный текст, одновременно разными своими гранями обращаясь к различным дискурсивным классификациям, должен рассматриваться «в системе дискурсивных взаимодействий», т.е. в системе приложимых к нему дискурсивных типологий. (Ср. с цитатой из указанной статьи, где речь идет о материале из газеты «Комсомольская правда»: «Дискурсивный спектр рассмотренного материала простирается от дискурса исторического официоза до дискурса мелкой обывательской сенсации и дискурса нейтрального информирования, при этом наблюдаются попытки стилизации под церковно-православный дискурс» (подчеркнуто нами. — О.О.) [Силантьев 2004]).

Наиболее созвучны нашим рассуждениям появившиеся и закрепившиеся в последнее время в лингвистических штудиях [Чернявская 2003, 2007, 2009; Иссерс 2010] термины полидискурсивность и интердискурсивность текста, подразумевающие «взаимодействие между различными типами дискурса, т.е. интеграцию, переkreщивание различных областей человеческого знания и практики» [Чернявская 2003: 36], «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий» [Чернявская 2007: 22].

Итак, язык в самом широком лингвистическом понимании этого слова функционирует одновременно в формате двух разнородных систем: классической — относительно закрытой, преимущественно жестко структурированной, уровневой, иерархической — и диссипативной — принципиально открытой, нелинейной, нестабильной, диффузной. Данные системы, вернее, противопо-

ложные друг другу отношения между элементами внутри систем, взаимодействуя, по закону единства и борьбы противоположностей, обеспечивают, во-первых, относительное равновесие объекта, а во-вторых, его поступательное развитие.

Коммуникативное пространство в соответствии с классической системой представлено функциональными стилями, в соответствии с диссипативной — дискурсами. Выражаясь метафорически, стили — это атланты, которые держат постоянно меняющийся цвет и очертания небо дискурсов на руках стабильности.

Стили представляют собой языково-речевые проекции форм общественного сознания, регламентируют правила, закономерности, категории, принципы отбора и организации языковых средств в пределах фундаментальных речевых разновидностей, определяют стержневые, инвариантные параметры текстообразования и текстовосприятия.

Дискурсы представляют собой языково-речевые проекции всего многообразия социальных практик, образуются содержательно-смысловой общностью хотя бы одного лингвистического или экстралингвистического признака текстов, определяют неограниченно широкий спектр вариантных параметров текстообразования и текстовосприятия.

Классификация функциональных стилей (при множественности существующих классификаций мы придерживаемся точки зрения М.Н. Кожиной и ее коллег [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]) — единая по общности оснований, относительно строгая, количественно ограниченная. Количество дискурсов потенциально бесконечно, единая классификация дискурсов невозможна по причине гетерогенности таксономических оснований, существует и может возникать множество типологий дискурсов.

В ситуации, когда определенный дискурс обнаруживает тенденцию к выраженной типизации доминантных его характеристик при актуализации новой / возрождающейся формы общественного сознания, возможно оформление отдельного функционального стиля. Так, активная и небезосновательная дискуссия ведется о признании статуса стиля за религиозной речевой сферой (см.: [Крылова 2003]). Выделен церковно-религиозный стиль как «функциональная разновидность современного русского языка» и в учебной литературе [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 412].

Однако устойчивость и стабильность стилистической системы подразумевают сопротивление инновациям, когда крупные дискурсивные формации, такие как религиозный дискурс, функционируют в форме кросс-стилевых дискурсов. Ср.: «Особенности такой речи проявляются во всех жанрах всех функциональных стилей без исключения — официально-деловом, научном, газетно-публицистическом, в разговорном языке и языке художественной литературы. Очевидно, что задача свидетельства о Боге учитывается говорящим и пишущим в любом жанре. Поэтому многие ученые утверждают, что сфера религии находится как бы над функциональными стилями» [Миронова 2011].

Конституенты стиля и дискурса, формы их реальной речевой материализации — тексты. Объединение в анализе текста обоих подходов — стилистического и дискурсивного — наиболее продуктивно при условии четкого осознания дуалистической дискурсивно-стилистической сущности текста.

Подведем итоги. Функциональный стиль и дискурс, будучи разнопорядковыми понятиями, являются результатом научного осмысления языково-речевой реальности в формате двух разных по типу систем: классической и диссипативной соответственно. Текст, обладая и стилистической, и дискурсивной маркированностью, имеет определенное место в матрице единой стилистической классификации и обладает нелимитируемым множеством дискурсивных атрибуций.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. — М., 1994. — С. 106—113.
- Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. — 2010. — № 1. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2010/n1/index.shtml>
- Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // Studia Lingvistica 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. — СПб., 1999. — С. 146—154.
- Иссерс О.С. Интердискурсивность и интеркодировость в новых коммуникативных практиках русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тр. IV Междунар. конгресс-

са исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20—23 марта 2010 г.). — М., 2010. — С. 119—120.

- Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. — Волгоград, 1998. — С. 185—197. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000. — С. 5—20.
- Кожемякин Е.А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2008. — Вып. 2. URL: <http://gsen.pi.sfedu.ru/articles2008/issue2/2—2a.pdf>
- Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст—Дискурс—Стиль: сб. науч. ст. — СПб., 2004. — С. 9—33.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. — М., 2008.
- Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2003. — С. 612—616.
- Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. — Омск, 2009.
- Лахманн Р. «Истериический дискурс» Достоевского // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. — М., 2006. — С. 148—168.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М., 2003.
- Миронова Н.К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль — к проблеме определения понятия // Медиа-скоп. — 2011. — Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru>.
- Мишланова С.Л. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. Чл. редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. — М., 2003. — 696 с. // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. — Пермь, 2004. — С. 365—377.
- Моргун Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2002.
- Приходько А.Н. Когнитивно-коммуникативная типология дискурсов // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. — 2009. — Вып. 1. URL: www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vknlu/fil/2009_1/3.pdf.
- Силантьев И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. — 2004. — Вып. 7. — С. 98—123. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7silantev.htm>.

- Сулименко Н.Е. Словарь как вторичный текст и проблемы взаимодействия научных парадигм в современной лингвистике // Дискретность и континуальность в языке и тексте: мат-лы Междунар. конф. «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» (Новосибирск, 15–16 октября 2009 г.). — Новосибирск, 2009. — С. 268–274.
- Фролов Н.К., Моргун Н.Л. Научные стили речи в компьютерном дискурсе // Мир ПК. — 2004. — № 4. URL: <http://frgf.utmn.ru/Nol7/textIO.htm>
- Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст—Дискурс—Стиль. Коммуникация в экономике: сб. науч. ст. — СПб., 2003. — С. 23–42.
- Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2011. — № 3. URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/cernavskaa-V-e>

А.А. Негрышев
(Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых)

Дискурс-анализ и стилистика текста: точки пересечения в методологии исследования (на материале новостного медиадискурса)

Соотношение понятий *стиль* и *дискурс*, равно как «демаркация» предметно-методологических областей *стилистики текста* и *дискурс-анализа*, представляется на сегодня актуальной исследовательской проблемой, масштаб которой выходит далеко за рамки отдельной статьи. Задачей нашего сообщения является уточнение ключевых методологических понятий этих дисциплин и описание некоторых точек их пересечения в сфере новостного дискурса печатных СМИ.

Сразу оговорим, что рассуждение о содержании понятий может быть сколь либо продуктивным лишь в рамках определенных, довольно четко оформленных на сегодня концепций дискурса и дискурс-анализа. Попытка построения некоей интегрированной теории, «примиряющей» разные школы и направления анализа дискурса и текста, представляется едва ли осуществимой по крайней мере в рамках парадигмального подхода. Поэтому вначале кратко остановимся на изложении той концепции дискурса, которую мы принимаем за основу последующих методологических рассуждений.

Речь пойдет о теории дискурса, получившей наибольшее распространение в отечественном языкознании — дискурса как **речи в социальном контексте**, или, по определению Н.Д. Арутюновой, как «речи, погруженной в жизнь»: дискурс — это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136–137]. В рамках данного подхода, концептуально очень близкого традиции критического дискурс-анализа (Н. Фэйрклау, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.), текст «рассматривается лишь как часть дискурса,

его знаковый продукт» [Петрова 2003: 130], или, другими словами, как *результат* динамического процесса речевой деятельности [Кубрякова, Александрова 1997: 19]. По выражению Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2001], текст «создается в дискурсе и является его **де-тищем**». Автор и читатель, «индивидуальный» или «массовый», не только подчиняются общим правилам дискурсивной среды, в которой они создают / воспринимают текст, но и используют те механизмы текстопорождения / интерпретации, которые выработаны в соответствующей сфере вербально-семиотической деятельности. Следовательно, дискурсивные факторы как бы «пронизывают» текст на всех уровнях его организации, определяя его стилистику и композиционное построение, и особую важность приобретает исследование контекстуальных параметров речетекстовой деятельности, таких как социокультурной ситуации, институциональной организации речевой деятельности, технологии коммуникации и конструирования сообщений [Шейгал 2000: 9, 15].

При таком подходе **объекты** исследования в дискурс-анализе и в лингвистике текста практически совпадают, а именно и в том и в другом случаях исследователи имеют дело с **текстом** как с конечной «данностью» дискурса. Даже при всей экстралингвистической направленности дискурс-анализа (*текст в социальном контексте*) реально дискурсивной лингвистике доступен только сам текст. Знание же об экстралингвистическом контексте она вынуждена заимствовать из смежных дисциплин, либо в своих «пограничных» разделах, таких как социо- и психоллингвистика, лингвопрагматика и др.

Тем не менее совпадение объекта исследования не означает общности **предмета**, который составляет специфику объекта, задающую направление исследовательского поиска. В стилистике текста таким предметом являются его *структурно-семантические особенности*, актуализатором которых выступает дискурсивный контекст, предметом же дискурсивного анализа являются те *явления в тексте, которые «связывают» его с дискурсом*, обнаруживая производность текста от дискурсивно-коммуникативной среды.

Что касается **методологии исследования**, то именно здесь находится, по сути, главная «точка напряжения», в которой пересекаются собственно лингвистика и смежные с ней дисциплины. Критический дискурс-анализ (КДА), например, сам становится объектом

критики чаще всего за недостаточность эмпирических «ответов» на вопрос: «как точно показать, *где* и *как* недискурсивные моменты влияют и изменяют дискурсивные моменты — и наоборот» [Йоргенсон, Филлипс 2008: 157]. То же самое признает, в частности, и один из основоположников этой школы Т.А. ван Дейк, отмечая, что «до сих пор на повестке дня остаются многие детали междисциплинарной *теории* КДА, которые позволили бы связать дискурс и действие с познанием и обществом» [Дейк 2013: 126].

Чтобы рассмотреть пути пересечения лингвистики и смежных дисциплин в исследовании текста как «продукта дискурса», обратимся к **новостному медиадискурсу** и попытаемся на его примере показать возможности методологического синтеза «традиционной» лингвистической с науками, генерирующими знание о среде, в которой порождается каждый новостной медиатекст. Общая методологическая посылка нашего подхода заключается в том, чтобы объединить по возможности знание об институциональной среде, в которой порождается текст, с анализом его лингвистической структуры. Ключевыми понятиями нашей концепции являются **макротекстовая структура** и **дискурсивная доминанта текста**.

1. Макротекстовая структура

Как уже отмечалось, любой вид институционального дискурса имеет свои «стандарты» текстовой деятельности, определяющие как принципы порождения / восприятия текста, так и его структуру. Эти стандарты задаются двумя видами дискурсивных параметров — **институциональными**, состав которых специфичен для каждого типа дискурса, и **имманентно-речевыми**, общими для всех его институциональных типов. Первые определяют «рамочные условия», своего рода «вертикальный контекст» всей рече-текстовой деятельности в той или иной институциональной сфере, вторые — задают способ реализации отношений внутри компонентов этой деятельности: *субъект речи — текст — объект речи — предмет речи*. Так, например, **институциональные параметры** новостного и в целом массмедийного дискурса включают следующие группы: *социальные* — регуляция социальных отношений и представлений через формирование общественного мнения, *культурно-мировоззренческие* — сохранение либо изменение

культурных норм, мировоззренческой парадигмы и картины мира, *коммуникативные* — установление и поддержание доверия к отправителю информации со стороны реципиента в целях обеспечения институциональной (экономической и репутационной) устойчивости СМИ, *семиотические* — подчинение планов выражения и содержания техническим и психологическим условиям «массовой» коммуникационной среды. **Имманентно-речевые** же параметры группируются вокруг *интенциональных, референциальных и когнитивных* аспектов рече-текстовой деятельности.

Рассматривая текст как «продукт» дискурса, необходимо выяснить, как именно эти параметры проецируются на языковой (знание языка и владение речевыми моделями) и предметно-событийный (знание об описываемой ситуации действительности) тезаурус субъекта дискурсивно-речевой деятельности. И здесь мы предлагаем выделить **макроструктуру текста** (макротекстовую структуру) — общую схему его формально-содержательной организации, задаваемую дискурсом и воплощающуюся в лингвостилистическом оформлении текстового целого (см. подробнее: [Негрышев 2011]). Макроструктура — это то связующее звено, которое позволяет объединить лингвостилистическую структуру текста как непосредственную данность лингвистического анализа с параметрами дискурса, выявляемыми методами социологии, коммуникативистики, социальной психологии и других дисциплин, не имеющих «прямого выхода» в лингвистику текста. Производная от дискурса макроструктура как абстрактная модель позволяет проследить способы преобразования экстралингвистической событийной информации в конкретный текст с конкретным лингвостилистическим оформлением. При этом сама «материя» текста предстает как результат конкретно-речевого заполнения макроструктуры под действием параметров дискурса. Иными словами, макроструктура текста есть *инвариант* для каждого типа дискурса, задаваемый его институциональными и имманентно-речевыми параметрами, а лингвостилистическое оформление — *вариант* реализации языкового и предметно-событийного тезауруса субъекта дискурсивной деятельности в конкретной ее ситуации.

В общем виде мы предлагаем рассматривать макроструктуру текста как совокупность **макротекстовых позиций (МТП)**, релевантных в плане различных аспектов текстообразования. Состав и

комбинация позиций определяются типом дискурса, внутри которого порождается текст. Так, для новостного дискурса прессы мы выделяем три основные МТП, включающие ряд субпозиций: 1. **Заголовок ↔ текст** — отношения между семантической структурой заголовка и фактологической информацией текста [Негрышев 2006]; 2. **Композиция**: а) *композиционно-фактуальные отношения* — отражение в композиции текста структуры события; б) *композиционно-логические отношения* — характер внутритекстовых логико-синтаксических связей; в) *композиционно-синтагматические отношения* — линейная последовательность развертывания текстовой информации [Негрышев 2012]; 3. **Стилистическая перспектива** — характер преобладающих стилистических средств, константность либо вариативность стилистической окраски.

Предварительный анализ способов заполнения указанных позиций выявил оппозицию *прототипической и вариационных моделей*. Так, заполнение МТП по *прототипической модели* выглядит следующим образом: 1. **Заголовок ↔ текст**. Изоморфизм семантической структуры заголовка и текста, отсутствие дополнительных средств модальности в лингвистической структуре заголовка. 2. **Композиция**: а) наличие *композиционно-фактуальных блоков* «событие» (субъекты действия + действия) и «обстоятельства события». б) Преобладание *композиционно-логических отношений* конъюнкции и локально-временной субординации. в) *Синтагматическое развертывание* по модели «перевернутой пирамиды» — от наиболее значимой информации к деталям. 3. **Стилистическая перспектива**. Константность нейтральной стилистической перспективы, исключаяющей межстилевую интерференцию и любые виды экспрессии.

Тексты, построенные по прототипической модели, максимально соответствуют стандартам краткости, объективности и беспристрастности, вариационные же модели демонстрируют отклонения от этих стандартов в направлении пространности, субъективизма и экспрессивности. При подробном рассмотрении, однако, становится очевидным, что все вариационные модели являются, как и прототипическая модель, результатом действия дискурсивных факторов. И здесь мы подходим к необходимости выявления **имманентно-речевых параметров**, непосредственно влияющих на характер отбора речевых средств в каждом конкретном тексте.

2. Дискурсивная доминанта текста

Сам термин *доминанта*, введенный впервые в физиологии А.А. Ухтомским, получил довольно широкое распространение и в лингвистике текста (А.В. Бондарко, В.П. Белянин, Н.С. Болотнова, И.П. Шишкина, А.И. Новиков и др.). Если в физиологии *доминанта* — это «временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе», создающий «скрытую готовность организма к определенной деятельности» [Большая энциклопедия... 2002], то **дискурсивную доминанту текста (ДДТ)** можно определить как преобладающую структурно-смысловую акцентуацию текста, обеспечивающую его коммуникативную «уместность» и прагматическую эффективность в соответствующем типе дискурса. Так, *институциональные параметры* дискурса СМИ реализуются в трех составляющих текстовой доминанты, соответствующих имманентно-речевым параметрам — *интенциональной, референциальной и когнитивной*. *Интенциональная составляющая* доминанты определяется в общем виде социальными и коммуникативными параметрами дискурса и подчиняет процесс формо- и смыслообразования текста задачам регуляции общественного мнения и поддержания рейтинга издания. *Референциальная составляющая* оптимизирует отбор информационных компонентов, входящих в структуру описания того или иного фрагмента событийной действительности. И, наконец, *когнитивная составляющая доминанты* обеспечивает акцентуацию тех когнитивно-психологических компонентов информации, которые способствуют усилению ее воздействующего потенциала. Так, например, событие из области политики может «превращаться» в новостной текст со следующим составом ДДТ: *продвижение / дискредитация лиц, действий, идей* (интенциональная составляющая доминанты), *анализ-аргументация* (референциальная составляющая), *категоризация, каузация, реже — фасцинация* (когнитивная составляющая). Событие же из жизни «знаменитостей» чаще всего реализуется в новостном тексте со следующей конфигурацией ДДТ: *развлечение* (интенциональная составляющая), *сообщение* (референциальная составляющая), *фасцинация* (когнитивная составляющая).

В самом обобщенном (и упрощенном) виде все изложенное выше можно представить следующим образом. Создатель текста, в нашем случае — журналист, интуитивно и на уровне профес-

сиональных умений и навыков владеет всеми **макротекстовыми структурами** медиадискурса, в которых заложена определенная референциальная (относительно фрагмента действительности), интенциональная (относительно медиа-корпоративных установок) и когнитивная (относительно сознания реципиента) обработка событийного фрагмента действительности. В каждом конкретном случае лингвостилистическое оформление текста будет определяться соотношением **дискурсивных доминант** таким образом, что их составляющие (интенциональная, референциальная и когнитивная) влияют на отбор фактографических компонентов текста, лексико-грамматических и композиционных средств оценки.

При таком понимании центральным звеном анализа текста выступает «традиционный» лингвостилистический анализ, давно и успешно применяемый в лингвистике текста. Его «наложение» на макроструктурный анализ обеспечивает «выход» на дискурсивный уровень, т.е. по сути «встраивание» предмета лингвостилистики в предмет дискурс-анализа.

Таким образом, стилистика текста обладает методологией, в которой дискурс-анализ приобретает собственно «лингвистическое наполнение», а дискурс-анализ, в свою очередь, направляет стилистику в русло четко очерченных функциональных параметров, ориентируя на поиск макротекстовых структур, релевантных для теории текста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 136—137.
Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2002. URL: www.RM.ru
Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М., 2013.
Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. — Харьков, 2008.
Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>
Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. — М., 1997. — С. 15—25.

- Негрышев А.А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. — М., 2011. — С. 85–97.
- Негрышев А.А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовка↔текст // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 2006. — № 1. — С. 97–109.
- Негрышев А.А. Референтная соотнесенность новостного медиатекста (из опыта описания интерпретативности методом макроструктурного анализа) // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. — М., 2012. — С. 429–450.
- Петрова Н.В. Текст и дискурс // ВЯ. — 2003. — № 6. — С. 123–131.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М., Волгоград, 2000.

Н.И. Клушина

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики

Становление дискурсологии как самостоятельного лингвистического направления в отечественной науке проходит путь, уже однажды пройденный стилистикой (см., например, дискуссию 1960-х годов и обсуждение стилистических проблем в [Stylistyka 1997]).

Дискурсология пытается определить предметную область своих исследований, разработать собственную таксономию дискурсов, определиться с терминологией и основными научными категориями, наконец, очертить границы своего направления и выработать оригинальную методологию.

Это необходимо и своевременно, так как пересаженная на русскую почву дискурсология оказалась в конкурентных условиях с традиционной стилистикой, что привело к эклектике в обеих научных областях.

И стилистика, и дискурсология изучают *тексты*, погруженные в типические или уникальные *контексты* и оформленные по *жанровым* канонам. *Текст, контекст, жанр* формируют общее исследовательское поле для обеих научных дисциплин. Поэтому не удивительно, что, изучая тексты как дискурсивные образования и тексты как стилевые единства, дискурсологи и стилисты, используя общую терминологию, часто говорят о разных вещах и, наоборот, под различными номинациями понимают один и тот же референт.

Термин *дискурс*, по сути, эквивалентен термину *стиль*, если используется для номинации функциональных разновидностей литературного языка. Неразличение этих терминов характерно для многих филологических исследований последних лет. Например, в статье А.А. Кибрика [Кибрик 2011] встречаем: *публицистический функциональный стиль, медийный ф-стиль, медиадискурс, дискурс СМИ, медийный дискурс*, используемые в качестве синонимов, т.е. в функции замещения.

Но то, что безразлично дискурсологам, стилистами ощущается как некоторое терминологическое неудобство, поскольку *функциональный стиль* не тождествен понятию *дискурс*.

Функциональная стилистика, в отличие от дискурсологии, строго структурирована в таксономию стилей, в основу которой положена определенная функция языка, а также соответствие стиля области социальной жизни, которую он обслуживает, и типу общественного сознания.

Единой таксономии дискурсов до сих пор не существует. Членение коммуникации на различные типы дискурсов на первый взгляд происходит хаотично, по разным основаниям, а иногда и неосмысленно (*новостной дискурс, академический, советский, феминистский, дискурс неравенства* и т.п.). Думается, что единой типологии дискурса (наподобие функционально-стилистической таксономии) быть и не должно, поскольку задачи дискурсологии, по крайней мере сегодня, представляются более прагматическими, практически ориентированными, чем теоретическими: регистрация и описание социально ориентированных практик для осуществления успешного социального взаимодействия (что уводит дискурсологов от лингвистики в сторону коммуникативистики, социологии, политологии, менеджмента и других наук).

Но, с другой стороны, отсутствие единой типологии и видимая невозможность упорядочения многочисленных дискурсов (как объединения дискурсивных/социальных практик) — значимое отличие этого лингвистического феномена. Каждый раз заново формирующаяся типология говорит о динамической природе дискурса, о его самоорганизующемся характере.

Как калейдоскоп при малейшем повороте формирует отдельную самостоятельную картину из набора имеющихся элементов, так и типология дискурса каждый раз составляется наново при изменении модуса описания коммуникативной практики.

Организующим началом в формировании таксономий дискурса, кажется, может выступить *контекст*. Тексты, объединенные определенным контекстом (временным / историческим — например, *советский дискурс*, событийным — например, *дискурс Фукусимы*, социальным — *дискурс интолерантности*, политическим — *оппозиционный дискурс* и т.п.), складываются в различные

таксономии, что позволяет группировать, описывать и детализировать речевую действительность.

Таким образом, пристальное внимание к *контексту*, наблюдения над его творческим преобразованием под влиянием дискурсивных практик представляется важнейшим достижением современной дискурсологии.

Стилистика также учитывала *контекст* как экстралингвистическую основу стиля, но не детализировала его, а, наоборот, абстрагировала и типизировала для выявления эталонных черт стиля (например, непринужденность, неофициальность, непосредственность, межличностность признаются экстралингвистическими детерминантами разговорно-бытового стиля).

Современная функциональная стилистика обратила внимание на увеличившееся разнообразие контекстов употребления функциональных разновидностей литературного языка и попыталась эту задачу решить за счет уточнения функционально-стилистической таксономии, включив в нее религиозный и рекламный стили, а подстили публицистического стиля, подвергнувшегося наибольшим трансформациям, дифференцировать более подробно: информационный / новостной подстиль, публицистический подстиль, развлекательный подстиль, интернет-подстиль и т.п.

Функциональная стилистика как таксономическое описание литературного языка занимает центральное положение в теории стилистики. При коммуникативном повороте в стилистике на первый план выдвигаются не прототипические варианты использования языка в разных сферах общения, понимаемые как эталон, а стилистические способы передачи информации в специфических условиях, продиктованных контекстом, авторскими интенциями и планируемым / ожидаемым прагматическим эффектом. Таким образом обнаруживается *лингвистическая* природа контекста.

Контекст порождает значения слов, формирует их употребление / сочетаемость, диктует интерпретацию смысла и предопределяет перлокутивный эффект. М.М. Бахтин замечал, что значения слов мы в конце концов берем не из словаря.

Контекст, как и *текст*, и *жанр*, — это и есть перекрестки *стилистики* (в ее коммуникативном изводе) и *дискурсологии* (лингвистики дискурса). Пристальное внимание к контексту способствует сближению этих дисциплин. Стилистика расширила сферу своего

интереса: от языка и его использования в текстах — до изучения контекстов с различных позиций. Дискурсология изначально постулировала, что язык — «часть социальной практики», «часть повседневной деятельности», «подходящее “место” для развития идеологии»: «...Язык существует в рамках этих более масштабных моделей мышления, опыта и общества» [Матисон 2013: 17], где необходимы знания не только лингвистики, но и социологии, антропологии, психологии и других дисциплин.

Жанр — также общий объект изучения стилистики и дискурсологии, поскольку это обязательная форма существования текста. В стилистике традиционные жанры, лежащие в основе функциональных стилей, изучены досконально, сформирована их строгая классификация, описана структурная организация, жанровые особенности. Но, по-видимому, жанровая таксономия более подвижна, чем таксономия функциональных стилей, и подвержена трансформациям, в зависимости от смены эпох, влекущих за собой и смену жанрово-стилистических предпочтений. Яркой иллюстрацией является, например, разрушение системы жанров публицистического стиля в перестройку, повлекшее за собой жанровую диффузность и размытость жанровых канонов, а также авторское своеволие в номинации жанров, что привело к смене жанровой палитры современного медиастила. Но тем не менее в стилистике жанры рассматриваются как организованные в соответствии со стилевыми характеристиками типы текстов. В дискурсологии не существует строгих классификаций жанров. Один и тот же жанр может входить в различные типы дискурсов. Жанровые классификации произвольны и неисчислимы. Общими основаниями для выделения жанров как в стилистике, так и в дискурсологии являются жанрообразующие интенции, но в стилистике акцент делается на стилистических особенностях / отличиях одного жанра от другого, а в дискурсологии жанр рассматривается как социальный ритуал, с акцентом на прагматике (например, утилитарные жанры кулинарного рецепта, свидетельства о рождении и др.).

Междисциплинарность используемых подходов и методик также свойственна в равной степени современной стилистике и дискурсологии. Однотипна и формальная схема анализа:

Текст + контекст — жанр — подстиль — стиль;

Текст + контекст — жанр — субдискурс — дискурс.

Но нам представляется, что дискурсология и стилистика ставят перед собой и решают все же разные задачи. Дискурсология ориентирована на изучение дискурсов прагматически: как оптимизировать тексты для различных сфер социальной деятельности, т.е. дискурсология призвана изучать текстовую реальность с целью ее прагматического усовершенствования (не случайно она оперирует понятиями *эффективный текст*, *успешный текст*), дискурс-анализ изучает речевые действия в рамках социальных практик. Как пишет Матисон, «дискурс-анализ может помочь нам понять социальную практику — включая такую антисоциальную практику, как война» [Матисон 2013: 17].

Стилистика же ориентирована на философское, эстетическое, идеальное. Мы можем ощущать, что такое *изящный стиль*, но *изящный дискурс* — понятие невозможное.

Дискурс — это совокупность / система текстов. Стиль — это и совокупность текстов (система функциональных стилей), и их отличительная черта. То есть стиль может рассматриваться как система и как имманентный признак / характеристика системы. Стиль организует структурную связность системы и несет целостную информацию о ней.

Дискурс оказывает давление на личность, подчиняет авторское *я* доминирующим дискурсивным практикам, ориентирован на типичное, объединяющее различные тексты в определенные типы дискурсов.

Стиль (понимаемый шире, чем функциональный стиль), напротив, не приемлет шаблонности, ориентирован на креативность, на сопротивление стандарту.

Стиль — либо эталон, либо девиация, но не стандарт и не рутина.

Стиль не подавляет автора, а, напротив, высвобождает его интуицию, обостряет чувство прекрасного, направляет творческий порыв. Авторское *я* выражается именно в стиле. По точному определению Ст. Гайды, стиль — это «гуманитарная структура текста» [Гайда 2012: 98].

И стиль, и дискурс очень важны для современной лингвистики — как точки пересечения и как точки отталкивания: дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль — философское и эстетическое. Дискурс влияет на человека, его язык, мышление;

стиль, по известному выражению Бюффона, и есть человек — человек, способный менять дискурс. Дискурс — это поле практической деятельности, стиль — теоретический, эстетический, мыслительный конструкт.

Взаимодействие стилистического и дискурсивного видения мира наиболее ярко отражено в трактовке людей как «*нетривиальных машин*», данной Фоерстером (цит. по: [Реконструкция субъективной реальности 2010: 51]).

Дискурсология направлена на решение социальных задач, она изучает жизнь языка в обществе, исследует прагматическую сущность коммуникации. Стилистика познает духовную и ментальную жизнь языка, заботится о высших ценностях — уникальности творчества, самооценности языка, уникальности сознания, отраженного в текстах. Взаимодействие этих двух дисциплин помогает воссоздать целостный образ речевой действительности, в которой сиюминутное, спонтанное, утилитарное вплетено в бесконечное, гармоничное, высокое.

Л и т е р а т у р а

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин Собр. соч. — М., 1996. — Т. 5. — С. 159—206.
- Гайда Ст. Интегрирующая стилистика // Лингвистика речи. Медиа-стилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. — М., 2012. — С. 93—105.
- Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. — М., 2011. — С. 79—85.
- La Table Ronde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Сб. материалов. — Минск, 2013.
- Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / пер. с англ. — Х., 2013.
- Реконструкция субъективной реальности. Психология и лингвистика / пер. с англ. — Х., 2010.
- Stylistyka. — VI. — Ополе, 1997.

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- **Стиль газет и его новые структурные характеристики**
 - **Стиль медиа и его речевая технология**
 - **Стилевая концепция автора-журналиста**
 - **Коммуникативная практика массово-информационного общения**
 - **Тональность в медиадискурсе**
 - **Картина мира в медиадискурсе**
-
-

О стиле современных газет

О стиле газет писали и в 20-е годы XX в. (см. известные работы Г.О. Винокура, А.М. Пешковского), и во времена застоя, и перестройки. Пишут и в наши дни. Это объясняется важнейшей ролью газет в жизни общества и его языка. На каждом историческом этапе язык газет во многом определял состояние литературного языка, тенденции его развития. И в наши дни язык газет — это по существу модель национального языка. И анализ языка газет может показать, как развивается современный русский язык, каковы направления этого развития, тенденции, перспективы.

При значительном тематическом, содержательном и формальном разнообразии современных российских газет все же можно говорить и об их стиле, если иметь в виду самые общие их черты. Но возникает вопрос: что отнести к общим чертам? что выбрать для анализа? какой должна быть методика анализа?

Целесообразно, по-видимому, двигаться от крупных форм к малым, завершая исследование анализом языка. К крупным формам следует отнести прежде всего жанры. Система жанров, отражая социальное пространство, показывает контуры современной журналистики, а изменения системы намечают движение журналистики, обозначают направления ее развития. Любой жанр — это устойчивая форма выражения содержания, предопределяющая в самом общем виде его назначение, модальность, характер раскрытия содержания. Изменение же состава жанров или того или иного жанра позволяет судить о движении журналистики в целом.

По сравнению с советским периодом, когда система жанров была стабильна и практически неизменна, к настоящему времени она претерпела существенные изменения. Исчезли такие жанры, как передовая статья, международный обзор, обзор на внутренние темы. На грани исчезновения, во всяком случае резко сократилось поле их действия, очерк и фельетон. Все отражает изменения в обществе, тенденции развития современной журналистики.

Так, исчезновение передовой статьи связано с тем, что газеты утратили директивный, правоучительный характер. Современная журналистика стремится показывать реальность в ее очевидных, объективных параметрах, без назиданий, но с определенной политической установкой, прямо не выраженной.

Отсутствие обзоров на внутренние и внешние темы можно объяснить объективной сложностью задач, трудностью аналитического объединения различных событий и явлений, а также известной неактуальностью описываемых жанров. Современного читателя газет интересуют отдельные яркие события и факты, но связь их находится на периферии читательского внимания.

Фельетон утратил свое значение как самостоятельный остро сатирический жанр, но осталась фельетонность как стилистическое качество, уместное во многих материалах газеты. Фельетон остался в партийной журналистике прошлого с ее прямолинейным восхвалением передового, позитивного с точки зрения партии опыта.

В современных газетах трудно встретить очерк в его «чистом» виде. Не издаются, как прежде, книги очерков писателей, публицистов. Жанр теряет привлекательность, актуальность.

Все эти изменения обусловлены содержательно: ускорением темпа жизни, глобализацией социальных процессов и в журналистике ведет к резкому повороту от публицистичности к информационности. Объем публицистики в современных газетах сокращается, но существенно возрастает поток информации.

Публицистика в современных газетах не исчезает, но перемещается, как правило, на периферию — в приложения, как в «Независимой газете», в ту или иную специальную рубрику, например, «На свободную тему» в «Московском комсомольце». И в целом она приобретает спокойный характер, становится более рационалистичной, менее эмоциональной, хотя исключения возможны. На первый план выходят размышления, аргументы, обсуждение. Характерен в этом отношении эпиграф «Независимой газеты» — *Sine ira et studio*. «Без гнева и пристрастия» — это общая тональность современных российских качественных газет. И она соответствует устремлениям, тенденциям мировой журналистики, в которой факты, события четко отделяют от комментариев.

Вот характерный пример такой тональности — большой материал «Надо выплывать» («Новые известия» 26.10.2013). Речь идет о тяжелой ситуации, вызванной наводнениями в нескольких регионах России. Между тем сообщение о наводнениях дается спокойно, незэмоционально, безоценочно, почти в протокольном стиле — сообщаются лишь факты и источники информации. Вот начало материала:

Вчера в затопленном в результате обильных дождей Сочи был введен режим чрезвычайной ситуации, сообщили в пресс-службе МЧС России. В городе звучат сирены, людей просят не выходить на улицы, отменены занятия в школах и детских садах. Как сообщили в пресс-службе МЧС России, уровень воды в реке Сочи уже достиг критической отметки и вода продолжает прибывать со скоростью 6 тыс. кубометров в час. Вчера днем оказался залит участок трассы Джугба — Сочи, который был открыт для движения всего неделю назад. Мощный поток из реки Мзымта смыл пешеходный мост, также затоплено несколько жилых домов и несколько дорог, ведущих к олимпийским объектам. На фотографиях, которые выкладывают в Сеть местные блогеры, видны передвигающиеся по пояс в воде люди, а город стал в многокилометровых пробках.

Далее следуют элементы интервью, корреспонденции, статьи. Но главную роль играет интервью, пронизывающее весь материал. Автор ссылается на слова жителей, оценки практикующего психолога, социального психолога, волонтеров. Жанровую принадлежность материала определить трудно. Это соединение, сплав репортажа, интервью, корреспонденции, статьи, соединение, дающее общую многостороннюю картину события. При этом показательно стирание граней между публицистикой и информацией.

Однако публицистика не исчезает со страниц газет, хотя и сокращает свое присутствие. Она ищет новые пути. И главная новизна связана с взаимодействием жанров, различных стилистических начал, регистров. Вот, например, материал Матвея Ганапольского «Буду счастлив без памяти. О ком и о чем я хочу забыть» (Московский комсомолец. 26.09.2013). Речь идет о самых разнообразных негативных явлениях нашей жизни, выраже-

ны мысли остро, публицистично, литературно отточенно. Самая примечательная черта материала — речь от первого лица. Это делает текст эмоциональным, публицистичность которого усиливается благодаря повтору почти в каждом абзаце параллельных конструкций:

И я вот думаю, что я хочу забыть. И что хочу, чтобы мне внушили.

Начнем с Путина. Хочу забыть, что он «не исключает», что будет снова баллотироваться в 2018 году. <...>

Еще я хочу забыть Медведева. Хочу забыть президента, который много наобещал, но ничего не сделал. <...>

Дальше. Хочу забыть Навального, а вместе с ним и всю оппозицию.

Я хочу все это немедленно забыть, потому что гимн — это не уличная девка, а великая песня о стране, которая не зависит от ее политического устройства и сиюминутных интересов.

Оценочность языка тесно соединяется с ироничностью, фельетонностью. Автор не прямолинейно бичует пороки. Благодаря художественному приему (открытие нового гена позволяет заменить неприятные воспоминания более приятными) критика, не теряя остроты, приобретает игровой, литературный характер. Личность изложения, а также тщательная литературная отделка сближают материал М. Гананпольского с эссе.

Таким образом, публицистика в газетах, сокращаясь в объемах, растворяясь частично в информационных материалах, уходит на периферию — в специальные рубрики, приложения и т.д. Главное же отличие современных газет — преобладание информационной функции.

Аудитория СМИ ждет от журналистов прежде всего информации, новостей. Глобализация, формирующееся информационное общество ведут к возрастанию роли информации во всех сферах жизни. И естественно, особенно значительной она становится в средствах, непосредственно предназначенных для передачи сообщений, в частности в газетах.

Современная газета — это поставщик прежде всего новостей. И именно новости ищет читатель в газете. В условиях насыщения

(и даже перенасыщения) информацией (телевидение, радио, Интернет) новости становятся главной заботой газет. Необходимо оперативно и эффективно подать новость. Вторая задача — ее прокомментировать. В зависимости от важности новости комментарий может быть большим или меньшим, более или менее публицистическим.

Информационность современных газет проявляется и чисто в количественном отношении. Если взять любую качественную газету, например «Московский комсомолец» от 25.09.2013, то окажется, что информация (заметки, корреспонденции, репортажи, интервью) составляет значительный процент, а публицистике отводится довольно скромное место: обычно это рубрика «Свободная тема», авторы которой размышляют о злобе дня, выражая свое мнение в публицистической форме.

Аналогичная картина наблюдается и в других качественных газетах. В «Независимой газете» информация также занимает главенствующее место. Преобладают крупноформатные материалы смешанной жанровой природы. «Новые известия» также имеют подчеркнuto информационный характер. Все материалы газеты проникнуты духом информационности — воспринимаются как комментарии к актуальным событиям, свежим новостям. Наречия «сегодня», «вчера» открывают чуть ли не каждый материал.

Информационность как ведущий фактор развития современных газет проявляется в том, что их содержание определяется информационным поводом. Попадают в газету прежде всего материалы, откликающиеся на злобу дня.

Общественный интерес к информации настолько велик, что ответом на этот общественный интерес можно считать появление чисто информационных газет, например «Вечерняя Москва», «Метро». Аналогичный процесс захватывает и другие СМИ (телевидение, радио).

Тяга к информации в ущерб публицистике объяснима ускорением темпа современной жизни, конкуренцией Интернета, где новости появляются чуть ли не одновременно с событиями, которым эти новости посвящены. Современная пресса вынуждена быть мобильной, оперативной, прежде всего новостной, чтобы сохранить свой престиж, интерес у читателей.

Информационность как ведущий принцип современных газет проявляется не только содержательно, но и формально — определяет форму подачи материалов. Это касается прежде всего заголовков. В ведущих качественных газетах складывается сходная эффективная система заголовков, точнее, заголовочных комплексов, призванных точно, кратко, эффективно передать содержание материала.

Обычно заголовочный комплекс строится следующим образом: заголовок (дает общее название материала); подзаголовок (конкретизирует заглавие); лид (своеобразный конспект содержания). Приведем несколько примеров.

ОПАСНЫЙ ПАССАЖИР

Депутат Андрей Исаев угрожал членам экипажа
самолета «Аэрофлота»

В то время, когда в Госдуме рассматривается законопроект об ужесточении наказания для авиахулиганов, в центре очередного скандала, случившегося на борту самолета, оказался один из депутатов, видный партийный функционер «Единой России» Андрей Исаев. При посадке на рейс Петербург — Москва был отстранен от полета его помощник Александр Поглазов. В ответ на это парламентарий принялся кричать на стюардесс и угрожать им увольнением. В «Единой России» назвали инцидент крайне неприятным и пообещали серьезную партийную реакцию на произошедшее (Новые известия. 10.10.2013).

ЗА ОДНОГО БИТОГО...

Нидерланды частично извинились за инцидент с российским
дипломатом

История, случившаяся с сотрудником российского посольства Дмитрием Бородиным (на фото) в Гааге, все более запутывается. Представители правительства Нидерландов не спешат ни подтверждать, ни опровергать версию случившегося, изложенную самим дипломатом и российским Министерством иностранных дел. При этом голландцы принесли извинения России, но лишь за допущенное правоохранительными органами этой страны нарушение Венской конвенции, а не за сам факт избиения дипломата. Особенно неприятно вся эта история выглядит на фоне

ожидавшегося 9 ноября визита короля Нидерландов Виллема-Александра на церемонию закрытия года Нидерланды-Россия в Москву (Независимая газета. 26.09.2013).

4000 ДЕТЕЙ ОСТАНУТСЯ В ДЕТДОМАХ

В Кузбассе иностранцам запретили усыновлять сирот

Кемеровские областные депутаты воплотили в жизнь мечту депутатов федеральных. Последние осмелились на запрет усыновления российских сирот только в отношении американских приемных родителей, а совет народных избранников Кемеровской области запретил усыновление детей из своего региона для жителей любых иностранных государств. Местный кемеровский закон противоречит федеральному, но депутаты готовы отстаивать его до конца (Московский комсомолец. 26.09.2013).

Как видим, модель заголовочного комплекса уже сложилась, и она, как правило, одинакова во всех ведущих газетах. Главная его функция — точно и кратко передать основную информацию. Читатель должен получить представление о содержании материала. И он может ограничиться просмотром заголовочных комплексов и выборочно читать тот или иной материал полностью. Если раньше (преимущественно в советское время) нередко использовались так называемые интригующие заголовки, которые призваны были «завлечь» читателя, вызвать у него желание прочесть материал, то сегодня, если такие заголовки и встречаются, то тут же обычно раскрывается их содержание, например, в «Новых известиях» (26.09.2013): заголовок «Проверка на вшивость». И далее в подзаголовке: «Санитарные нормы в колонии, где сидит Надежда Толоконникова, действительно нарушаются, подтверждают правозащитники». Здесь игровое начало подчиняется информационному. Журналист не заигрывает с читателем, но ведет с ним серьезный разговор.

Интересно отметить чисто языковую черту анализируемых комплексов — двусоставные предложения в них преобладают над односоставными номинативными, что подчеркивает актуальность, действенность происходящих процессов. Двусоставные предложения в качестве заголовков усиливают, обнажают информационную функцию материалов, приближают описываемые события к читателю.

Усиление информационной функции выступает как главный фактор изменения и развития системы газетных жанров. Стремление получить как можно более полную информацию заставляет журналистов обращаться к разным источникам, а следовательно, к разным жанрам. Каждый жанр специализируется на той или иной форме подачи содержания, выделяя определенный аспект информации. Однако при необходимости охватить в одном материале всю информацию в целом, все ее стороны приходится обращаться к разным жанрам. Репортаж придает тексту модальность очевидности, непосредственности, личного присутствия журналиста на месте события. Статья вносит элементы анализа, интервью — постороннее авторитетное мнение. Именно целостная лаконичная информация необходима современной газете. Стремительный темп жизни заставляет сжимать и объединять традиционные газетные жанры.

Рассмотрим в качестве примера материал Владимира Скосырева из «Независимой газеты» от 26.09.2013:

США ПРИЧАСТНЫ К УНИЧТОЖЕНИЮ 300 ТЫСЯЧ БЕНГАЛЬЦЕВ

О геноциде напомнил суд в Бангладеш

В Бангладеш суд приговорил политика-исламиста к смерти за военные преступления, совершенные в 1971 году. Вердикт вызвал противоречивые отклики внутри страны и за рубежом. Но он напомнил о трагедии, постигшей миллионы бенгальцев во время войны за независимость. Тогда пакистанским генералам и их местным приспешникам, подавлявшим восстание, оказывал военную и дипломатическую помощь Вашингтон. Цель состояла в том, чтобы наказать Индию, которую рассматривали как партнера СССР.

Таков заголовочный комплекс. Сам материал представляет собой тесное объединение элементов разных жанров. Начинается он как репортаж: «В Народной Республике Бангладеш, стране со 150-миллионным населением, состоялся суд над одним из лидеров местной исламистской партии “Джамаат-и-Ислами”». Далее излагается история события, перемежаемая авторскими комментариями, оценками его политиками, ученым (элементы интер-

вью используются довольно широко). В материале объединяются элементы репортажа, корреспонденции, статьи, интервью. Но ведущая роль принадлежит репортажу, ср.: «Автору этих строк довелось передавать в газету репортажи о той войне. Помнится, на освобожденной индийской армией территории донельзя худые мужчины показывали пепелища, где раньше стояли дома, и подводили к могилам-горкам черепов, лежавших на голой земле». Репортажное начало и связанное с ним авторское «я» скрепляют, тесно соединяют разножанровые по происхождению фрагменты материала.

Современная журналистика по преимуществу информационная. И это многое меняет в системе жанров газет. Она меняется в направлении информационности, усиления личностного начала (авторского «я»). Журналиста не сковывают, не сдерживают рамки «старых» жанров. Он свободно, руководствуясь лишь творческим замыслом, сопрягает, соединяет элементы разных жанров. Выше говорилось об исчезновении некоторых жанров. Но они не исчезают полностью. Элементы их встраиваются в жанровые структуры, еще четко не оформившиеся. Но в которых усиливается, главенствует репортажное начало.

В условиях формирования новых жанров, когда «старые» жанры претерпевают изменения, взаимодействуют, большую роль приобретает авторское «я», личностное начало. Оно выполняет функцию объединения внешне разнородных элементов. При этом первоначальная форма изложения далека от публицистичности, эмоциональности. Она выполняет скорее техническую, чем стилистическую функцию.

Можно полагать, что процесс взаимодействия, взаимопроникновения жанров — главная черта развития современных газет. Современный период можно определить как переходный. Формируется новая система жанров, основанная на новых принципах. Результаты же этого процесса принадлежат будущему. Мы можем констатировать лишь тенденции. И главная тенденция — это конвергенция жанров, происходящая под знаком усиления информационной, репортажности.

С конвергенцией жанров связано развитие языка газеты. Трудно сказать, взаимозависимы ли эти процессы или протекают па-

раллельно. Но так же, как ослабляются перегородки между жанрами, уменьшаются, сглаживаются стилистические различия между традиционно разными пластами лексики. Различно окрашенная лексика свободно включается в язык газеты, особенно в информационных жанрах. При этом единственным критерием служит синхронность, тождество номинации. Стилистическая же окраска отходит на второй план. Характерный пример:

Проверку по поводу инцидента в метро, где в субботу машинист Александр Морозов выпал из поезда, проводят правоохранители. Руководство сабвея склоняется к версии, что мужчине стало плохо.

Как уже сообщал «МК», на станцию «Рязанский проспект» со стороны «Кузьминок» в 22.33 приехал поезд без машиниста. Работник подземки Александр Морозов выпал из кабины прямо на ходу и погиб от полученных травм. Версий случившегося было несколько — от суицида, проблем с сердцем до самых невероятных — мол, человеку приспичило по малой нужде (Московский комсомолец. 22.10.2013).

Нейтральное *метро*, разговорное *подземка*, варваризм *сабвей* употребляются как равноправные обозначения, несмотря на стилистические различия.

Еще пример:

А в будущем планируется всех столичных полицейских переселять в современные стеклянные здания. Проект новых околотков уже разработан и будет презентован широкой общественности ко Дню полиции (Московский комсомолец. 19.10.2013).

В толковом словаре Д.Н. Ушакова слово *околоток* дается с пометой *дореволюц.*: 3. `Подразделение полицейского городского участка`. В тексте заметки этот историзм используется без всяких оговорок.

Источники лексики, включаемой без ограничений в язык газеты, весьма разнообразны: это и жаргоны, и разговорная речь, просторечие, и устаревшая лексика. Иногда учитывается сти-

листическая окраска слова¹², но чаще журналиста заботит лишь лексическое разнообразие, стремление не повторять одно и то же слово. И к разным стилистическим пластам он относится как к равноправным источникам. Языковое сознание журналиста не сковано представлением о жестких рамках функциональных стилей, стилистических разграничений.

Фактически речь идет об изменении стилистической структуры языка газеты, СМИ, а вслед за ними и литературного языка. Если исходить из традиционной стилистической структуры языка — «высокий — средний — низкий» стили, то в русском литературном языке происходит перераспределение языковых средств: высокий теряет свои позиции, на первый план выходит средний, интенсивно насыщающийся единицами низкого стиля.

Этот процесс характерен для всех европейских языков. «Во всех современных обществах, — пишет А. Мустайоки, — происходит процесс “онароднивания” (vernaculation) языка: официальный, ведомый всем язык становится менее официальным. Особенно ярко это проявляется в массмедиа. Не только в устные формы, но и в письменные жанры СМИ проникают элементы разговорной речи» [Мустайоки 2013: 7].

Процесс демократизации — главный в развитии языка СМИ. Находящийся в центре литературного языка, язык СМИ оказывает решающее влияние на его состав, качества, формирование литературных норм и языковых вкусов. Основной же результат воздействия — расширение границ литературного языка. Настоящее время можно определить как переходный этап в развитии языка СМИ и литературного языка. Исчезают перегородки между жанрами СМИ, жанрами литературы, происходит выравнивание язы-

¹² Ср., например, ироническое использование устаревшего слова *лепота*: «Таким образом, и Дмитрию Анатольевичу должно быть не обидно. И у Владимира Владимировича руки оказываются развязанными. Теперь у него появится возможность назначить премьера себе по вкусу. Лепота, вам не кажется?! Жалко, конечно, что в Кремле так и не смогли придумать менее затратного способа смены премьера. Мне страшно даже представить, сколько времени, условий и денег будет потрачено на слияние двух судов. Но в России, как известно, не принято задумываться о таких “мелочах”» (Московский комсомолец. 18.10.2013).

ковых форм. Во что выльется этот процесс, говорить пока трудно. Можно вести речь лишь о тенденциях. Главная же тенденция — увеличение средств выражения, расширение границ литературного языка.

Литература

Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. — 2013. — № 5. — С. 3–27.

В.И. Ивченко
(Белорусский государственный университет)

Публицистический стиль, текст и дискурс

В языке представлена картина мира и выражены глубинные структуры социального бытия, отражена жизнь человека. Язык является формой знаний о действительности, которые аккумулируются в нем для передачи следующим поколениям. Научный поиск современности все чаще определяется семиотической связью между явлениями жизни, презентацией их в языке не только на интралингвистическом уровне, призванном обеспечивать технологическую функцию коммуникации, но и на уровне иллокутивных сил, включающих многочисленную гамму речевой деятельности.

Выдвижение на первый план сфер научного познания, вытекающих из совокупности исследований по теории журналистики, лингвистике, антропологии, когнитологии, философии, диктуют новые подходы к продукту интеллектуальной деятельности человека — тексту. Они основаны не на распознавании структурных элементов, компоновке текста, а на системном взаимодействии вербального знака с другими знаками естественного мира и определении природы такого взаимодействия.

Журналистский текст в таком преломлении выступает в качестве своеобразного барометра изменений жизни общества, оперативно отражает их. В силу экстралингвистических влияний (оперативность распространения, массовость и др.) в медиатексте прослеживаются эволюционные сдвиги в синтагматике языковых знаков, творчески реализуются парадигматические возможности языка. Журналист, создавая авторский текст, декодирует действительность.

Процесс познания текста, его производства, планирования, проектирования и понимания базируется на основном постулате медиатекстовой реализации — на тесной связанности вербального акта и социального действия. Например, публицистические тексты отличаются необыкновенной широтой тематики, они могут касаться любой темы, попавшей в центр общественного внимания.

Это естественным образом влияет на журналистскую речь: возникает необходимость включаться в сферу специальной лексики, требующую пояснений, а иногда и развернутых комментариев. В то же время ряд тем постоянно находится в поле зрения общественного внимания. Лексика, относящаяся к этим темам, приобретает публицистическую окраску. Формируется слой речевых единиц, характерных для публицистического стиля, коммуникативная предназначенность которого способствует возникновению своеобразного тезауруса. Последний определяется не жанрово и не функционально, а социальной обусловленностью коммуникации, которая становится важным механизмом в становлении индивида как социальной личности, проводником установок социума. Можно сказать, что в роли социального процессора журналистский текст служит формированию общества в целом, играя при этом связующую роль в жизни коммуникантов.

Структурные единицы языка, вступая в системные отношения друг с другом, приобретают функциональную окраску, раскрывают возможность проявления языкового знака в лингвистической картине мира. Если связанность и целостность текста как структурной единицы речи привлекали внимание исследователей в начале XX в., то текст как фрагмент действительности вызывает пристальный интерес исследователей наших дней. Можно сказать, что исследование языковых единиц на протяжении двух последних веков эволюционировало от изучения слова к изучению сложного синтаксического целого (сверхфразового единства, прозаической строфы), что в итоге привело к основному интересу лингвистики XX в. — тексту, которое сегодня обогащается новым содержательным наполнением, перевоплощаясь в одно из центральных понятий многих научных направлений — дискурс.

Сегодня языковедческая наука все чаще прибегает к попыткам включить в свое проблемное поле основы теоретической журналистики. Замкнутая в рамках интралингвистического объекта изучения, лингвистика прошлого только со второй половины XX в. распространяет научные интересы на «смежное существование» текстовых организаций. Так, в 60-х годах прошлого века рождается направление лингвистических исследований — лингвистика текста, объектом которой становятся закономерности и приемы построения связного текста и его смысловые категории. Первый

этап ее формирования характеризуется вниманием к способам сохранения связности, речевой спаянности текста, к формальным конструктам текстовой организации. Однако с течением времени лингвистика текста характеризуется расплывчатостью своего онтологического статуса, в ней постепенно нарастает оперативный инструментарий несобственных лингвистических исследований. В ракурсе выявления фона знаний, общего для адресата и адресанта, картины мира, без единства которой текст будет замкнутым, она приближается к прагматике, психолингвистике, теории риторики, тесно смыкается со стилистикой, воздействуя на нее и открывая в ней новые координаты. При внимании к глубинным смыслам лингвистика текста граничит с герменевтикой и теорией коммуникации.

Белорусской языковедческой науке XX в., особенно академической, свойственна традиция дескриптивной лингвистики. Причиной тому явилась методология диалектологической школы: исследования белорусских ученых-диалектологов прочно вошли в теорию славянского языкознания. Сильными были лексикологические и лексикографические школы. На фоне советского языкознания в нетрадиционном для того времени направлении начала формироваться стилистика публицистических жанров (М.Е. Тикоцкий) — симбиоз филологической науки, в которой органично соединились достижения лингвистики, литературоведения и журналистики. Именно она дала почву для исследования текста СМИ как дискурса.

В белорусской филологии формируется новое направление, которое вытекает из следующего постулата: текст — это не простая лингвистическая единица, а явление человеческой деятельности, коммуникации и познания. Отсюда стало важным показать механизмы действенной интерпретации текста в системе реальных ситуаций. До этого текст рассматривается как воплощение индивидуального творчества, потенциал которого заложен в инструментальной стилистике. В последней удачное применение нашла речь как право на выбор. «Каждое высказывание, — писал М. Бахтин, — причастно “единому языку” (центростремительным силам и тенденциям) и одновременно социальному и историческому разноречию (центробежным, расслояющим силам). Это — язык дня, эпохи, социальной группы, жанра, направления и т.д.

Можно дать конкретный и развернутый анализ любого высказывания, раскрыв его как противоречивое напряженное единство двух противоборствующих тенденций языковой жизни. Подлинная среда высказывания, в которой оно живет и формируется, — диалогизованное разноречие, безымянное и социальное как язык, но конкретное, содержательно-наполненное и акцентуированное как индивидуальное высказывание» [Бахтин 1975: 85—86]. Формирование стилистики как самостоятельного раздела науки о варьировании языка приходится на первую треть XX столетия. Все дальнейшие устремления лингвистов были направлены на раскрытие ее потенциала. После «Французской стилистики» Шарля Балли (1909 г.), которая стала широко известна советскому читателю лишь в 1961 г., стилистика приобрела приоритетные масштабы. И прежде всего в области исследования языка художественной литературы, что было естественной эволюцией к изучению текста как сложного коммуникативного явления, которое в наше время рассматривается в качестве «речевого фрагмента, погруженного в жизнь».

Познавшая в XX в. расцвет, стилистика начала нынешнего столетия претерпевает существенные изменения. Сегодня реализуется деятельностный подход к тексту как инструменту коммуникации, особое внимание обращается на экстралингвистические факторы языковой личности автора и адресата «вне текста». Это дает право говорить о коммуникативной стилистике. В таком случае очевидной становится роль стилистики в становлении новой коммуникативно-когнитивной лингвистической парадигмы. Смена последней была предначертана в концепции М. Бахтина: «Стилистика в большинстве случаев предстает как стилистика комнатного мастерства и игнорирует социальную жизнь слова вне мастерской художника, в просторах площадей, улиц, городов и деревень, социальных групп, поколений, эпох. Стилистика имеет дело не с живым словом, а с его гистологическим препаратом, с абстрактным лингвистическим словом на службе у индивидуального мастерства художника. Но и эти индивидуальные и направленные обертоны стиля, оторванные от основных социальных путей жизни слова, неизбежно получают плоскую и абстрактную трактовку и не могут быть изучаемы в органическом единстве со смысловыми сферами произведения» [Бахтин 1975: 73]. Нигилизм

в отношении традиционной стилистики растет, что имеет онтологические корни.

Стилистика близка к лингвистической семиотике и прагматике, теории речевого воздействия и теории языкового варьирования. Однако она с инструментарием эстетически маркированной речи не могла не найти выхода в исследование противопоставленных вариантов языкового выражения, где фиксируется одно и то же внеязыковое содержание, но при этом дополнительно сообщается об отношении говорящего к коммуникативной ситуации, к содержанию высказывания, к адресату и самому себе. Стилистические варианты рассматриваются с точки зрения их образования, сферы употребления и принципов отбора в зависимости от целей речевой ситуации. Стилист изучает целостные речевые образования и, несомненно, выходит на уровень текста. В этом русле постепенно формируется научное представление о тексте как дискурсе.

В середине 1970-х в лингвистике текст переосмысливается как коммуникативный процесс, поэтому лингвистика от статичного переходит на так называемый динамичный, процедурный подход. Например, журналистский текст в таком приближении занимает особое место и имеет исследовательские приоритеты в русле дискурсного анализа, системно включающегося в научную биографию лингвостилистики.

Сегодня становится очевидным, что в современной стилистике намечаются иные тенденции, нежели в XX в. «Значение стилистики обнаруживается и в углубленном специальном изучении проблем взаимодействия лингвистического и экстралингвистического, в том числе, например, проблемы связи языка/речи и мышления, влияния на речь и ее типологию различных социальных факторов. Заметим, что с применением стило-статистических методов удастся довольно убедительно доказать влияние тех или иных конкретных экстралингвистических факторов на стиль речи, и при этом на определенные его черты» [Кожина 2012: 63].

В связи с этим участвовавшие сомнения по поводу «нужности» стилистики обречены. Развитие ее функциональной природы позволяет расширить диапазон исследований, связанных с включением в стилистическую проблематику ранее даже не предполагаемых аспектов: «С развитием диахронического аспекта

функционально-стилистических исследований в сочетании с использованием данных и методов гносеологии, психологии, социологии, науковедения и т.п. создается возможность не абстрактно в общетеоретическом плане, а конкретно изучать проблемы взаимодействия языка/речи и мышления, различных «типов рациональности» (или стилей мышления) в истории развития общества. Кроме того, глубже понять и описать, например, законы построения, развертывания и интерпретации смысловой структуры научного текста» [Кожина 2012: 63].

Стилистика, несмотря на сравнительно недавнее оформление в самостоятельную науку, глубоко исторична. Вышедшая из риторики и пройдя сложный путь сосуществования с другими науками, она получила немало научных интерпретаций и практик. Связь стилистики и риторики дуалистична и изменчива. Риторика еще в Античности становится дисциплиной каталогизаторского типа и затем растворяется в стилистике, передает последний арсенал правил и приемов построения текста. На фоне сложных социальных потрясений, когда на смену рабовладельческим демократиям Греции и Рима пришли тирания, монархии и империи, риторика приходит в упадок.

Вспомним, что древность не знала современной системы правления, власть в государстве принадлежала только тем членам правящего сословия, которые являлись в сенат. Например, в древнем Риме центром общественной жизни был народный форум — площадь в центре Рима, служащая местом для массового общения. Хороший оратор выразительной речью мог решающим образом повлиять на государственную политику. Больше всего простора для развития красноречия (вербалистики) предоставлял демократический строй. И действительно, два периода расцвета античного красноречия приблизительно совпадают с двумя периодами подъема рабовладельческой демократии. В Греции это V—IV вв. до н.э., в Афинах — время от Перикла до Демосфена; в Риме это I в. до н.э., время Цицерона. И у греков, и у римлян сила слова была возведена в абсолют. Считалось, что как на войне римлянин служит своему отечеству с оружием в руках, так в мирное время он служит ему речами в сенате и народном собрании. «*Vir bonus, dicendi peritus*» («достойный муж, искусный в речах») — таков идеал древнего римского оратора. Идеал красноречия был тесно связан

с политическим идеалом. И когда в странах, завоеванных Александром Македонским, выросли огромные греко-македонские монархии, а центры экономической, политической, культурной жизни сдвинулись на Восток — в Александрию, Антиохию, Пергам, городские республики старой Греции начинали ослабевать. Последствия этих политических изменений не замедлили сказаться и на красноречии. Пока Греция была свободной и сильной, ведущую роль играла политическая оратория; с упадком политической жизни в греческих городах возобладало торжественное красноречие. Это означало серьезные изменения во всей системе античной риторики, что впоследствии привело к ее упадку. Задачей политической речи является убедить слушателя, торжественной — понравиться публике. Торжественная речь ищет пафоса, изысканности, пышности, блеска, появляются редкие слова, вычурные метафоры, изощренные антитезы, хвалебные эпитеты и проч. То, что не стало прогрессом для риторики, стало расцветом для стилистики. Последняя с того времени приобретает статус тонкой языковой материи, на которой можно создавать шедевры словесного искусства. Риторика дала начало стилистике и тем самым, образно говоря, подписала себе приговор: быть надолго забытой и невостребованной, до построения информационного общества...

Символично, что народный форум древности своеобразно эволюционировал в тематическое общение на современном интернет-форуме, как и то, что катоновский идеал «*Vir bonus, dicendi peritus*» сегодня вернулся в вербальную практику современника.

В XXI в. человек погружен в фокус текста, в чем наглядно выражается многовекторность коммуникативного взаимодействия: через разные аспекты социальной деятельности носителя языка раскрывается локальная когерентность его с текстом. Особенно это касается таких сфер, как культура, образование, коммуникация. Просветительская роль, некогда принадлежащая литературе, являющейся на протяжении веков мощным инструментом формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества, постепенно переходит к СМИ. И если раньше к журналистскому материалу можно было быть снисходительным, представляя в нем (вслед за Г. Винокуром) «грамматический каркас», заполнить который мог мало-мальски образованный человек, то сегодня можем говорить не столько об информационном продук-

те, сколько о произведении конкретной пишущей личности. Это не означает, что современный журналист стал писателем, а журналистика сама превратилась в писательство. Журналистика транслирует не только уже давно сложившиеся предпочтения общества, а стала предлагать (и довольно успешно) новые ценностно значимые ориентиры. Справедливо говорят о том, что современный мир стал медиацентричен.

Современные СМИ доминируют на всех уровнях структуры социума, формируя таким образом медиадискурс, в котором представлена картина мира — специфический способ восприятия, интерпретации событий и явлений; фундамент, опираясь на который, человек действует в мире. Построение текста и протекание информационного процесса приобрели ярко выраженный технологичный характер, диктующий свои нормы, свою перцептику и многообразие новостных потоков. Это происходит на фоне расширения платформы социальных сетей, ведущих к разного рода потрясениям в мировом сообществе: от «революций через социальные сети» и «болотных революций» до кровопролитий незатухающей «арабской весны». Интернет способен взорвать мир, как это случилось с «исламским миром». Мир, кажется, впал в эйфорию призрака-симулякра, дающего человеку прекрасную возможность самовыражения, которое также имеет феноменальные свойства — быть правдивым или ложным, эксплицированным или представленным имплицитно. Справедливо мнение о том, что социальные сети работают по типу воронки: попавшие в нее идеи могут интерпретироваться и разрастаться до банальной диффамации, и, как результат, воплощение идеи уже не зависит от своей сути...

Следует признать тот факт, что в истории вербалистики человек еще никогда не был так востребован в общении, как сегодня: мы действительно стали «всемирной глобальной деревней» (М. Маклюэн), в которой люди, волей или неволей рождаясь в ней и умирая, все чаще и основательнее вторгаются в жизнь друг друга, рассуждая обо всем увиденном и услышанном, любя и ненавидя, радуясь и огорчаясь, создавая тем самым новую социологическую структуру и формируя своеобразную стилистику мнений. И частые сегодня призывы к отречению молодежи от социальных сетей равносильны запрету думать, высказываться, жить.

В таких экстралингвистических условиях стилистика приобретает новое дыхание, становясь trampлином для творческого поиска ресурсов изобразительности речи. Определяя сферу стилистики, исходят из того, что значение языкового выражения не сводится к чисто концептуальному, предметному, референциальному содержанию. Описание его (содержания) сопровождается множеством дополнительных, неконцептуальных смысловых оттенков. В большинстве случаев это заложено на семантическом уровне в тропах. И если еще со времен античной риторики мы используем их арсенал, номенклатура которых составляла около двухсот единиц, то сегодня мы не можем зафиксировать хотя бы один новый вид таковых. Метафора, эпитет, метонимия, синекдоха и проч. переданы нам из глубины веков. Пополнить этот арсенал современнику чрезвычайно трудно, так как новый вид того же тропа (как типа семантического переноса) мог появиться только при высокочастотной вербальной практике, основанной на творческом поиске.

Методика стилистического анализа определяет способы и приемы организации текста, предполагает выявление и описание каждой микроструктуры — совокупности речевых средств в соответствии с их языковым (вероятностным) воплощением. В этой связи актуализированы семантические процессы, происходящие в наше время. Их изучение может проходить в русле дискурсного анализа, воплощение которого находим в генерализации текста как сложного коммуникативного явления, иерархии знаний.

Стиль и дискурс базируются на одном фундаменте — парадигме коммуникации, что позволяет реализовать исследовательскую программу: функционирование массового информационного продукта выражается через призму его социального действия и когнитивной сущности. Дискурс ориентируется на установки динамичной, «процедурной» стилистики. Языковой факт в последней и онтологически, и эпистемически есть продукт человеческой деятельности. Семантика дискурса не является автономной: недостаточно знать только значения вербальных символов. Вступает в силу суммарное познание мира, становится необходимым когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках ментальной модели.

Субъективное представление о семантической связанности дискурса может определяться тем, что такие знания должны быть

эффективно организованы в особые кластеры, содержащие в себе общедоступную для общества конкретную информацию о стереотипном варианте какого-то эпизода. Носитель языка обладает важной способностью определять, о чем написан текст, он в состоянии обнаружить и резюмировать довольно точно сложные информационные стратегии сообщения, активизировать модель реальной ситуации, которая формируется из элементов социального опыта, других информационных источников, вывести общую тематическую структуру с какой-то конкретной ситуационной модели. Однако он не в силах предугадать стилистику конкретной личности, создающей текст, мотивации, которые управляют действиями и установками автора. Знания, убеждения, установки, владение ситуацией, все другие типы общей информации приобретаются, используются и меняются в различных социальных контекстах.

Таким образом, публицистический стиль как совокупность функциональных текстов и форма дискурса выступает прежде всего в событийном аспекте, как «речь — целенаправленное социальное действие» и предстает в дискурсной концепции в качестве сферы специфической социокультурной деятельности, основанной на специфических структурах-сценариях, выработанных практикой общения, взаимодействием общества со СМИ.

Литература

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М., 1975.
Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 2012.

В.И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Разновидности русской речи в СМИ и категория стиля

Tout dans le detail.

При знакомстве с новыми работами по стилистике невольно обращаешь внимание на то, что появляется все больше работ, которые посвящены чисто теоретическим проблемам стилистического учения при полном отсутствии анализа реального речевого материала. За этим, казалось бы, чисто внешним признаком скрывается серьезная проблема: начинает складываться впечатление, что стилистика поменяла объект исследования. Авторы переходят к изучению самой стилистики как науки, создавая отвлеченные и весьма умозрительные теории стилистики и отодвигая при этом на задний план собственно изучение речи. Для сравнения заметим, что, например, в работе В.Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» [Костомаров 1971], одной из наиболее интересных работ, посвященных изучению речевой практики СМИ, проблема теории стиля вообще остается в стороне. Автором предложен принцип описания речевого материала на основе концепции речевого поведения, соответствующей этой разновидности русской речи. Автор идет от реальной речевой практики к созданию необходимой для ее осмысления теоретической концепции.

Попытаемся, следуя обозначенному уже тогда принципу, посмотреть на сегодняшнюю речевую практику СМИ, акцентируя внимание на разнообразии сложившихся здесь разновидностей русской речи. Для этого вначале попытаемся ответить на вопрос: где и в каком аспекте целесообразно использовать термин *публицистический стиль* для описания речевой практики СМИ?

В последние годы круг проблем, которые осмысливаются как стилистические или имеющие прямое отношение к стилистике, столь расширился, что использование термина *стиль* стало вызывать некоторые трудности. Читая слова *стилистика*, *стили-*

стический, мы не всегда можем сразу определить, о чем идет речь. Положение стало усугубляться, когда к слову *стилистика* стали добавляться те или иные прилагательные, далеко не всегда свидетельствующие о появлении стилистики нового типа.

Попытаемся внести небольшую долю упорядоченности в употребление термина *стиль* применительно к речевой практике СМИ, надеясь лишь на понимание нашей точки зрения и несколько не претендуя на то, чтобы считать ее единственно верной или предпочтительной.

Одним из источников формирования содержания категории *стиль* является эстетика. Категория стиля в этой науке имеет статус одной из базовых категорий. Эстетика дает нам ясное представление, что понятие стиля выходит за пределы филологической науки. В широком плане стиль имеет культурологический смысл, через стиль выявляется качество культуры. Та же эстетика говорит нам, что стиль является воплощением соответствующего конструктивного принципа и выявляет функциональные особенности предмета или явления [Борев 1997: 413—415]. Эстетика четко обозначила, что существование стиля обусловлено наличием концепции этого стиля (или иначе конструктивного принципа) и соответственно связано с идеей функциональности, которая и позволяет выявить качественную специфику объекта.

Попытаемся спроецировать данный подход к стилю в сферу исследования русской речи в СМИ, обращая внимание на ее качественное разнообразие в аспекте функциональности. Исследователи отмечают принципиальную разнородность имеющегося здесь речевого материала, противопоставляя два полюса этого многообразия. Использование номинации газетно-публицистический, пишет Г.Я. Солганик, «характеризует наличие в публицистическом стиле двух подстилей — газетно-информационного и собственно публицистического» [Солганик 2003: 312]. Если говорить о собственно публицистическом подстиле, имея в виду обозначенные выше общие принципы формирования содержания категории *стиля*, то, как нам кажется, одна из наиболее удачных характеристик публицистического стиля была дана Т.И. Поповой. Автор усматривает следующие отличительные особенности публицистических текстов: «все они носят воздействующий характер, связанный с созданием у читателей

(зрителей) определенного отношения к передаваемой информации; пишутся в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей; отличаются тенденциозностью, т.е. журналист сознательно ставит свой текст на службу той или иной идее; обладают ярко выраженным субъективным началом; воспринимаются читателями (зрителями) как определенный эталон речи, поэтому создаются журналистами с установкой на демонстрацию речевого мастерства» [Попова 2006: 128—129].

При чтении газет и журналов легко заметить, что под данное определение попадает лишь незначительное количество текстов, созданных средствами массовой информации. Сюда, безусловно, следует отнести, комментарий в его традиционном виде, современную колумнистику, а также очерковые тексты. Вот образец публицистической речи в узком ее понимании, соответствующем приведенному толкованию:

У российского актера Жерара Депардье в центре Парижа украли скутер. Это не может не взволновать любого россиянина. Ему нечего было просто даже соваться в Париж. Еще легко отделался.

Сидел бы спокойно в своем Саранске, ничего бы не произошло. Так нет, всем в Париж надо. В Париж со своим скутером — все равно что в Тулу со своим самоваром. Вот и он выбрался. А там его уже ждали.

В Грозном и вовсе тишина. Преступность сведена на нет общими усилиями. В Грозном Жерар Депардье мог бы безо всякой опаски кататься на скутере хоть круглые сутки. Тем более что Рамзан Кадыров теперь просто обязан подарить ему скутер. Именно после того, как у Жерара Депардье украли его в Париже. Этот жест доброй воли будет выглядеть очень логичным и достойным.

К тому же на скутере с чеченскими номерами можно и по Парижу кататься. Скутеры с чеченскими номерами, как известно, не воруют (А. Колесников. Коммерсантъ FM. 27.03.2013).

Одновременно с этим мы можем легко указать на множество текстов, соответствующих номинации газетно-информационный подстиль. Возьмем в качестве примера текст из информационно-

го агентства или делового издания, содержащий официальную информацию:

Владимир Токарев назначен главой Госстроя, при этом он сохранил должность заместителя главы Минрегиона, сообщает Минрегион.

Федеральное агентство по строительству и ЖКХ (Госстрой) воссоздано в мае 2012 г. в рамках реструктуризации правительства после вступления в должность президента Владимира Путина. Агентство находится в подчинении Минрегиона. Первым его руководителем стал в июле Владимир Коган, однако в декабре он ушел в отставку, позднее его примеру последовали и его заместители (РИА Новости. 08.04.2013).

Установка на невыраженность личностного начала, доминирование семантики факта приводят к тому, что лексико-грамматический строй данного фрагмента существенно отличается от лексико-грамматического строя первого фрагмента.

Разнообразие речи в СМИ не исчерпывается приведенными типами, а также их вариантами. Можно указать на такие речевые разновидности, которые в принципе не являются ни собственно публицистическими, ни газетно-информационными. Приведем фрагмент текста, взятый из бульварного издания:

А на самой вечеринке, прошедшей, как всегда у МУЗ-ТВ, исключительно в дружественной обстановке, знаменитости, готовые принять участие в конкурсе, отдыхали, жевали и выпивали чуть ли ни в обнимку с прессой. Что случается в последнее время крайне редко. А к звездным приколам можно отнести появление в ресторане Максима Галкина без супруги Аллы Пугачевой. Говорят, она плохо стала переносить шумные сборища. Зато собирающаяся выйти замуж Кэти Топурия, не скрывая глубокое декольте, с неподдельным откровением посидела на коленках у звездной красавицы Евы Польны. А обладатель семи тарелок МУЗ-ТВ Дима Билан спел песню прямо на столе, за которым сидела его продюсер Яна Рудковская. Но той было ни до чего — настолько увлекла ее sms-переписка с супругом Евгением Плющенко. На этом игриво-сластолюбивом фоне брючные костюмы певицы Нюши и Славы

смотрелись верхом скромности. Но, несмотря на это, красавцы-мужчины роились вокруг них целый вечер (Экспресс Газета. 27.03.2013).

Весь речевой строй текста говорит нам о сильном влиянии разговорной концепции речевого поведения: интерес к бытовым подробностям; ориентация на здравый смысл; разговорные интонации, оценки и определения, возможные лишь при неофициальном типе речевого поведения, и т.д.

Изобразительная речь некоторых очерковых текстов также не укладывается полностью в рамки собственно публицистической речи:

Лето прошло, но какая радость в сентябре видеть остатки его! Дни прохладны. Но тихо. И видишь вдруг в лесу на поляне солнечный мир: шмелей, после холодной ночи оживающих на цветах, и стрекоз, как на печке, греющихся на теплых железных перилах мостка. Лето словно бы пряталось где-то в кустах и вдруг явилось проститься. Тихо попискивают синицы, сойка, услышав шаги человека, роняет с испугу несенный в кладовку желудь. А отважный, неунывающий поползень вниз головой бежит по стволу ясеня — прячет на зиму в щели коры козявки и лесные орехи (В. Песков. Остатки лета. Комсомольская правда. 27.09.2007).

Специфика данного фрагмента (очерк из цикла «Окно в природу») состоит в том, что перед нами изобразительная речь, претендующая на статус образной речи. Изображение в этом случае формируется как воплощение идеи, концепции, превращаясь по мере развертывания текста в полноценный образ. Отсюда описательная речевая форма, лексика с предметным значением как основное изобразительное средство. Поскольку изобразительная речь широко распространена и в художественной литературе, то далеко не всегда по одному фрагменту можно определить, перед нами очерк или художественная проза.

Существенным образом на лексико-грамматический облик текста влияет характер содержания. «Тематический диапазон публицистического стиля, — подчеркивает Г.Я. Солганик, практически не ограничен...» [Солганик 2003: 312]. Так, текст, написанный

на научную тему, но предназначенный для СМИ, содержит в большом количестве элементы, свойственные научной речи, и совсем не обязательно при этом изложение содержания подвергается влиянию политико-идеологических установок:

Эндосомное КПП TLR7 находится внутри эндосомы — пузырька, плавающего в содержимом клетки. Впрочем, эндосома похожа на пузырек только под микроскопом. А на деле эндосома — курьер, который привозит в клетку гостей и посылки извне. При помощи целой армии таких «курьеров» клетка получает пищу и избавляется от мусора. Но и ретровирусы прибывают в клетку «с курьером» — в эндосоме. Находясь в эндосоме, они обнажают свой генетический материал, перекодируются (РНК в ДНК) и готовятся к встрече с геномом клетки-хозяина. Находясь внутри эндосомы, TLR7 распознает разные виды РНК. В нормальной ситуации в эндосоме РНК не бывает (молекулы РНК встречаются только в цитозоле и ядре). Поэтому TLR7, встретив хоть какую-нибудь РНК, начинают бить тревогу — запускается каскад химических реакций (Детали мира. 2011. № 1).

Мы узнаем характерное для научной речи использование терминологии, особое использование видо-временной системы глагола, черты именного строя речи и т.д.

Перечень разновидностей русской речи, сложившихся в сфере СМИ, можно без труда продолжить, и список все равно будет носить открытый характер.

Разумеется, во всех приведенных примерах мы можем найти черты, характерные именно для текстов СМИ, обусловленные воздействием функции, которой подчинена информирующая, характером аудитории и т.п. Однако намного существеннее оказываются особенности, отличающие один текст от другого. Резонно ли объединять все эти разновидности русской речи, которые сложились в речевой практике СМИ под одной номинацией — *публицистический стиль*? Или же, отказавшись от использования термина *публицистический стиль* в его широком понимании как одного из пяти функциональных стилей русского языка, выделять, описывать и классифицировать многочисленные разновидности газетно-журнальной, телевизионной и радиоречи?

Нам представляется, что можно идти как по первому, так и по второму пути. Главное, чтобы за этим не потерялась суть дела, которая видится нам следующим образом. СМИ в своей деятельности освоили речевой опыт, накопленный в самых различных сферах речевой практики общества. Здесь используется и техника изобразительной, образной речи, здесь используются речевые ресурсы научной деятельности, используются ресурсы деловой прозы во множестве ее разновидностей из сферы официального общения. И весь этот разнообразный речевой опыт был освоен СМИ творчески, в соответствии со своими специфическими коммуникативными целями. Поэтому мы можем с уверенностью лишь констатировать факт существования открытого множества разновидностей русской речи, сформировавшихся в сфере речевой практики СМИ.

Можно ли называть такие разновидности стилями? Можно, если удастся договориться о том, что мы в этом случае будем понимать под стилем. Очевидно, что понимание всех разновидностей речи прежде всего как разновидностей функционального публицистического стиля малопродуктивно. Такая оценка выглядит особенно правомерной, если мы погружаемся в методику преподавания стилистики на факультетах журналистики. Будущего журналиста невозможно обучать публицистическому стилю вообще, поскольку публицистический стиль — это абстракция. В практике работы журналисту непосредственно даны лишь разновидности русской речи, которые сложились в речевой практике СМИ и которыми он должен владеть.

Перечислим некоторые из основных параметров, по которым различаются эти виды речи. Речь, рассчитанная на массовую аудиторию, и речь, рассчитанная на аудиторию, дифференцированную по тому или иному параметру (возраст, интересы, профессия и т.п.). Речь с выраженным личностным началом — и речь с минимально выраженным авторским «я». Речь с ярко выраженным авторским «я» с демонстрацией индивидуального речевого мастерства. Изобразительная (в том числе образная) речь. Речь, построенная на основе разговорной концепции речевого поведения, — и книжная речь. Авторская речь — различные виды чужой речи. Речь, построенная с точки зрения автора, — и речь, построенная с точки зрения персонажа. Печатная речь — и речь, предназначенная для устного воспроизведения.

В каждом конкретном случае могут актуализироваться один или, чаще всего, несколько параметров. Так, если создается текст хроникальной информации в официальном издании, то автор должен владеть навыками формирования речи, рассчитанной на массовую аудиторию с минимально выраженным авторским «я». При создании очерковых материалов автор должен владеть навыками формирования образной речи с ярко выраженным авторским «я», с демонстрацией индивидуального речевого мастерства и ориентацией на массовую аудиторию.

Выбор конкретной совокупности речевых параметров, которые должен соблюдать автор, каждый раз определяется целым рядом факторов: тема, характер аудитории, тип издания, идеологические установки, жанр, речевые традиции, индивидуальные авторские предпочтения и т.д.

В связи с этим нам представляется целесообразным ввести понятие *стиля как речевой технологии*. Категория *стиля* должна быть осмыслена прежде всего с точки зрения автора, его коммуникативных потребностей. Речь получает статус стиля только в том случае, если является результатом осознанной, контролируемой автором речевой деятельности, в которой воплощена целостная концепция речевого поведения, или иначе стилевая концепция. Эта стилевая концепция сочетает в себе целый ряд речевых параметров, набор которых определяется потребностями конкретной коммуникативной ситуации и определяет качества речи.

На практике такая стилевая концепция может существовать в виде редакционного документа, где прописаны все особенности речевой разработки содержания. Стилевая концепция может быть представлена в виде совокупности требований редакции, предъявляемых авторам текстов в устном или письменном виде. Эта концепция может быть представлена также тем, что называется традициями издания, носителями которых являются его сотрудники, и т.д.

При обозначенном технологическом подходе к понятию *стиль* использование слова *стиль* для обозначения того, что называют функциональным стилем, выглядит уже нецелесообразным. Речевой материал, покрываемый данным понятием, является чересчур разнородным, а выявление общих признаков возможно и целесообразно лишь при пассивном изучении достаточно большого

по объему речевого материала. Роль концепции стиля выполняет в данном случае форма общественного сознания, которая в чисто практическом плане обладает очень небольшим потенциалом в плане обучения активным навыкам письменной речи. Не случайно некоторые исследователи предлагали в этом случае не использовать слово *стиль*, а использовать номинацию *функциональные разновидности речи* [Шмелев 1977].

Детальное описание разновидностей речи в СМИ сосредоточено исключительно на вербальном компоненте речи. Причем, хотя это специально не оговаривается, практически анализируется преимущественно речь, представленная в газетных, журнальных публикациях и их интернетовских аналогах. Между тем огромный объем речевого материала порождается электронными СМИ. Если мы проведем типологизацию речи на основе противопоставления электронных и печатных СМИ, то в этом случае перед нами будут такие три разновидности речи, как печатная, телевизионная и радиоречь. Назовем их коммуникативными разновидностями речи, имея в виду их соотнесенность с тремя коммуникативными сферами — телевидением, радиовещанием и печатью.

Каждая из этих речевых разновидностей не может быть более или менее полно описана, если описанию будет подвергнут только ее вербальный компонент. Перед нами во всех трех случаях многоканальная речь, где существенную роль играет видеоряд. Тезис о визуализации информационного потока стал общим местом. Широкое распространение получает также номинация *поликодовая коммуникация*. При таком подходе к речевой практике СМИ возникает целый ряд проблем, которые полностью игнорируются, если мы ограничиваемся изучением только вербального ряда.

Хорошо известной, однако малоисследованной проблемой является изучение тех особенностей вербальной составляющей, которые обусловлены взаимодействием вербального ряда с невербальным. Так, например, текст, сопровождающий фотографию в журнале моды, во многом обусловлен в своем формировании именно наличием видеоряда — этой самой фотографии. В этом случае принципиально важно описывать семантику вербального и видеоряда в одной системе терминов.

Другая фундаментальная проблема — изучение существования и взаимодействия знаков разных семиотических систем в ре-

альном пространстве и времени. Так, в печатной речи вербальный компонент располагается в двумерном пространстве плоскости, обязательно имеющей границы — страница журнала, газетная полоса в целом или ее выделенная часть, рекламный модуль и т.п. Исследования показали, что любое движение речевого материала в печатной плоскости ведет к изменению смысловой структуры текста [Быкова 2011].

При анализе телевизионной и радиоречи важным фактором, определяющим в том числе и ее лексико-грамматические свойства, являются особенности ее существования в параметрах реального пространства-времени. Радиоречь, как правило, воспринимается в процессе какой-то трудовой или бытовой деятельности. Ее восприятие носит преимущественно симпрактический характер. Соответственно тексты являются краткими, их композиция, семантическая организация, лексико-грамматический строй должны обеспечить возможность ее восприятия неподготовленному слушателю в некомфортных условиях.

В случае с телевизионной речью ситуация другая. Экран привлекает адресата к определенному месту, экран заставляет его в большей или меньшей степени сосредоточиться на восприятии телепередачи, а следовательно, и ее вербального ряда. Текст телепередачи в среднем намного длиннее текста, транслируемого по радио.

Повторяемые теле- и радиосюжеты, а также те, к восприятию которых слушатель или зритель подготовлен, воспринимаются совершенно иначе, чем те, которые выходят и воспринимаются спонтанно в потоке реального времени. Они могут существенно отличаться от первых по своим лексико-грамматическим параметрам.

Особенности существования функционирования в реальном пространстве-времени заставляют по-новому посмотреть и на свойства печатной речи. Традиционно считается, что печатная речь как разновидность письменной речи, по сравнению с речью устной, является обратимой, ее можно прочитать еще раз. Однако реально газета в большинстве случаев или читается с первого раза или не читается вообще. Газета не перечитывается. Так что печатная речь, рассматриваемая в реальном пространстве-времени, в коммуникативном отношении фактически является необратимой. И формироваться она должна соответствующим образом.

Вывод, который мы можем сделать, сводится к следующему. Необходимо стремиться к тому, чтобы дать максимально полное описание разновидностей русской речи в СМИ, отталкиваясь не от того или иного теоретического конструкта, а от самой речевой практики. Все-таки главная цель исследований русской речи в СМИ — реальные нужды работников коммуникативных специальностей, а не удовлетворение прихотей теории стилистики.

Литература

- Борев Ю.Б. Эстетика: в 2 т. Т. 1. — Смоленск, 1997.
Быкова Е.В. Речевая организация модульного текста. — СПб., 2011.
Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. — М., 1971.
Попова Т.И. Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике. Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ // Русский язык и культура речи: учебник для техн. вузов / под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой. — М., 2006.
Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.
Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). — М., 1977.

Коммуникативная тональность медиадискурса

Медиадискурс — коммуникативная практика массово-информационного общения — выражает одну из важнейших потребностей социума — получение новой информации. Этот тип коммуникации проявляется в обиходном диалоге, пронизывает все типы институционального общения и становится специализированным дискурсом, реализуясь в деятельности бумажных и электронных средств массовой информации. Его жанровая система претерпевает существенные изменения в современном обществе, его функции модифицируются, и он в значительной мере превращается в ведущий фактор политической и культурной консолидации социума. Значимость этого типа общения и пристальный интерес исследователей к нему закономерно привели к тому, что научное осмысление медиадискурса оформилось в виде отдельного направления коммуникативной лингвистики — медиадискурсологии [Боярских 2010; Демьянков 2001; Добросклонская 2000; Дускаева 2004; Желтухина 2010; Зильберт 1986; Кардумян 2010; Клушина 2008; Коньков 1996; Костомаров 1999; Лысакова 2005; Майданова 1987; Потсар 2007; Прохорова 2003; Сметанина 2002; Солганик 1976; Чепкина, Енина 2012; Шмелева 2012].

С позиций теории дискурса можно выделить четыре основных подхода к моделированию медиадискурса — тематический, агентивный, инструментальный и перформативный. В рамках тематического описания дискурса нас интересует его содержание — о чем идет речь, при агентивном подходе к предмету нашего изучения мы моделируем коммуникативную ситуацию, в которой выделяются ее участники и обстоятельства, инструментальный подход к анализу дискурса выводит на первый план коммуникативную тональность и способы коммуникации, обусловленные каналом общения, перформативное осмысление дискурса акцентирует наше внимание на фактуальности как конструируемой и реконструируемой картине мира. Эти подходы взаимодополнительны.

Инструментальный подход к моделированию медиадискурса выводит на первый план тональность текста — эмоционально-стилевой формат, обусловленный культурно-ситуативными традициями и установками участников общения [Карасик 2009]. Выделяются обиходная и торжественная, серьезная и комическая, нейтральная и идеологически маркированная, информативная и фасцинативная (эстетически переживаемая), рационально-повседневная и эзотерическая (мистически ориентированная) разновидности коммуникативной тональности (список можно продолжить). Эти типы тональности специфически преломляются в медиадискурсе.

Особенность современной массовой культуры — активное неприятие патетики, поскольку подразумевается, что патетика является неискренней и свидетельствует об экзальтированности говорящего. Средства массовой информации и блогеры четко соблюдают неписаное требование избегать патетики, в этом прослеживается влияние англоязычной нормы коммуникативного поведения, свойственного британцам — *understatement*, понижение значимости сообщаемого, подчеркнутое преуменьшение важности события или факта, ироническое отношение к нему. Поэтому торжественная тональность, которая являлась естественной (и часто доминирующей) в прессе советской эпохи в наши дни приобретает специфическое выражение. Сравним два текстовых фрагмента.

В июле 1937 г. был совершен беспосадочный перелет советских летчиков из Москвы в Сан-Джасинто (Калифорния) через Северный полюс. В газете «Правда» на следующий день появилась серия очерков об участниках этого перелета. О. Курганов в статье о пилоте А. Юмашеве пишет так:

Накануне отлета Андрей Юмашев закрыл чехлами картины, начатые и недописанные, простился с родными и уехал в Щелково. Он был спокоен, он верил в успех. Машина испытана и крепка. Путь изучен и продуман. Командир самолета опытен, уверен в своих силах, смел, готов к любым испытаниям. Штурман, этот человек, мыслящий градусами и углами, пользуется славой искусного навигатора. А он сам, второй пилот? Он тоже готов к полету, ведь годами закалялась его воля, вырабатывались в нем черты, характер, которые присущи большевикам. «Желаю вам новых успе-

хов», — писал ему Сталин. На рассвете двенадцатого июля Андрей Юмашев поднялся над землей, «поближе к солнцу», как любит он говорить, чтобы завоевать этот успех, благородно и гордо поднять его над всем миром (Правда. 15.07.1937).

Приведенный текст по своей тональности является романтико-героическим [Белянин 1988]. Все персонажи характеризуются как сильные, готовые к подвигу личности. Героический пафос текста задан ключевыми атрибутами *спокоен, опытен, смел, уверен в своих силах, готов к любым испытаниям*. Героя лично напутствует вождь. Летчик стремится быть *поближе к солнцу*, понимая, что этот успех является успехом всей страны, флагом, который *благородно и гордо будет поднят над миром*. Тональность оценок применительно к событиям современной жизни является иной. Писатель В.Топоров следующим образом излагает в колонке комментатора свое мнение о задержании российского бизнесмена в камбоджийской тюрьме:

Лермонтовский демон, дух изгнания, говорил о себе: я тот, кого никто не любит и все живущее клянет. Девелопер Полонский в этом смысле скорее полудемон: его и впрямь никто не любит (даже когда ему публично набили морду в прямом эфире, причем набили, подлю напав исподтишка, злорадства было куда больше, чем сочувствия), но никто, разумеется, не клянет, потому что всем он по барабану. Как не клянут и никого другого из младомахинаторов — один отвратительнее другого, — бесстыдно взявших на вооружение иезуитский лозунг кинобандитов из 1990-х: «Это не мы такие, это жизнь такая!». Да, жизнь, увы, и впрямь такая, но такую она стала далеко не в последнюю очередь как раз из-за вас (Известия. 3.04.2013).

Речь идет о российском бизнесмене, который оказался в тюрьме в далекой азиатской стране. Значимым является отсутствие информации о его вине или невиновности. Комментатор осуждает тех, кто избил этого предпринимателя, но говорит об этом в иронически сниженной тональности, обвиняя весь класс современных отечественных бизнесменов, которые презрительно названы *младомахинаторы* (аллюзия к молодым политикам, поставленным в свое время на высокие государственные посты президентом

Б.Н. Ельциным и названным в оппозиционных средствах массовой информации *младореформаторы*). Показано, что их никто не любит, публика злорадствует, когда они попадают в беду, народ к ним равнодушен, поскольку они ведут себя бесстыдно и заслужили такое к себе отношение.

Комическая тональность медиадискурса заслуживает отдельного изучения, поскольку юмор сокращает коммуникативную дистанцию и тем самым повышает действенность массовой информации. В нашей стране сложился специфический юмористический свертхтекст — 16 страница «Литературной газеты», материалы которой публикуются под рубрикой «Клуб 12 стульев». В рамках этого свертхтекста существует множество жанров, в частности «Из записных книжек». Название этого жанра обусловлено писательской и журналистской практикой — записывать удачные фразы и интересные факты, которые могут пригодиться в дальнейшей работе. Известны шедевры из записных книжек И. Ильфа, например:

Иванов решает нанести визит королю. Узнав об этом, король отрекся от престола.

Кот повис на диване, как Ромео на веревочной лестнице.

По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда.

Сюжеты в этих лапидарных фразах сжаты до предела, а за сюжетами стоит жизнь с ее парадоксальными ситуациями. Для понимания этих суждений необходимо ощутить комическую абсурдность бытия в определенных условиях — например, существует человек, вызывающий у всех столь резкую антипатию, что монарх даже готов отдать корону, лишь бы не встречаться с таким человеком, или молодой любовник пытается взобраться на заветный балкон в старинной Вероне к своей любимой и в страхе замирает, услышав любой шорох, или в столовой постоянно куда-то пропадает продукция, и поэтому провести ее учет невозможно.

Эту традицию продолжает Александр Хорт, юмористические миниатюры которого не раз публиковались в «Литературной газете»:

Завоевав на конкурсе «Золотой Орфей» в Варне Гран-при, певица Мария Пахоменко была на седьмом небе от счастья. Она

тут же позвонила в Москву, в Министерство культуры, сотруднику, который и посылал ее на фестиваль. Выслушав восторженную речь певицы, тот раздраженно сказал: Да что ты заладила: Гран-при, Гран-при! А где первое место?..

Читатель понимает, что в министерстве культуры работал ограниченный чиновник, не понимавший значения слова «гран-при» (высший приз) и привыкший к обычному выражению «первое место», используемому в спорте или в социалистическом соревновании коллективов. Комизм ситуации состоит в том, что этот человек работает именно в министерстве культуры.

Раньше в деревнях при звуках набата люди хватали ведра с водой и бежали гасить пожар. Сейчас при пожаре хватают мобильники и бегут его фотографировать.

Это наблюдение отражает существенные сдвиги в ментальности наших современников: мы все чаще начинаем ощущать себя участниками некоторого разыгрываемого спектакля и ведем себя так, как будто выступаем перед публикой, и в этом есть нечто комичное. Культурологи уже отметили тенденцию к увеличению значимости эстетической стороны жизни наших современников в ущерб ее этической стороне [Щеглова 2003]. Вспомним Нерона, который любовался пожаром Рима. Получается так, что люди позиционируют себя друг перед другом в качестве субъектов медиадискурса в первую очередь. Жажда новостей становится самой главной страстью людей.

Когда мы говорим о типах тональности в медиадискурсе и противопоставляем обиходную и торжественную, серьезную и комическую и подобные контрастные разновидности тональности, первый противочлен приведенных оппозиций является немаркированным, выступающим в качестве фона для второго компонента оппозиции. Это относится и к противопоставлению информативной и фасцинативной тональности в медиадискурсе. Информативность выступает как системообразующий признак этого типа общения. Фасцинативность представляет собой свойственную определенному дискурсу эмоциональную притягательность, вызывающую стремление повторить этот опыт общения. Отсюда следу-

ет, что фасцинативность — главная характеристика произведения художественной литературы. В рамках медиадискурса фасцинативность прослеживается в авторских комментариях, особенно — в колонках комментаторов — тех, кого называют «золотые перья». Приведу выдержки из заметки известного отечественного журналиста Мэлора Стуруа.

Англоязычный читатель стал меньше плакать.

Интернет-исследование: в XX веке книги становились менее эмоциональными.

Изучая базу данных сервиса «Google's Ngram», суммированную в анализе интернет-журнала «PLOS One», я вспомнил поэму Некрасова «Саша», а именно строки: «Книжку читает, украдкой плачет...» Вы скажете: в огороде бузина, а в Киеве дядька. И ошибетесь. Некрасовская Саша была совсем не единственной читательницей XIX века, которая плакала над книжками. В тысячах домашних библиотек той эпохи можно найти книги со страницами, закапанными слезами. XX век оказался менее сентиментальным. Не знаю как в России, но в англоговорящих странах в прошлом веке слез над книгами было пролито куда меньше.

Опять-таки вы можете сказать: а кто, позвольте, сосчитал все слезинки, пролитые над книгами в XX веке? Законный вопрос. Для ответа на него я вновь должен обратиться к «Google's ngram» и «PLOS One». Перелопатив несколько миллиардов слов из базы данных сервиса, журнал пришел к выводу, что книги, написанные на английском языке, становились все менее «эмоциональными» в течение XX века.

Каким образом пришел журнал к такому выводу? Филологи трех английских университетов провели следующее исследование. Они взяли шесть слов, именуемых «настроенческими» — гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление. Сравнив книжную продукцию XIX и XX веков они обнаружили «явное уменьшение» употребления этих слов в прошлом веке по сравнению с позапрошлым. Исключением явилось слово «страх». При чем употребление этого слова и его синонимов последовательно возрастало за последние десятилетия XX века (Московский комсомолец. 6.04.2013).

Этот текст интересен. Журналист излагает для отечественного читателя результаты исследования, нацеленного на измерение эмоционального самочувствия общества. Но помимо предметной занимательности текст запоминается благодаря естественности диалога, который автор ведет с читателем. Перед нами образец научно-популярной публицистики. Особенность нашего времени состоит в том, что весьма часто комментарии в медиадискурсе выдержаны в ернической манере и подчас являются агрессивными. На этом фоне особенно заметно то, что известный актер И. Смоктуновский назвал самой важной ценностью в партнере на сцене — «Живые глаза на спокойном лице». Разумеется, фасциативность и информативность сообщения обусловлены пресуппозициями адресата и коммуникативной ситуацией.

Политический дискурс по своей природе агонален, т.е. состоит в борьбе с противником. Поскольку этот дискурс реализуется через средства массовой информации, вырабатываются определенные каноны привлечения внимания читателей к высказываниям политиков, политологов и всех тех, кто получает удовольствие от рассуждений на политические темы. В медиадискурсе образуются сообщества, своеобразные клубы по интересам, члены которых ведут полемику друг с другом либо с реальными и воображаемыми оппонентами. Примером подобного клуба является портал «Агентство политических новостей». Заголовок статьи Игоря Богацкого «Нужна ли нам империя?», размещенной на этом портале, привлечет к себе внимание тех, кому интересны дискуссии на политические темы. Аргументация автора риторически выстроена по правилам эстетики борьбы:

...каждому народу свойственно стремиться к выражению своего превосходства над другими народами, словно подчиняясь какому космическому закону — просто потому, что такова человеческая природа. Точкой отчета здесь служит представление о собственной избранности. Одни народы гордятся своим вкладом в мировую культуру, другие неповторимостью и своеобразием национальных традиций, третьи своей моделью общества, кто-то — военной мощью и политическим влиянием. Народам же наиболее выдающимся свойственно стремиться к превосходству насколько

возможно более полному и всеобъемлющему. При этом военнополитическое могущество в ряду атрибутов превосходства всегда играло особую роль. Успехи в области военного искусства и государственного строительства служили подтверждением обоснованности претензий на собственную избранность, так как физическое преобладание — наиболее зримая и ощутимая форма превосходства (www.apn.ru 29.03.2013).

Для сторонников социального дарвинизма, приветствующих право сильного подавлять всех вокруг, такой текст фасциативен по своей тематике. Для противников этой позиции фасциативность подобных текстов состоит в том, что такие произведения являются удобной мишенью для критики, поскольку в поединке требуется партнер. Квинтэссенция фасциативного отношения к противнику выражена в гениальной реплике Остапа Бендера: «*Красиво излагает, собака!*» (И. Ильф, Е. Петров).

Идеологически маркированная тональность в медиадискурсе выражается путем противопоставления своих и чужих. В передовой статье газеты «Известия» (1937) так обсуждается тема равноправия женщин и мужчин в нашей стране:

Женщина-избиратель

Женщина и как труженица, и как мать, и как гражданка занимает в нашем обществе почетное положение. О таком положении трудящаяся женщина стран капитализма может лишь мечтать. Конституции и избирательные законы самых демократических буржуазных стран устранили от участия в общественной жизни подавляющее большинство женского населения, несмотря на провозглашение равноправия женщины. При капитализме остались нетронутыми самые подлые законы феодальной эпохи, по которым и поныне муж является господином в семье, имеющим право применять к жене даже телесное наказание. Французский гражданский кодекс дает мужчине — главе семьи неограниченную власть. В силу этих «прав мужа» совсем недавно, когда в состав правительства народного фронта надо было ввести женщину — ученого с мировой известностью, понадобилось получить... официальное разрешение ее мужа (Известия. 03.10.1937).

Советское общество: у женщины — почетное положение в обществе, капиталистическое общество — женщины лишены права участвовать в общественной жизни, мужчина имеет право даже применять к жене телесное наказание, без официального разрешения мужа женщина во Франции по законам того времени не имела права стать членом правительства. В статье используется резкая оценка — «подлые законы феодальной эпохи», приводится парадоксальный факт унижения женщины — ученого с мировым именем. Этот текст убеждает читателя в том, что наш общественный порядок является прогрессивным и гуманным, а порядок наших классовых противников — отсталым и реакционным, несмотря на формальное провозглашение равноправия граждан.

В демократическом обществе оппозиция имеет право на публичную критику действий власти. Тональность такой критики весьма вариативна в разных средствах массовой информации. Актуальной темой сегодняшней России является борьба с плагиатом в диссертационных исследованиях. Радиостанция «Эхо Москвы», позиционирующая себя как голос либеральной интеллигенции, следующим образом касается этой темы в блоге журналиста Сергея Пархоменко «Павел Астахов, торговец матрешками». В этом развернутом комментарии приводятся доказательства того, что известный чиновник, уполномоченный по правам ребенка, доктор юридических наук, совершил плагиат при написании своих диссертаций.

Блогер пишет:

Я требую от моих «героев», чтоб не врал и не мошенничали. А «определенного научного уровня» пусть от них требует кто-нибудь, кого интересует наука, а не политика...» Ну, в самом деле: неужели кто-нибудь всерьез захочет интересоваться вопросом о научной новизне и содержательной ценности диссертации «Изменение гемодинамики и метаболических показателей системы крови студентов под влиянием занятий физическими упражнениями с оздоровительной направленностью», если известно, что ее написал (точнее, под нею подписался) сенатор Руслан Гаттаров. Дело даже не в том, что попытка выдать за научную работу беспомощное сочинение о занятиях физкультурой, которые благотворно сказываются на здоровье студентов (а мудреное название

работы переводится на русский язык именно так), — изначально выглядит смешной и наивной. И не в том, что Гаттаров навсегда прославился жалкой и комичной попыткой покрасоваться в качестве героя-пожарника, распространяя в сети фальсифицированные при помощи фотошопа фотографии своих подвигов при тушении лесных возгораний в 2010 году. ... Нам интересно понять, как устроена вот эта двуногая машинка для вранья.

Комментарии

Ксения Ларина

А. Ширвиндт предложил учредить номинацию «За потерю чести и достоинства» трех степеней: временную потерю, случайную и окончательную. (Эхо Москвы. 3.04.2013).

Идеологический смысл этой публикации сводится к доказательству того, что представители нынешней власти — бесчестные люди. Суть вопроса не в плагиате или заказных диссертациях как знаках престижа, а в разоблачении бессовестных политиков. Один из комментаторов привел ироническое предложение известного актера о номинациях для подобных деятелей, суммирующее отношение либеральной оппозиции к власти. Отрицательная оценка таких персонажей выражена словосочетаниями *«беспомощное сочинение»*, *«смешная и наивная попытка»*, *«жалкая и комичная попытка»*, *«двуногая машинка для вранья»*. Интересно отметить, что критики нынешней власти, придерживающиеся имперских позиций, сурово осуждают правительство за преднамеренный, по их мнению, развал страны, а либеральные критики — за некомпетентность, низкий интеллектуальный уровень и отсутствие каких-либо моральных устоев. Медиадискурс, как можно видеть, представляет собой инструмент коллективного самосознания общества в его разных идеологических блоках, формирующихся вокруг актуальных для обсуждения тем.

Эзотерическая коммуникативная тональность пронизывает разные типы дискурса в наше время, поскольку мистическое мировосприятие несовместимо с рационально-критическим отношением к жизни. Массовая культура стремится подавить рациональную критику действительности. Получили широкое распространение через медиадискурс обсуждения встреч с инопланетянами, интервью с предсказателями судьбы и экстрасенсами и различные горо-

скопы. Например, в газете «Комсомольская правда» под рубрикой «интересное» опубликована заметка Светланы Кузиной «*В апреле пойте шефу пирамиды*». Вводная информация уточняет содержание этой заметки:

Известный экстрасенс России Александр Литвин дает прогноз на апрель.

Александр Литвин — один из самых известных экстрасенсов России, специалист по энергетике и ее влиянию на нашу жизнь, победитель «Битвы экстрасенсов-6» рассказывает, что нас ждет с 5 апреля по 5 мая.

Пометьте эти дни в своем календаре.

Неблагоприятные дни — 6, 15, 25. Благоприятные дни — 4, 16, 28

— Апрель 2013-го с точки зрения человеческих желаний, целей и задач представляет собой весьма противоречивый период, — рассказывает Александр. — Два взаимоисключающих желания могут как никогда испортить весеннее настроение многим людям. Дело в том, что существуют несколько видов энергий: «энергия года», «энергия сезона» и «энергия дня». Я не буду рассматривать «энергетику дня», но на первых двух и их противоречиях остановлюсь, так как именно эти противоречия будут определять взаимоотношения людей и как следствие — все остальное. Я уже не раз говорил — в основе всего лежит партнерство либо его отсутствие.

Итак, энергетическая составляющая апреля № 1 — Власть!

Власть любой ценой, проявление мании величия. Внутреннее ощущение способности управлять не только колхозом, но и целой империей. И все это в разной степени будет испытывать каждый. Независимо от возраста, пола, образования. Не могу не процитировать поговорку, как будто специально придуманную для апреля: «Каждый суслик — агроном!» (Комсомольская правда, 29.03.2013).

Парапсихологическая информация предваряется рекламой экстрасенса и указанием на неблагоприятные и благоприятные дни. Язык парапсихологов — интересная тема для анализа. Так, например, констатация того, что в каждом из нас борются взаимоисключающие желания, вряд ли может кем-либо быть оспорена.

на. Все мы в определенной степени подвержены внушению, и если человеку сказать, что в такое-то время у него проявится ощущение своей значимости, то этот индивид почувствует в себе волю к власти. Предсказатели с древних времен оттачивают искусство говорить так, чтобы люди верили им, приходили к ним за советами и не могли бы упрекнуть их в шарлатанстве. Пикантный момент, связанный с предсказаниями экстрасенса, состоит в том, что эта заметка опубликована в газете, название которой — «Комсомольская правда» — предполагало в свое время научное материалистическое мировоззрение.

Таким образом, освещение типов коммуникативной тональности в медиадискурсе позволяет увидеть специфику массовой культуры и тенденции развития рассматриваемого типа дискурса — сокращение коммуникативной дистанции, игровую карнавализацию реальности, идеологическое самопозиционирование активной части населения, превращение получения интересующей нас информации в разновидность хобби и создание в рамках коммуникативного пространства множества сообществ, похожих на клубы по интересам. Медиареальность (особенно в компьютерной сети) все более вытесняет другие виды реальности, в которых существуют наши современники.

Литература

- Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. — М., 1988.
- Боярских О.С. Дискурс СМИ и художественный дискурс: аспекты корреляции // Дискурс, текст, когниция: колл. монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. — Нижний Тагил, 2010. — С. 252—263.
- Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тез. докл. Междунар. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова, 25—27 октября 2001 г. — М., 2001. — С. 59—60.
- Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2000.
- Дусаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2004.

- Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиа-текст: стратегии — функции — стиль: кол. монография / отв. ред. Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова. — Орел, 2010. — С. 19—31.
- Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. — Саратов, 1986.
- Карасик В.И. Языковые ключи. — М., 2009.
- Кардунян М.С. Дискурс масс-медиа: основные признаки, характеристики и функции // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 8. — Ставрополь, 2010. — С. 385—394.
- Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008.
- Коньков В.И. Речевая структура газетного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1996.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. — М., 1999.
- Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. — СПб., 2005.
- Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. — Красноярск, 1987.
- Потсар А.Н. Интернет как среда речевой коммуникации // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / под ред. В.И. Конькова. — СПб., 2007. — С. 254—261.
- Прохорова Т.Н. Реализация прагматического потенциала современного русского языка в жанрах газетной журналистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Белгород, 2003.
- Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). — СПб., 2002.
- Солганик Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1976.
- Чепкина Э.В., Енина Л.В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня: сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. — М., 2012. — С. 291—308.
- Шмелева Т.В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. — СПб., 2012. — С. 56—61.
- Щеглова Л.В. Значение этики в эпоху эстетизма // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Социально-экономические науки и искусство». — 2003. — № 2. — С. 3—9.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

- Давление дискурса
 - Анализ текста и анализ дискурса
 - Интерпретация дискурса
 - Специфика научного дискурса
 - Дискурсивные практики в рекламе
-
-

Существует ли риторика научного дискурса?

Вопрос о том, можно ли говорить о риторике научного дискурса, если понимать его как вопрос о том, может ли субъект научного дискурса пользоваться риторическими средствами, предполагает обычно отрицательный ответ. Существует общепринятый тезис: научное положение нуждается в доказательстве (логической аргументации) и исключает средства, которые используются в ораторской речи, ориентированной на убеждение и внушение. Риторическая аргументация понимается обычно как связанная с целевой направленностью на возбуждение эмоций: «Риторическое моделирование аргументации — это воспроизведение процесса аргументации посредством языковых средств, ориентированных на адресата и придающих аргументации выразительность» [Брюшинкин 2006: 13]. По определению научная аргументация не может быть аргументацией *ad hominem* — только *ad rem*. Высказываемые положения в научных текстах, прежде всего в диссертациях, строятся таким образом, что они должны создавать впечатление некоей объективной истины, никак не связанной с личностью говорящего. Очевидно, даже термин «говорящий» не применим к субъектам, стоящим за текстами диссертаций, поскольку момент говорения предполагает наличие индивида, существующего «здесь и сейчас», имеющего «личину» конкретного человека. Научный текст не должен возбуждать представлений о субъективности познающего сознания. Позволю себе привести, как мне кажется, показательный пример: будучи членом редколлегии одного из солидных российских журналов, я в качестве рецензента предложила автору рецензируемой статьи внести в нее некоторые правки; в числе сделанных предложений было и такое: заменить во фразе *мы защитили диссертацию по теме* на конструкцию *автором статьи была защищена диссертация...* Правки были приняты, кроме одной: в публикации сохранилась конструкция *мы защитили диссертацию*.

Обязательная обезличенность жанра диссертаций, стремление элиминировать из текста практически все его эгоцентрические

элементы (даже невинные вопросно-ответные единства, призванные продемонстрировать процесс размышления (напр.: — *Можно ли при такой словарной дефиниции осуществить правильную референцию слова?* — *Очевидно, нет*), представляются не соответствующими требованиям жанра) составляют стилистическую особенность этого дискурса. 40 лет назад Гальперин обозначил стилистику как науку, изучающую «не только эффект речевого произведения, но и те приемы, которыми этот эффект достигается <...> Таким образом, задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации, состоящего, как известно, в порождении, передаче и восприятии сообщения. В терминах теории информации эту задачу можно было бы сформулировать следующим образом: получить такой код, который, будучи расшифрован, сообщил бы некоторую дополнительную (суперлинейную) информацию. Такая информация имеет целью вызвать желаемую реакцию получателя сообщения» [Гальперин 1973: 15]. Как видим, здесь стилистика смыкается с риторикой, поскольку речь идет о получении должного эффекта, заключающегося в нужной реакции адресата. Применительно к научной прозе, цель которой Гальперин увидел в доказательстве и убеждении, этот эффект, очевидно, должен заключаться в принятии научным сообществом излагаемых научных положений. (Кстати, Гальперин в качестве стилистических характеристик научной прозы нигде не говорит о необходимости ее обезличенности: «В определении характерных черт стиля научной прозы прежде всего указывается на терминологический аспект лексики и на строгую синтаксическую организацию высказывания, в которой преобладает гипотаксис над паратаксисом, а так называемая развернутость изложения выделяется как наиболее характерная черта этого стиля» [там же]).

Заметим, в эпоху написания цитируемой статьи употреблялся термин «научная проза» — *дискурс* тогда еще не вошел в научный обиход в качестве популярнейшего термина эпохи. Введение этого термина требует не только осмысления тех возможностей, которые предоставляет появление нового научного понятия для науки в целом, но и того, какие импликации влечет появление термина *дискурс* в научном поле, в частности филологическом. Мы не будем останавливаться на огромном числе определений *дискурса*, —

видимо, этот термин относится к числу тех формул, о которых Артур Лавджой сказал, что они каким-то образом соответствуют духу времени, способствуя формированию убеждений, вкусов и предпочтений этого времени; вместе с тем заложенные в них импликации позволяют исследователям использовать эти выражения, в соответствии со своими потребностями модифицируя их смысл [Лавджой 2001].

Как правило, говоря о дискурсе, мы говорим о совокупности текстов, а не отдельном тексте — в этом, видимо, кроется отличие от понимания дискурса одним из основоположников его теории — ван Дейком, понимающим дискурс в широком смысле как сложное коммуникативное событие между говорящим и слушающим, включающее наряду с текстом условия его производства и восприятия [Teun Van Dijk 1998].

Правда, ван Дейк указывал и на синонимичность этого термина термину *жанр*: «новостной дискурс», «научный дискурс» и т.д. Понимание дискурса как жанра вряд ли привносит нечто новое в горизонты исследовательского поля, а вот первое определение открыло новые перспективы для того, чтобы лингвистика, в частности, стала собственно гуманитарной наукой, т.е. наукой о человеке, — правда, и здесь многое зависит от того, какие импликации этого термина взяты филологической наукой для конструирования и описания своего объекта. Вместе с тем именно второе определение (как жанра) соответствует современному употреблению термина *научный дискурс* — тексты объединяются в дискурс по предмету обсуждения (научная проблема), по стилю (см. выше), по композиции: см., например, требования, предъявляемые к введению диссертаций (указание в определенной последовательности темы, объекта, предмета исследования¹³, научной новизны, практической ценности и т.д.). В блестящей статье Г. Хазагеров «Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс» [Хазагеров 2010] показано, что соблюдение формальных требований к научному тексту доминирует над обсуждением собственно научной проблемы и что эта формализация приводит к унифика-

¹³ В ряде случаев приходится испытывать трудность при различении содержания этих пунктов: что, например, является предметом исследования в диссертации, тема которой «Агентивные существительные в словарях советской и постсоветской эпохи»?

ции текстов, к тому, что фразы из них (речь идет о диссертациях) практически повторяют друг друга. Дополним список примеров Г. Хазагеров цитатами, взятыми из авторефератов диссертаций разных научных направлений: *научная новизна работы состоит в комплексном характере исследования проблем невменяемости и ее отграничения от...* ([http://pravouch.com/pravo-kriminologiya-ugolovnoe/nauchnaya-novizna—Issledovaniya4554.htm](http://pravouch.com/pravo-kriminologiya-ugolovnoe/nauchnaya-novizna-Issledovaniya4554.htm)); *впервые в комплексном лечении язвенной болезни желудка* (<http://www.gastroscan.ru/disser/girfanov.pdf>); *научная новизна исследования определяется как совокупностью изучаемых путем системного, комплексного анализа теоретических проблем...* (www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100010632); *научная новизна, практическая значимость исследования: заключается в комплексном историческом анализе истории становления современного аграрного общества Казахстана* (<http://www.agehistory.ru/ages-430-3.html>).

Как видим, независимо от ветви научного знания авторы прибегают к практически тождественным формулировкам. Попробуем проанализировать подобные тексты с позиций первого определения дискурса, данного ван Дейком, — как коммуникативного события между говорящим и слушающим, анализ которого включает и анализ производства текста. На наш взгляд, импликации из этого определения позволяют включить в анализ сознание говорящего и слушающего, порождающих и воспринимающих текст [Лассан 1995]. Именно здесь пролегает различие между анализом текста и анализом дискурса: анализ текста предполагает автономное от других текстов исследование его устроенности (интертекстуальный анализ уже выводит исследование за рамки собственно текстового анализа), а анализ дискурса предполагает анализ знаний (сознания) говорящего и слушающего, наличие которых обуславливает именно такое порождение текста и его восприятие (ср.: [Кобозева 1990: 78]).

Мы не обсуждаем здесь вопрос о том, что есть сознание ([Мамардашвили: «С самого начала... мы должны договориться, что сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего» [Мамардашвили 1996: 215]), а принимаем представление о сознании как особом когнитивном чувстве, включающем наряду со знаниями и эмоциональную составляющую

психики [Суровягин 1988: 131–132]. Порождающее текст сознание не может быть проанализировано на материале одного текста — его устойчивые характеристики определяются как собственно когнитивными структурами говорящего, так и их обусловленностью экстралингвистическими факторами; эту «устойчивость», т.е. регулярную воспроизводимость, можно вывести только при анализе значительного массива текстов. На основе одного текста можно сделать прогноз относительно структур порождающего сознания (например, метафорика текста может отправлять к концептуальным метафорам сознания в целом), но этот прогноз должен быть подтвержден материалом других текстов того же автора, или той же эпохи, или того же политического направления. Мы назвали факторы, обуславливающие возможную близость сознаний: дух эпохи, политические, общественные и т.п. установки субъектов текстов. Так, для сознания, стоящего за советским политическим дискурсом, была характерна метафора *Мир — фронт борьбы между капитализмом и коммунизмом*, которая надстраивалась над оппозицией сознания *капитализм-коммунизм*, а в текстах акад. Сахарова реализовалась метафора *человечество — единая семья*, которая нейтрализовала эту оппозицию [Лассан 1995].

Если исходить из положения о том, что термин *дискурс* предполагает анализ сознания, стоящего за массивом текстов, то что мы можем сказать о сознании, отраженном в современном научном (в частности, гуманитарном) дискурсе? В силу отсутствия метафор, позволяющих говорить об устроенности сознания, живого говорения о предмете речи, мы можем сказать только то, что оно само говорит о себе: встроенность в антропоцентрическую парадигму, стремление к комплексным исследованиям как научной ценности, но это будет «самопрезентация, демонстрация себя вместо реферирования к внешним объектам» [Хазагеров, там же]. Мы можем констатировать, что это сознание знает, говоря словами Г. Хазагера, ритуальные компоненты текста и боится от них отступить. Г. Хазагеров упоминает о научном казусе — статье, созданной американской компьютерной программой, получившей положительный отзыв рецензента и напечатанной в одном из ваковских журналов. Приведем выдержки из отзыва рецензента и предлагаемые им правки:

Актуальность работы: высокая
Выбор объекта исследования: правильный
Определение задач и целей работы: логичное
Новизна научного материала: отличная
Структурированность работы: хорошая
Методическая ценность: отличная
Стиль изложения: неудовлетворительный
Практическая эффективность: отличная
Источниковедческая база работы: отличная

Далее следуют правки рецензента (подчеркиванием выделены замечания):

Метафорически, наш подход превращает кувалду связей базы знаний в скальпель. Стиль изложения может быть хорош для газетной статьи, не для научной!

План статьи состоит в следующем. Стиль! Сначала мы обосновываем потребность в волоконно-оптических кабелях. Мы помещаем нашу работу в контекст предшествующих исследований в этой области. Чтобы обойти упомянутые выше возражения, мы приводим пример (http://www.scientific.ru/trv/2008/013/korchevatel_review.html).

Мной затемнены характерные для современного научного дискурса формы *МЫ*, столь точно «прочувствованные» компьютерной программой. Думается, программа, генерирующая бессмысленные «научные» сообщения, сработала по правилам, приветствуемым современным научным сообществом, точнее, той его частью, которая, регулируя правила построения научного дискурса, демонстрирует присвоение власти в научном мире: «Властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать) текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности» [Дейк ван 2013]. И вот здесь хотелось бы сравнить современный научный дискурс с дискурсами тоталитарных (авторитарных) режимов, предписывающих определенный способ говорения о тех или иных вещах.

Приведу для примера первые строки писем советских граждан, говорящих о своем возмущении поведением писателей Ю. Даниэля и А. Синявского в 60-е годы прошлого века: «Мы, писатели Узбекистана, с **величайшим возмущением** узнали о **гнусной клевете** Даниэля и Синявского»/ «С **гневом** прочитали мы о **пошлых, омерзительных** писаниях Даниэля и Синявского»/ «О таких отвратительных **клеветниках**... мне еще не приходилось слышать» [Лассан 1995: 122]. Как видим, разные люди считают свои долгом в начале текста выражать свои чувства и делать это практически в одних выражениях. Единообразие говорения позволяет думать, что таким образом демонстрируются правила существующей «игры» — говорящий сообщает, что он находится на одной мыслительной платформе с тем, кому хочет об этом сообщить (власти). Позволю себе сравнить правила построения политического и современного научного дискурса: субъект последнего сообщает «научной элите», что он знает существующие правила и облегчает восприятие диссертации тем, кто не может оценить ее творческой стороны, поэтому с особым вниманием относится к ее формальной структуре, цель которой — продемонстрировать соответствие предъявляемым требованиям. «Есть мнение», которому следует подчиняться. И здесь я позволю себе сказать о том, что современный научный дискурс обладает специфической риторикой (Г. Хазагеров говорит о «дальней прагматике», ориентированной не на ближайшего адресата). Когда мы говорим о стиле научного дискурса, мы, очевидно, фиксируем устойчивые особенности использования языка в нем, безотносительно к цели использования этих особенностей. Когда мы говорим о риторике научного дискурса, мы задаемся вопросом: почему это сказано именно таким образом? И здесь, как уже говорилось, напрашивается сравнение с риторикой тоталитарных дискурсов: сознание, порождающее современный научный дискурс, через используемые средства сообщает научной элите о соблюдении им существующих установок, то есть о научной лояльности.

Характеризуя современную ситуацию научного дискурса, Г. Хазагеров пишет о том, что причины его обесмысливания трудно устранимы: «Они устраняются либо глобальной сменой парадигмы... либо серьезными институциональными изменениями... Никакие имманентные причины для замедления процесса десе-

мантизации, т.е. буквально обесмысливания, научного дискурса не просматриваются» [там же].

Демонстрация «тоталитарного характера» риторики в жанре диссертаций, конечно, не изменит ситуации с научным дискурсом, но, может быть, станет хотя бы незначительным фактором отказа от существующего единообразного говорения — во всяком случае, для тех, кто готов защищать свое творческое начало и индивидуальность.

Литература

- Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: тр. Междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. — Калининград, 2000. — С. 133—155.
- Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и стилистика // Вопросы языкознания. — 1973. — № 3. — С. 14—25.
- Дейк ван Т. К определению дискурса. Цит. по книге: Ideology: A Multidisciplinary Approach. — London: Sage, 1998. URL: psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm
- Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М., 2013.
- Кобозева И.М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога // Исследования по когнитивным аспектам языка. — Тарту, 1990. — С. 75—69.
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. — М., 2001. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/lovejoy/index.htm>
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. — Вильнюс, 1995.
- Мамардашвили М.К. О сознании // Мамардашвили М.К. Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки). — М., 1996. — С. 214—229.
- Суровягин С.П. Когнитивное чувство // Мышление. Когнитивные науки, искусственный интеллект. — М., 1988. — С.131—133.
- Хазагеров Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. 2010. URL: <http://www.hazager.ru/pragmatica/125-senseless.html>

В.З. Демьянков
(Институт языкознания РАН)

Зигзаги дискурса и гармонизация текста

Слово *дискурс*, как я попытался показать ранее [Демьянков 2012], не является орнаментальным вариантом термина *текст*. Прямое значение слова *текст* — предмет, а метонимическое — ‘прочтение текста’. В этом переносном смысле текст можно определить как вербальную составляющую коммуникации, которая обладает смыслом только в той мере, в какой интерпретируется читателями и слушателями, опирающимися на знание мира. Этот интерпретированный текст уходит далеко за пределы собственно сказанного в тексте, т.е. включает логические выводы, производимые читателем и не всегда замеченные самим автором.

Дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст в указанном выше метонимическом смысле) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется при необходимости неоднозначность, недоговоренность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом проясняется драматургия всего дискурса.

По ходу такой интерпретации воссоздается — «реконструируется» — мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал свой текст и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки.

Зигзагом дискурса можно назвать то явление, когда от одной точки зрения интерпретатор вынужден переходить к другой, для того чтобы установить гармонию в «трудном» тексте. Например, в обыденной речи сочетание наречий *всегда* и *обычно* встречается очень часто и на первый взгляд не вызывает никаких подозрений

[Демьянков 2007]: **Обычно всегда** удавалось решить проблему, сделав взаимные уступки и спрямляя линию границы (Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Кн. 2. Ч. 3). Однако если нечто происходит или обладает некоторым качеством **обычно**, значит, иногда бывают случаи, когда это не так, и поэтому случается **не всегда**. И тогда зачем *всегда* после *обычно*? Интерпретатор готов на зигзагообразные движения своей мысли, исходя из презумпции нормальности текста (и его автора).

Аналогично воспринимаются и другие подобные сочетания временных «кванторов общности», например:

— **обычно и никогда**: ... от волнения он даже вставляет не совсем приличные слова, чего **обычно никогда** не делает (А.Я. Бруштейн. Дорога уходит в даль... Кн. 2. В рассветный час. 1957—1958); Чик хорошо знал последовательность его действий. Они **обычно никогда** не менялись (Ф. Искандер. Рассказы о Чике);

— **обычно и как правило**: Это **обычно** был моряк в свитере, пришедший сюда прямо с корабля в короткую минуту стоянки, с двумя девушками — **как правило**, именно с двумя (Ю. Семенов. Дунечка и Никита); причем между *обычно* и *как правило* в рамках простого предложения чаще всего идут другие члены предложения;

— **как правило и всегда**: **Как правило, всегда** бывает наоборот (С. Агаев. Седьмой совершенный); Среди собак-ищеек у дамочек нюх, **как правило, тоже всегда** лучше, чем у кобелей (Г.П. Климов. Протоколы советских мудрецов).

Анализ большого корпуса текстов на русском языке различных жанров показывает: словосочетание *обычно всегда* обладает огромной частотностью и встречается не только в СМИ, но и у больших мастеров слова XX—XXI вв.

О механизмах восстановления гармонии, «оправдания» логического противоречия, возникающего из-за соседства двух данных обстоятельств в тексте, и пойдет речь ниже.

Например: Этот ключевой пост научно-технической разведки **обычно всегда** занимал офицер КГБ (К. Эндрю, О. Гордиевский. КГБ). Перифразировать это предложение можно так: «Обычно было так, что офицер КГБ занимал этот пост постоянно (а не временно и не по совместительству)».

Аналогичен перифраз у следующего предложения: [...] мистер Стерн **обычно всегда** был под рукой, черный том номер 61 из «Би-

блиотеки всемирной литературы» лежал на краешке письменного стола, а его цветная суперобложка занимала пустующее место среди других томов БВЛ (А. Житинский. Потерянный дом, или Разговоры с Милордом). А именно: обычно книга Стерна постоянно была под рукой и нигде не исчезала.

Несколько изысканней оправдание следующего предложения: *Спуск обычно всегда легче подъема, если он не особенно крут* (В. И. Пальман. Кратер Эршота): во всех ситуациях есть спуск и подъем; и обычно бывает так, что спуск не время от времени, а всегда легче подъема.

Еще большая изобретательность потребует от интерпретатора в следующих случаях: *Шли они мимо даже одной «Волги», хотя у «волг» обычно всегда есть гараж, и им не свойственно легкомыслие «запорожцев»* (Вл. Кунин. Повести); [...] мне, как плотнику, **обычно всегда** в первом эшелоне ехать приходилось... (А. Шубин. Непоседы).

Наконец, верх находчивости требуется от интерпретатора такого предложения: [...] сказал вдруг Антон, **обычно всегда** молчавший и сосредоточенно пивший свой чай (В. Некрасов. В родном городе). А именно: в большинстве сфер жизни (поэтому и *обычно*), в которые попадал Антон, он всегда молчит.

В некоторых случаях возможность такой интерпретации исключается из-за наличия еще одного обстоятельства времени, например: **Обычно всегда** элегантный, в изысканных костюмах, **сейчас** Михаил Сергеевич в свитере, выглядит похудевшим, ниже ростом и чрезвычайно возбужденным (Л. Матрос. Презумпция невиновности). Вряд ли автор имел в виду, что «обычно было так, что всегда элегантный М. С. сейчас выглядит похудевшим»: *обычно* нельзя «увязать» с *сейчас*. Тем не менее мы не замечаем отклонений и у такого предложения.

Мешать истолкованию может и вид глагола, например: *Не случайно именно на эту статью отреагировал обычно всегда пассивный «Сионистский Форум» Щаранского* (Л. Гунин. ГУЛаг Палестины). Если бы вместо *отреагировал* стоял итеративный глагол *реагировал*, то такой изгиб интерпретации был бы легче.

Следующее предложение допускает подобный перифраз только при путешествии одного и того же субъекта — «Я» — по возможным мирам: *Кошка на коленях обычно всегда* меня успокаивает.

вает (А. Хургин. Комета Лоренца): «Во всех возможных мирах, в которых я бываю...». Но явно не это имел в виду автор.

Парадоксальность таится и в предложениях, содержащих производные от наших лексем, скажем отрицательные атрибуты: **Всегда что-нибудь притаскиваешь необычное** (Е. Кукаркин. Рассказы и повести). Если ты всегда притаскиваешь нечто, то оно должно стать обычным. Однако каждый раз это бывает необычным, т.е. каждый раз не похож на остальные. Такая «необычность» в данном примере подается как привычное, т.е. обычное явление (или, как говорили в XIX веке, «обыкновенная история»), и задача интерпретатора заключается в том, чтобы установить гармонию между постоянным свойством мира и необычностью эпизодов жизни в нем.

Искусному интерпретатору по плечу и предложения типа: *Я говорил возбужденно, и, как **всегда** в таких случаях, голос мой звучал тоньше, чем **обычно**, что мне не нравилось* (Р. Ибрагимбеков. Структура момента). Здесь на первый взгляд сопоставляются свойства двух различных возможных миров: мир, каким он бывает всегда (как **всегда** в таких случаях), и привычный, обычный мир (голос мой звучал тоньше, чем **обычно**). Если же приглядеться, то заметим: свойства, которыми нечто обладает всегда, во втором предложении подаются как обычные, но все-таки не обязательно постоянные.

Иногда скрытые несурезицы бывают связаны не с совместным употреблением двух наших лексем, а с ограничениями на употребление одного из этих наречий, например: **Обычно он любил плавать и показывать всем разнообразные стили, и плавал **всегда** долго** (М. Климова. Голубая кровь). Странность этого предложения заключается в том, что один и тот же субъект, представленный «сингулярным термом» (singular term), не может «обычно любить». А вот «множественным» субъектам это позволительно, ср.: *Дети обычно любят манную кашу* при явно неправильных: * *Паша обычно любит манную кашу* и * *Паша обычно любил манную кашу*.

Итак, *обычно* интерпретируется «без извилин»¹⁴ с именем множества объектов, этим отличаясь от всеядного *всегда*, ср.: *Все дети*

¹⁴ Вспомним пастернаковское: *А ты прекрасна без извилин, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносильна*. Такова же и презумпция нормальности, с которой интерпретатор толкует трудный текст.

обычно всегда любят манную кашу, где имеется в виду каждый отдельный ребенок.

В некоторых случаях коллизии смыслов интерпретатором не замечаются из-за слишком большой дистанции в предложении между двумя наречиями, например: *Еще Маруся помнила, что ей на ночь **всегда** давали молоко, у них была большая кружка с синим и золотым ободком, и мама говорила, что она «папина», а папа **обычно** был в рейсе, то есть в море. Маруся знала, что папа моряк, и она гордилась тем, что пьет из папиной чашки* (М. Климова. Голубая кровь). Спрашивается: из папиной чашки Маруся пила молоко всегда или обычно? И когда она гордилась тем, что пьет из папиной чашки: всегда или обычно?

Истолкование таких предложений напоминает путешествие по листу Мебиуса: отправляясь на поиски их интерпретации, мы незаметно покидаем исходный возможный мир и попадаем в другой. Например, из абсолютного **всегда**-мира (такого, каким он является всегда) неожиданно мы попадаем в мир обычного, но не «всегдашнего», не вечного.

Вплоть до начала XX в. подобных конструкций в корпусе литературных русских текстов мы не встречаем. Да и в западноевропейских языках подобные сочетания до сих пор очень редки или просто отсутствуют (об этом также см.: [Демьянков 2007]).

По внутренней форме наши два наречия различны. *Обычно* то, к чему кто-либо (субъект высказывания или действия) привык, то, что для него автоматически и ожидаемо: это отмечено еще в словаре [Даль 1880—1882]. *Всегда* же бывает то, о чем говорится как происходящем безотносительно к чьим-либо презумпциям или ожиданиям. То есть *обычно* — наречие субъективной установки, даже прогноза и ожидания, а *всегда* порождает у интерпретатора гипотезу о незыблемых или **вечных** свойствах мира. Именно на таком противопоставлении основано употребление сочетания *обычно, но не всегда*.

Русскому *обычно* в западноевропейских языках соответствуют слова с очень разными внутренними формами, но непременно в этих эквивалентах чувствуется субъективная установка. Потому-то и считают их эквивалентами русского *обычно*. В английском это *usual, usually*, производные от *use* «употребление»; *commonly* (*he is commonly known as Jack* — «его обычно зовут Дже-

ком'), *generally* и *ordinarily* (*They generally / ordinarily go to the theatre on Sundays*), *mostly* (*to work mostly in the morning* — 'работать обычно по утрам').

Лексеме *всегда* в словарях общей лексики русского языка всегда посвящается отдельная статья, а лексеме *обычно*, например в словаре В.И. Даля, отдельной статьи не находим.

Складывается впечатление, что по-русски вечное (то, что бывает **всегда**) гораздо легче сочетается с идеей обычного, чем в западноевропейских языках. Действительно:

1. Слово *eternity* в английских текстах радикально отмежевало от понятия «обыденная жизнь», ср.: *Eternity resembles / One long Sunday afternoon* «Вечность напоминает одно длинное воскресенье после полудня» (D. Justice. *Nostalgia and Complaint of the Grandparents*).

2. Вечность в английских текстах «надчеловечна»: *It was like passing out of Time into Eternity — for it is a sort of Eternity for a man to have his Time all to himself* (Charles Lamb. *Last Essays of Elia*. 1833). А в русских текстах подчеркивается иногда противоположная идея, ср.: *Хоть не вечен человек, / То, что вечно, — человечно* (А. Фет. *Целый мир от красоты...*).

3. В английских текстах говорят о «глубокой» вечности, а время — обыденное, обычное — характеризуется как нечто плоское: *Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better. Silence is deep as Eternity; speech is shallow as Time* (Sir Walter Scott. *Critical and Miscellaneous Essays*. 1838).

4. По-русски вечность обычно представляли и представляют сходным образом; однако в XIX в. наступает перелом: *Нам вот все представляется вечность как <...> что-то <...> огромное! <...> И вдруг, вместо всего этого, <...> будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот вся вечность* (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*).

Более того, в русской словесности начала XX в. иногда проскальзывает мысль о том, что вечность — эдакий простачок, которого легко обмануть: *У вечности ворует всякий, / А вечность — как морской песок* (О. Мандельштам).

Эта мысль перекликается с идеей У. Шекспира о том, что время нечестным путем пытается приблизиться к вечности — но не достигает этого: *Time's thievish progress to eternity* (William Shake-

peare. *Sonnet 77*). Однако у Шекспира *eternity* — далеко не простачок.

Иначе говоря, по-русски речь о **вечности** не запрещается в сочетании с **обыденным** — в отличие от английского, немецкого и французского. Вот почему в этих языках сочетания типа *обычно всегда* (*usually always* и т.д.) напоминают, скорее, детскую речь и очень похожи на наивно-детское выражение *big enormous* «большой-огромный» (по-русски тоже очень характерное для детей), напр.: *A GREAT big enormous trout came up — kerpflop-p-p-p!* (B. Potter. *The Original Peter Rabbit Books*).

Итак, слово *обычно* не является «ослабленным» или «размытым» вариантом наречия *всегда*. Иначе сочетания *обычно всегда* и *всегда обычно* запрещались бы однозначно. Вряд ли в приведенных примерах имеем дело и с «самоуточнением» типа: *обычно всегда* = «обычно, и даже более того, всегда» и *всегда обычно* = «всегда, а точнее, обычно». Скорее, можно предположить, что *обычно всегда* представляет собой отдельную (хотя и допускающую разъединение в предложении) единицу словаря со значением «мне кажется, всегда». Эта единица представляет собой один член предложения — обстоятельство, а не сочинение двух обстоятельств. Употребляя эту сложную единицу, говорящий «самоустраняется» от защиты своих высказываний, а читатель (обычно, но не всегда), совершая свои интерпретационные виражи, не ропщет и великодушно сносит капризы противоречивого текста.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. — М., 1880—1882.
- Демьянков В.З. Осциллирующая интерпретация предложений с сочетанием *всегда обычно* // *Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака*. — М., 2007. — С. 481—489.
- Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // *Язык СМИ и политика* / под ред. Г.Я. Солганика. — М., 2012. — С. 77—120.

Стилистические и семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка

Понятие «границ» литературного языка хотя и присутствует имплицитно в исследованиях, посвященных проблемам пространства литературного языка, но не наполнено конкретным содержанием. Карты русских диалектов вычерчиваются, но не существует карты, устанавливающей зримые границы между стилями литературного языка, с одной стороны, и границы между литературными и нелитературными ареалами — с другой. Функционально-стилистическое расслоение литературного языка в известной мере условно. Все пришли к единому мнению о том, что проблематика, связанная с исследованием «стилей языка» и «стилей речи», до конца не определена. Различные взгляды и суждения не сведены к общему знаменателю. И тем не менее функционально-стилистические разновидности современного литературного языка представляют несомненную реальность, отражая при этом «реальный факт социально обусловленного функционирования языка в разных сферах человеческого общения» [Петрищева 1972: 160].

На практике при обращении к исследованию разных функциональных стилей языка мы анализируем совокупности текстов, характеризующиеся особенностями отбора и употребления языковых единиц. Так, официально-деловой стиль представлен в языке разными типами служебных документов (деловое письмо, докладная записка, заявление, приказ, протокол и под.). О научном стиле дают представление тексты диссертаций, учебников, научно-исследовательских статей, лекций, докладов. Если выделять, как предлагает Д.Н. Шмелев [Шмелев 1977: 9], газетно-информационный стиль, то и здесь исследователи не ошибаются, обращаясь к анализу типичных жанровых текстов газетной речи — информации, репортажа и пр.

В процессе исследования разных стилей литературного языка мы направляем усилия на обособление выделяемых типизированных форм речи.

При более углубленном изучении образцов речи, представляющих различные функциональные стили языка, легко заметить, что существуют каналы связи между стилями, пограничные зоны, в пределах которых происходит их взаимодействие и взаимовлияние. Эти зоны реально проявляют себя в том отношении, что именно они становятся ареной наиболее активных иностилевых внедрений, семантических и грамматических нововведений различного рода.

Как уже отмечалось, развитие литературного языка в условиях научно-технической революции ведет к углублению и расширению взаимодействия между функциональными разновидностями речи, и прежде всего профессионально-технической, научной и публицистической речью.

Наблюдения показывают, что средства массовой коммуникации, и в первую очередь газета, выступают как посредник между профессиональными сферами языка и его письменной общелитературной разновидностью. Журналист, который комментирует те или иные события, происходящие в науке и технике, вынужден искать новые варианты «организации и отбора языковых единиц в том или ином типе текста в пределах литературной нормы» [Горшков 1981: 234]. Профессиональные газеты, теле- и радиопередачи всегда содержат материалы, оформленные в языковом отношении с помощью разностилевых элементов.

Переплетение профессионально-технических и публицистических средств речи приводит к неожиданным стилистическим комбинациям. Не все языковые явления, характеризующие отличительные черты профессиональной речи, проникают в общелитературный язык. Многие остаются в пределах замкнутых терминологических систем. Из каждой профессиональной, особенно научной среды можно привести десятки образцов речи, понятной только узкому кругу специалистов. Однако заслуживают самого пристального внимания те новые факты, которые со временем широко распространяются среди населения через газеты, популярные журналы, наконец, из живой речи профессионалов. Эти явле-

ния требуют и нормативной оценки, и активного отношения к ним языковедов.

Приведем отрывок из письма, присланного в редакцию газеты «Правда»: «Почему же нет авторитетного и обладающего должной властью учреждения, которое бы наблюдало за чистотой и сохранностью русского языка — основы нашей культуры? Русский язык активно засоряется мусором иностранщины, особенно в этом повинны научно-технические работники, всевозможные деятели искусства, работники так называемой сферы обслуживания, спорта. Облик молодого дарования, будь то ученый или популярный спортсмен, неполон без хлестких иностранных словечек. Ухватив иностранное словечко, он им щеголяет в докладе, в научной статье, в беседе по радио и телевидению.

Иной с важностью пишет: «Молекула, экспонированная в растворителе, блокирует отверстие в мицелле», полагая, что если он скажет просто «молекула, помещенная в растворитель, прикрывает отверстие в мицелле», то это снизит его ученое значение. Сколько таких ученых самодовольно пишут: «этнологические агенты» вместо «причины», «эклипс-фаза» вместо «скрытое действие», «убиквитарны» вместо «вездесущи», «фертильность» вместо «плодородность», «проксимальный» вместо «приблизженный». А модельеры и модельерши лепечут: «блузоны», «фриволите», «прогностически» (вместо «предположительно»)... А спортсмены, деятели сферы обслуживания, деятели искусств! Их болтовня о хет-трике, релаксации, диск-жокеях, форсинге, ложементах, рецепциях и пр. В диетическом магазине висит рукописный плакат-рекомендация под названием «Питание при демпинг-синдроме». В рыбном магазине над полками с банками консервов укреплено составленное из больших резных букв слово «пресервы». Об этом можно писать трактат. Нужны самые решительные меры. Необходим закон об охране русского языка». Если отбросить пылкость и резкость оценок, то существо письма заставляет нас задуматься. В самом деле, для широкого читателя специальные темы повествования должны быть приспособлены к общелитературным контекстам. При этом решающей оказывается ориентация на общепонятные и общедоступные формы изложения, выдержанные в рамках принятой литературной нормы. Элементы речи, пересаженные из одной

стилистической системы в другую, в течение какого-то времени остаются в ней лишь стилистическими инкрустациями. Освоение чужих элементов может быть и неполным, и неточным. Реализуются не все смысловые возможности, которые заложены в той стилистической системе, откуда заимствуется слово или форма, а лишь те из них, которые оказываются наиболее удобными для общеупотребительного пользования. Остановимся на одном явлении, связанном с упомянутыми процессами, — явлении детерминологизации в языке.

Специальная терминология, относящаяся к развивающимся областям человеческой деятельности, особенно активно переходит, перемещается из относительно замкнутых терминологических систем в область общелитературного употребления. Проблема унификации и нормализации терминологии привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Естественно, что и обратный процесс, связанный с «олитературированием» терминов не может не вызвать интереса.

Миграция терминов из одной стилистической системы в другую и переход от одного семантического воплощения к другому отличается своеобразием. В новой стилистической среде нередко ассимилируется не вся смысловая структура термина, а лишь ее отдельные стороны: чаще всего развиваются потенциальные возможности, которые определяют его новые синтагматические связи. Лишь позднее происходит более глубокое преобразование смысловой структуры слова на базе новой контекстной семантики. Слово приспосабливается к новым контекстам, и эти новые контексты, в свою очередь, меняют его первоначальную семантическую емкость. Не порывая с традицией профессионального употребления термины служат новым целям, реализуя свои «скрытые» смысловые и стилистические возможности, суженные прежде специальной сферой применения. Можно привести пример со словом *сервис*, заимствованным из специальной экономической литературы. Как известно, его первоначальное значение — переводное: англ. *service* — «служба, обслуживание». В научной экономической литературе этот термин используется с определенным терминологическим значением — «сфера услуг». В общелитературное и обиходное употребление слово стало входить особенно активно в 60-е годы XX в., хотя еще в 30-е годы в словаре под редакцией

Д.Н. Ушакова оно было отмечено как новое. Сейчас в слове отчетливо выделяются три значения:

1. 'Обслуживание бытовых нужд населения', например: *Китай вынудил Apple извиниться за плохой сервис* (Ведомости. 02.04.2013); *Туристов всегда ждет хороший сервис и по-настоящему добродушный и приветливый обслуживающий персонал* (Комсомольская правда. 07.08.2013).

2. 'Совокупность учреждений по обслуживанию нужд населения и созданию удобств для него': *Сервис станет единым центром ответственности за выполнение ремонта локомотивов* (Гудок. 26.04.2013); *В случае поломки настоятельно рекомендуется обратиться в сервис кондиционеров* (Родная газета. 26.07.2011).

3. 'Сфера услуг' — это прежде терминологическое значение стало и обиходным, ср. словосочетания: *работники сервиса, мастера сервиса*. По модели смысловой структуры слова *служба* расширяется семантическая емкость слова; оно в ряде контекстов имеет обобщенное значение 'сервис как определенная отрасль производства'. В современных СМИ типично такое, например, употребление: *Программист по образованию, швейцарский бизнесмен последние десять лет создает концептуальные проекты в индустрии сервиса в Европе* (Эксперт. № 33. 20.08.2012).

Спор может идти о том, отдельные ли это значения или только оттенки значений, но необходимость различения трех разных смысловых нюансов в употреблении этого слова сомнений не вызывает. С нормативной точки зрения неудачно, однако, получившее хождение тавтологическое сочетание *служба сервиса*, которое не изжито из употребления, несмотря на протесты лингвистов. Ср. встречающиеся примеры: *«Лучший диспетчер группы по обработке багажа отдела по обслуживанию пассажиров службы сервиса авиакомпаний» — Наталья Мазовка* (Туризм и отдых. 22.01.2013); *Службам сервиса и экипажам команд выделено сварочное оборудование для оперативного ремонта следжей (саней)* (Советский спорт. 26.08.2013).

Как правило, переосмысление термина происходит в процессе неточного воспроизведения его смысла. Все те свойства, которые признаются существенными для термина, обнаруживают тенденцию к переходу на позиции свойств «не-термина», к приобретению противоположных качеств.

Как только термин переходит на позиции общеупотребительного, начинает меняться его социальная оценка. Однозначность и четкая очерченность семантики термина в новом языковом окружении нередко тяготеет к полисемии и семантической неопределенности. Нейтральность окраски для своей среды меняется на яркую стилистическую окрашенность, когда слово используется в новых контекстах.

В профессиональной среде поощряется тенденция к освобождению от вариантных средств и к строгой идеографической распределенности в отношениях с синонимами. В общелитературном же употреблении действие этой тенденции резко ослабляется; появляются лексические и грамматические варианты, возникают новые синонимические связи. Складывающаяся новая семантика слова подлежит анализу не только с точки зрения соответствия или несоответствия первоначальному значению термина, но и с точки зрения нормативности или ненормативности тех конкретных новых языковых явлений, которые возникают в речи.

Классическая работа В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений» помогла установить перспективу в семантическом строении слов. В. Виноградов раскрыл те конкретные зависимости, которые определяют специфику лексических значений, существующих как самостоятельный структурный элемент языка. Значение слова определяется и соответствием понятию, и рядом зависимостей: 1) от грамматического значения (свойств части речи, к которой принадлежит слово); 2) от общественно осознанных контекстов употребления; 3) от конкретных лексических связей его с другими словами; 4) от семантического соотношения с синонимами; 5) от экспрессивной и стилистической окраски слова [Виноградов 1977: 165]. Можно заметить, что последняя отмеченная В.В. Виноградовым черта — зависимость от экспрессивной и стилистической окраски слова — оказывается во многих случаях первой и ведущей, когда исследуются причины перемещения термина из специальной среды в сферу общего употребления.

А.П. Чехов устами своего героя в шутку заметил по поводу терминов, что всякий из них имеет «свое таинственное недоумение». Склонность к многозначительной семантике термина, к стилю профессионального речеведения общеизвестна. Нередко и в самом контексте выражено авторское отношение к терминологическим

обозначениям реалий, например: *Такое пренебрежительное слово, как «утильсырье», заменяется таким значительным, как «вторичные материальные ресурсы»* (из радиопередачи); *Дело было в стерильном учреждении. Везде кафель. Строгие, без излишеств, коечки. Обильные водой душевые. И легко забранные в надежный металл окна. К подъезду подкатывают автомобили с красными крестиками... Приют нежданного умиротворения. И при такой заботливой обиходности слово «вытрезвитель» звучит, конечно, вульгарно. Медико-санитарная служба. Вот так. Чтобы не коробить слух (газ.). И вторичные материальные ресурсы, и медико-санитарная служба* в той специальной языковой среде, из которой они заимствуются, имеют более широкое значение. Созданный журналистами контекст сузил их семантику введением обиходных синонимических единиц.

Иногда та же терминологическая окрашенность слова становится основой для индивидуальных и окказиональных семантических преобразований. В новогодней шутке «Последний лов», опубликованной в «Правде», автор (В. Егоров) таким образом обыграл специальную лексику рыболовов: «Отправляясь на подледный лов, следует экипироваться по всем правилам. Учтите, что на рыбалке вы будете не один... Поэтому, чтобы не показаться неграхом, не забудьте до блеска начистить ботинки. Галстуки для подледного лова рекомендуется подбирать темных тонов. В зависимости от погоды. Захватите одну-две мормышки и соответственно закуски... Разделавшись с лункой, закидывайте подальше удочку и смело приступайте к процессу ужения. Открывайте термос, в который жена налила настоящей ухи из свежемороженого окуня, откупоривайте припасенную мормышку и поехали! Почувствовав, что начинается клев, залезайте в спальный мешок или, еще лучше, идите в ближайшую деревню и проситесь переночевать: мир не без добрых людей, кто-нибудь приютит обязательно. Тут как раз очень кстати будет вторая мормышка». В конце юморески дается объяснение специальных рыбацких терминов, встречающихся в тексте:

*«ужение — процесс принятия пищи (очевидно, от искаженного *ужинать*);*

*клев — полусонное состояние (ср. *клевать носом*);*

мормышка — широко распространенная у рыбаков мера объема жидкости 0, 25 литра».

Новогодняя шутка не имеет прямого отношения к детерминации, но вместе с тем еще более подчеркивает психологические и эстетические причины обращения авторов к терминологической лексике как к сильному стилистическому средству.

Приведенные примеры характеризуют лишь первую ступень семантического преобразования термина. На этой ступени изменения касаются только синтагматического плана, когда наблюдаются лексико-семантические вариации слова при тождестве его основного значения. Слово остается в пределах одной и той же части речи со всеми присущими ей категориями и формами.

Вторая ступень семантического преобразования предполагает более глубокое видоизменение структурных элементов слова. Происходят сдвиги и в его морфологической валентности, его способности занимать определенные позиции в морфологосинтаксических структурах. Можно проследить целый ряд «сквозных» закономерностей, характерных для процесса семантического преобразования специальных слов в тех случаях, когда затронуты не только лексические, но и грамматические элементы слова.

Существуют большие группы варьирующихся единиц, среди которых действует четко выраженная тенденция к размежеванию терминологических и общелитературных вариантов. Можно привести примеры в составе родовых форм: *метаморфоз* (спец.: ‘превращение, переход из одной формы в другую’; например, *метаморфоз горных пород*) и *метаморфоза* (разг.: ‘полное, совершенное изменение’); *просек* (спец.: ‘вспомогательная горизонтальная подземная горная выработка’; например, *вентиляционный просек*) и *просека* (общелитературное значение: ‘очищенная от деревьев полоса земли в лесу’); *манжет* (спец.: ср. *манжет из резины*) и общелитературное *манжета* и т.д. Аналогичные явления наблюдаются в составе отдельных падежных форм, глагольных форм времени и вида.

Можно привести один пример распространившейся формы страдательного причастия *задействован*. Заметна активизация в профессиональной речи префиксальных образований с приставкой за-, в которых она имеет значение ‘достижение действием результата’: *заорганизовать, завесить* (в значении ‘взвесить’), *закодировать, задокументировать, задействовать*. Этот глагол широко распространился в разговорной и газетной речи с 70-х годов

XX века, переместившись из слоев профессиональной речи: **Задействованы** старые контрабандные каналы связей, проходящие через Таиланд (Правда, 17.02.1979); Телефон **будет задействован** (фильм «Всем спасибо», 1982); Чиновничий «принцип семейственности» сегодня **задействован** в 80% коррупционных схем (Московский комсомолец. 08.07.2013); «Труд» отобрал 5 самых успешных фильмов Хичкока, в которых он **был задействован** и как актер, и как режиссер (Труд. 13.08.2013); ВМФ не **будет задействован** в эвакуации российских граждан из Сирии (Независимая газета. 28.08.2013). Во всех этих случаях причастие означает 'начало активного действия и достигнутого действием результата'. Успеху этого образования способствует ярко выраженное значение очень активно, энергично проходящего действия в сочетании с общим стилистическим оттенком профессионально-деловой речи, откуда пришло это слово¹⁵. Во всех приведенных контекстах возможен нейтральный литературный эквивалент. Форма причастия *задействован* особенно резко стилистически окрашена, когда она используется в применении к лицам, например: Алексей Навальный **задействован** сразу в двух судебных процессах в Кирове (Новые известия. 30.05.2013); Полузащитник «Анжи» Олег Шатов может быть **задействован** в сделке по трансферу полузащитника «Зенита» Игоря Денисова в махачкалинский «Анжи» (Советский спорт. 20.06.2013). Здесь сказывается налет сниженной оценки деятельности лица. Подытоживая, надо сказать, что глагол *задействовать* очень активно употребляется в СМИ и характеризуется ярко выраженной экспрессией.

Проблема научно обоснованной, объективной оценки нормы употребления все еще остается одной из наиболее актуальных и до конца не исчерпанных и не раскрытых.

¹⁵ Употребление этой формы особенно частотно в книге В. Богомолова «В августе сорок четвертого». В примечании к книге автор писал, что он широко использовал в тексте «специфический узкопрофессиональный жаргон розыскников военной контрразведки». Можно напомнить примеры: Напоминаю, что задействованный с 1 августа сего года условный знак... содержится только в командировочных предписаниях; Органам контрразведки... надлежит создать и задействовать на военно-автомобильных дорогах подвижные поисково-истребительные группы «Смерчи»; К утру было задействовано свыше семисот групп и мн. др.

Литература

- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162—189.
- Горшков А.И. Вопрос о вариативности норм в связи с пониманием языка как системы систем // Литературная норма и вариантность. — М., 1981. — С. 234—248.
- Петрищева Е.Ф. Стил и стилистические средства // Стилистические исследования. — М., 1972. — С. 107—175.
- Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977.

Дискурсивные практики конструирования персонажей в рекламе модных брендов в журнале *Vogue*

Рекламный дискурс в современном обществе отличается высокой степенью суггестивности, использованием практик непрямого, завуалированного воздействия на аудиторию. Исследование семантики основных составляющих рекламы модной одежды, парфюмерии и косметики способствует пониманию механизмов создания рекламы модных брендов, что, в свою очередь, может вести к смятению рекламного влияния на общественное сознание.

Реклама модных брендов вроде *Dior* или *Chanel*, рассчитанная прежде всего на высокодоходную, образованную аудиторию и публикуемая в престижных изданиях, отличается высоким художественным уровнем, изощренностью практик рекламирования. М. Ковриженко выделяет следующие признаки подобных рекламных текстов: конструирование фантастической или просто необычной реальности; неопределенность смысла (неясность, фрагментарность); карнавализация (элементы хаоса, беспорядка, относительность социальных норм) [Ковриженко 2004]. А.Б. Цветкова отмечает, что целью рекламы является не только продвижение товаров и услуг, но и формирование для каждого сегмента целевой аудитории особого идеального мира, способного стать неким персональным ориентиром [Цветкова 2010: 305].

Смысловая неопределенность рекламных сообщений позволяет адресату включить в их интерпретацию близкие ему смыслы: «Пустоты — это те интерпретации, которые существуют, но не обозначены в тексте» [Ковриженко 2004: 15], т.е. лакуны в содержании сообщения каждый адресат заполняет на свое усмотрение. Алексей Юрчак также отмечает, что большое количество технологий в рекламном дискурсе основывается на принципе, что часть смысла рекламного сообщения создается при участии аудитории:

его суть завуалирована и требует расшифровки [Юрчак 2000: 72]. Толкование смысла рекламного сообщения становится индивидуальным, зависящим от интеллектуальных предпочтений и жизненного опыта каждого отдельного реципиента. Однако авторы рекламных текстов могут контролировать пути смыслопорождения, по которым пойдет аудитория, с целью формирования нужной трактовки послания, например благодаря накоплению деталей, которые постоянно отсылают к одной и той же идее, в то время как противоречащие ей элементы смысла отсутствуют.

Стремясь использовать фоновые знания адресата, реклама часто использует известные темы или сюжеты и перерабатывает их, создавая явное или скрытое цитирование, заимствования, аллюзии.

Важными носителями нужных рекламодателю смыслов являются персонажи рекламного текста, символизирующие конкретный бренд. Чаще всего они не являются теми, с кем потребитель стремится отождествлять себя, это носители определенных визуальных характеристик, символизирующих для целевой аудитории те достоинства, которые они могут приобрести вместе с рекламируемым товаром. Ведь покупка брендовых вещей не ограничивается получением конкретных товаров, она содействует и обретению стиля жизни, который сопровождает ту или иную марку благодаря умелому воздействию рекламы на сознание аудитории.

Символически значимое пространство, в котором изображаются персонажи, также играет важную роль в рекламе: атмосферу ситуации, в которой запечатлены герои рекламного сообщения, адресат может проецировать на собственную реальность, преобразующуюся благодаря покупке рекламируемого товара. Наиболее часто используется пространство уютного дома; большого города с богатым выбором развлечений; виды природы, несущие смыслы отдыха и покоя, и т.д. Каждый из многочисленных элементов изображаемой среды может находиться в особом состоянии, создающем дополнительные возможности смысловой расшифровки текста: к примеру, море может штормить или находиться в спокойном состоянии, спальня героя — быть прибранной либо содержать беспорядок, лес — пугать своей непроходимостью или манить на утреннюю прогулку. «Товар, помещенный в ту или иную среду, неизбежно попадает под влияние тех стереотипных представлений,

которые связаны у потребителя с данным типом среды» [Павловская 2003: 181]. Отсутствие в рекламном тексте значимого символического пространства минимизирует количество смыслов — оставляет адресату пустоты для заполнения.

Реклама модных брендов полагается, как правило, на визуальное воздействие, поэтому журналы являются идеальным рекламным носителем. *Vogue* — журнал, про который можно сказать, что он специализируется на рекламе модных брендов. Сегодня *Vogue* — это «журнал, проповедующий идеологию достижения и эксплуатирующий мечты об идеальной внешности и вечной молодости» [Твигг 2011: 81].

Рассмотрим некоторые практики конструирования популярных женских персонажей в рекламе, размещаемой в журнале *Vogue*.

Романтическая героиня обычно является обладательницей длинных волос, уложенных в мягкие волны либо собранных на голове в слабый пучок. Так или иначе прическа выражает мягкость ее натуры. Макияж, выполненный в пастельных тонах, как правило, сводится к применению нежно-розовых румян и блеска для губ, подчеркивает свежесть внешнего облика девушки. Наряд героини — это чаще всего платье, украшенное множеством складок. Марина Ковриженко отмечает, что складка создает бесконечное множество траекторий движения взгляда. Ее соотносят с внутриутробным развитием человека, поэтому в рекламе складка символизирует пространство, не имеющее четких границ, архетип материнского лона [Ковриженко 2004: 66], несущего смыслы нежности, любви, безопасности, гармонии. Благодаря этим ассоциациям складки в одежде участвуют и в формировании романтического женского образа. Изящный изгиб фигуры, кистей и пальцев рук женщины-персонажа создается с целью минимизации в тексте прямых линий, ассоциирующихся с жесткостью и грубостью, свойственными агрессивным, целеустремленным персонажам.

На уровне символически значимого пространства часто присутствуют декоративные материалы, также образующие складки, например лепнина на стенах и потолка. Мебель и остальные объекты, расположенные в рекламном пространстве, также имеют плавные очертания. В цветовом решении практически всегда ис-

пользуются разные оттенки розового цвета. Важным дополнительным элементом часто выступает цветок, который, согласно трактовке, предложенной Ией Имшинецкой, означает мимолетность, весну, красоту, нежность и ласковость [Имшинецкая 2003: 145]. В рекламных текстах цветок может присутствовать в виде дополнительного аксессуара героини, ювелирного украшения, как принт на ее одежде, а также как элемент пространственного декора.

Сегодня романтический образ активно эксплуатируют такие марки, как Dior, Louis Vuitton, Valentino и другие.

Другой типичный рекламный персонаж — женщина-вамп. Образ роковой женщины подразумевает наличие бессознательной демонической части личности, в которой отражается темная сторона души. В этом образе подчеркиваются смыслы уверенности в своей неотразимости, стремление к получению удовольствий прочитывается как ведущая жизненная ценность героини. Часто такая женщина выступает как хищница, например, типичны анималистичные принты на ее одежде, напоминающие, например, окрас леопарда или шкуру змеи. Для мимики героини типичен хищный взгляд прямо в глаза потенциальному потребителю, ярко-красная помада может интерпретироваться как застывшая кровь на губах вампира. В изгибах ее тела преобладают острые углы и прямые линии, в отличие от романтической героини.

Как правило, пространство, в котором изображена женщина-вамп, не имеет естественного освещения: действие происходит поздним вечером или в полутемном помещении, что не случайно, поскольку тьма порождает ассоциации со страстью и демонизмом [Имшинецкая 2003: 144]. На заднем плане часто изображен лес, вызывающий ассоциации с местами обитания диких хищников, символизирующий свободную жизнь, подчиненную инстинктам, вне контроля со стороны разума [Там же: 136]. Среди цветовых решений господствует вызывающее сочетание цветов: яркие оттенки ядовитого зеленого, желтого, красного и фиолетового символизируют тревогу и опасность, создают высокое эмоциональное напряжение в тексте.

Образ женщины-вамп с завидным постоянством встречается на страницах российского *Vogue* и практически отсутствует во французских и британских выпусках за анализируемый период. Образ роковой красавицы не является сезонным трендом, однако

зачастую используется в осенне-зимних рекламных кампаниях. Чаще других его используют Gucci, Tom Ford и Givenchy.

Интересны практики создания андрогинного образа. Андрогинность характеризуется одновременным проявлением женских и мужских качеств. Такая героиня минимизирует отличительные черты девичьего образа в своем облике — узкие плечи, длинные волосы, округлые формы груди и бедер, компенсируя их мужским костюмом, короткой стрижкой и угловатой фигурой. Ее цель — стирание границ между полами, поэтому аксессуары, яркий макияж и маникюр такой девушке не чужды — с их помощью можно запутать публику. Иногда главное действующее лицо имеет горделивую женственную осанку, а порой засовывает руки в карманы брюк и ведет себя как настоящий сорванец. В некоторых случаях рекламные персонажи — это группа людей, которым свойственна андрогинность. При беглом взгляде на изображения сложно определить половую принадлежность героев: одежда унисекс, схожие позы и мимика делают их идентичными.

Зачастую в рекламной иллюстрации преобладают нейтральные цвета, отражающие неопределенную гендерную специфику героя: различные оттенки коричневого, серого или классическое сочетание черного и белого. Яркие элементы также могут подчеркивать двойственность натуры; например, сочетание голубого и розового в одежде способно символизировать женское и мужское начала, которые уживаются в одном человеке.

Андрогинный внешний вид персонажей обычно указывает на идейную позицию бренда: производство высококачественной одежды и обуви, одинаково подходящей женщинам и мужчинам. Тема андрогинности находит широкое применение в рекламе, размещенной в европейских выпусках Vogue. В отечественном Vogue этот образ, скорее, редкость. В последние годы к теме андрогинности настойчиво обращались такие марки, как Dr. Martens, Moncler, Dolce&Gabbana и другие.

В противоположность широко распространенным персонажам с идеальным внешним видом реклама модных брендов в журнале Vogue нередко использует женский персонаж с подчеркнуто небрежным, даже неряшливым видом. Такая героиня — это, несомненно, привлекательная женщина, которая никогда не проводит много времени перед зеркалом. В ее облике отсутствует излишний

лоск: выбившиеся из некогда идеально уложенной прически, слегка взъерошенные волосы, минимум макияжа и аксессуаров создают образ естественности, непринужденности. Такие детали, как спадающая с плеча одежда, незавершенный жест, остановленный в момент фотографирования, должны свидетельствовать о случайном происхождении рекламного снимка, его непостановочном характере. Стилизация «случайного» фото обеспечивается и тогда, когда модель не позирует перед камерой, иногда она и вовсе поворачивается к ней спиной. Героиня не имеет цели продемонстрировать рекламируемый товар в лучшем ракурсе, сделать его максимально привлекательным для потенциальных потребителей — в тексте представлен отрезок ее будничной жизни, например, мы видим, как она примеряет наряды у себя в комнате или гуляет по городу.

Символическое пространство в такой рекламе подчеркнуто реалистично: обычные объекты городской среды, домашние интерьеры. Небрежность в образе персонажа акцентируется за счет якобы случайного включения в рекламный сюжет специфических деталей окружающей обстановки: мятая одежда, торчащая из приоткрытого ящика комода, или куча мусора в городском переулке, грязные стены и обшарпанные двери домов и т.д. Так проявляется в том числе видение мира как хаоса — внимание к второстепенным, случайным деталям, говорящим о несовершенстве окружающего. В таких рекламных текстах часто преобладают тусклые оттенки нейтральных цветов, которыми окрашен пейзажный фон: коричневый, серый, белый, иногда подсвеченные блеклым сиянием.

Подчеркнуто небрежный образ встречается во всех рассматриваемых выпусках Vogue. В последнее время активными приверженцами данного рекламного образа являются бренды Marc Jacobs и Celine.

Мы рассмотрели некоторые типичные практики конструирования женских персонажей в рекламе модных брендов. Анализ показал, что символическая организация рекламных текстов предполагает создание собственной реальности, привлекательной для целевой аудитории. Персонажи ярко индивидуализированы, противопоставлены друг другу. Типична и романтизация женского облика и, напротив, создание образа роковой, страстной, агрессивной

женщины. Подчеркнуто женственным персонажам в романтической или хищной ипостаси противостоят андрогинные образы или слегка неряшливые, неидеальные героини. Мир высокой моды дробится на множество субмиров, привлекательных для разных целевых аудиторий.

Литература

- Имшинецкая И.А. Креатив в рекламе. — М., 2003.
Ковриженко М.К. Креатив в рекламе. — СПб., 2004.
Павловская Е.Э. Дизайн рекламы: поколение NEXT. — СПб., 2003.
Твигг Дж. Журнал Vogue о возрасте: мода, тело и немолодые женщины // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. — 2011. — № 2. — С. 81.
Цветкова А.Б. Неэтичные рекламные кампании как стратегия продвижения модных брендов // Реклама. Теория и практика. — 2010. — № 5.
Юрчак А.В. По следам женского образа // Женщина и визуальные знаки. — М., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баженова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Безуглая Лилия Ростиславовна — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Бжозовская Дорота — доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша), заведующая кафедрой европеистики Института польской филологии.

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка филологического факультета Челябинского государственного университета.

Гайда Станислав — доктор филологических наук, профессор, директор Института польской филологии Опольского университета (Польша).

Граудина Людмила Карловна — доктор филологических наук, профессор, член редколлегии журнала «Русская речь».

Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН.

Ивченков Виктор Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

Карасик Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Кашкин Вячеслав Борисович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета.

Клушина Наталья Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кожемякин Евгений Александрович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного университета.

Коньков Владимир Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета.

Лассан Элеонора Руфимовна — хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета (Литва).

Мальшева Елена Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского.

Негрышев Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Орлова Ольга Вячеславовна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку и литературе историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

Селезнева Лариса Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета.

Смирнова Надежда Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Солганик Григорий Яковлевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Тошович Бранко — доктор филологических наук, профессор Института славистики Университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия).

Хазагеров Георгий Георгиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета.

Чепкина Элина Владимировна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Чернейко Людмила Олеговна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

**ДИСКУРС И СТИЛЬ:
теоретические и прикладные аспекты**

Коллективная монография

Под редакцией Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной,
Н.В. Смирновой

Подписано в печать ????.2014. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. ??,??. Уч.-изд. л. ??,??.

Тираж ?? экз. Изд. № ??. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90